

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Ставропольский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Карташев Игорь Владимирович
Карташев Андрей Владимирович

**МЕДИЦИНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг.**

Ставрополь, 2023

УДК 61(091)(470.6)
ББК 5г(284.1)
К 27

Рецензенты:

Ягода А. В. – заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой госпитальной терапии Ставропольского государственного медицинского университета, доктор медицинских наук, профессор.

Ерегина Н. Т. – почетный работник высшего профессионального образования РФ, заведующая кафедрой истории и философии Ярославского государственного медицинского университета, доктор исторических наук, доцент.

Карташев И. В., Карташев А. В.

Медицинские образовательные учреждения на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / И. В. Карташев, А. В. Карташев. – Ставрополь : Изд. СтГМУ, 2023. 252 с.

ISBN 978-5-89822-800-2

На основе широкого круга разнообразных исторических источников в монографии исследуется работа медицинских заведений высшего и среднего профессионального образования на захваченной германскими войсками территории Советского Союза – в республиках Прибалтики, Белорусской и Украинской ССР, РСФСР. Оценивается состояние дел в сфере здравоохранения и образования, рассматриваются причины отказа оккупационных властей от продолжения работы большинства медицинских образовательных учреждений, а также попытки налаживания деятельности отдельных из них. Анализируется урон, нанесенный медицинским заведениям профессионального образования и системе подготовки медицинских кадров в целом.

Монография адресована ученым, преподавателям, специалистам по гражданско-патриотическому воспитанию молодежи, аспирантам, студентам и школьникам, а также всем читателям, интересующимся вопросами истории нашей страны, Второй мировой и Великой Отечественной войн.

УДК 61(091)(470.6)
ББК 5г(284.1)
К 27

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом СтГМУ

ISBN 978-5-89822-800-2

© Карташев И. В., Карташев А. В., 2023
© Ставропольский государственный
медицинский университет, 2023

Оглавление

	<i>Стр</i>
Перечень сокращений.....	4
Введение	7
Глава I. Политика нацистской Германии в сфере здравоохранения и образования на оккупированных территориях СССР	9
1.1. Общие аспекты германской оккупационной политики в захваченных районах Советского Союза.....	9
1.2. Сфера здравоохранения в условиях оккупации.....	22
1.3. Школьное и профессиональное образование на оккупированных территориях	37
Глава II. Медицинские образовательные учреждения на оккупированных территориях республик СССР	67
2.1. Медицинское образование в союзных республиках Прибалтики и Белорусской ССР в период оккупации	67
2.2. Образовательные заведения системы здравоохранения Украинской ССР в период 1941–1944 гг.....	83
Глава III. Медицинские учреждения высшего и среднего образования в оккупированных районах РСФСР.....	117
3.1. Выживание медицинских учебных заведений в ходе оккупации Европейской части России	117
3.2. Деятельность медицинских вузов и школ на Юге России в период битвы за Кавказ 1942–1943 гг.....	128
Заключение	176
Список источников и литературы.....	179
Сноски.....	210

ПЕРЕЧЕНЬ СОКРАЩЕНИЙ

АГУ	– Адыгейский государственный университет
АО	– автономная область
АМН	– Академия медицинских наук
БНС	– Белорусская народная самопомощь
ВГУ	– Витебский государственный университет
ВКВШ	– Всесоюзный комитет по делам высшей школы
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ	– Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи
ВолГМУ	– Волгоградский государственный медицинский университет
ВЦСПС	– Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов
ГАНИСК	– Государственный архив новейшей истории Ставропольского края
ГАВО	– Государственный архив Волгоградской области
ГАКК	– Государственный архив Краснодарского края
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации
ГАСК	– Государственный архив Ставропольского края
ГБПОУ	– Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение
ГГМУ	– Гомельский государственный медицинский университет
ГКО	– Государственный комитет обороны
ГМИ	– государственный медицинский институт
ЗЧ ОУН	– зарубежные части Организации украинских националистов
ИТЛ	– исправительно-трудовой лагерь
КП(б)У	– Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
КубГТУ	– Кубанский государственный технологический университет
ЛМИ	– Ленинградский медицинский институт
МГМСУ	– Московский государственный медико-стоматологический университет
МИ	– музей истории
МЭП	– местный эвакуационный пункт
НКВД	– Народный комиссариат внутренних дел

НСБ	– научно-справочная библиотека
НВФ	– научно-вспомогательный фонд
НИИ	– научно-исследовательский институт
НКЗ	– Народный комиссариат здравоохранения
НовГУ	– Новгородский государственный университет
НТУУ «КП»	– Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт»
ОБПОУ	– областное бюджетное профессиональное образова- тельное учреждение
ОГИЗ	– Объединение государственных книжно-журнальных издательств
ОУН	– Организация украинских националистов
ПГЛУ	– Пятигорский государственный лингвистический уни- верситет
ПСПБГМУ	– Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Пав- лова
РВК	– районный военный комиссариат
РГАСПИ	– Российский государственный архив социально-поли- тической истории
РИО БГУ	– редакционно-издательский отдел Брянского государ- ственного университета
РККА	– Рабоче-Крестьянская Красная Армия
РНМБ	– Республиканская научная медицинская библиотека
РОИМ	– Российское общество историков медицины
РостГМУ	– Ростовский государственный медицинский университет
СГУ	– Ставропольский государственный университет
СКНЦ ВШ ЮФУ	– Северо-Кавказский научный центр высшей школы Южного федерального университета
СКФО	– Северо-Кавказский федеральный округ
СНК	– Совет Народных Комиссаров
СПБГМА	– Санкт-Петербургская государственная медицинская академия
СПБГМУ	– Санкт-Петербургский государственный медицинский университет
СС	– военизированные формирования Национал-социалис- тической немецкой рабочей партии (1925–1945)
СтГМА	– Ставропольская государственная медицинская акаде- мия

СтГМУ	– Ставропольский государственный медицинский университет
УАН	– Украинская академия наук
УГП	– Украинское государственное правление
УНРА	– Украинская национальная революционная армия
УНС	– Украинский Национальный Совет
УО	– учреждение образования
УФСБ	– Управление Федеральной службы безопасности
ФГБУ	– федеральное государственное бюджетное учреждение
ФГБОУ ВО	– федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
ЦАМО	– Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
ЦДНИКК	– Центр документации новейшей истории Краснодарского края
ЦК	– центральный комитет
ЦСУ	– Центральное статистическое управление
ЧГК	– Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР
ЭГ	– эвакуационный госпиталь
ЮНЦ РАН	– Южный научный центр Российской академии наук

Несмотря на прошедшие после окончания Второй мировой войны десятилетия, ее события и результаты, определившие дальнейший ход мировой истории, продолжают привлекать внимание отечественных и зарубежных специалистов. Некоторые из происходивших процессов требуют переосмысления, другие предполагают более тщательное их исследование. Так, оставаясь до сих пор малоизученными, дополнительной проработки требуют отдельные аспекты взаимодействия советского населения с германскими властями в период оккупации территории СССР. К ним, в частности, относятся вопросы, связанные с проводимой оккупантами политикой в сфере профессионального образования, особенностями функционирования в захваченных врагом районах учебных заведений различной направленности.

В 1930-х годах система профессионального образования в Советском Союзе развивалась ускоренными темпами. К концу десятилетия практически завершилась ее реорганизация, учебные программы были унифицированы, неуклонно росло количество учебных заведений по подготовке кадров для различных областей народного хозяйства. Накануне Великой Отечественной войны в стране насчитывалось 817 учреждений высшего и 3773 учреждения среднего профессионального образования, в которых в общей сложности обучалось почти 1,8 млн учащихся¹.

После нападения Германии на Советский Союз около 1/3 части заведений профессионального образования оказались на оккупированной врагом территории и в зоне непосредственных боевых действий². Провести их эвакуацию в тыловые районы страны удалось далеко не во всех случаях. Их материальная база, сотрудники и студенты во многих случаях оказались в оккупации.

В советской историографии вопросам функционирования учреждений профессионального образования на захваченной врагом территории, как правило, внимание не уделялось. Информация об их деятельности носила скупой характер, ограничиваясь оценкой причиненного оккупантами материального ущерба и констатацией того, что в период оккупации образовательные учреждения не работали. Документы германского руководства, проливавшие свет на планы обустройства восточных террито-

рий, также указывали на невозможность существования на них учреждений профессионального образования.

В действительности ситуация была далеко не однозначной. Подход германских властей к указанной проблеме на различных территориях с течением времени не оставался неизменным, а судьбы образовательных учреждений, их персонала и учащихся в период оккупации складывались по-разному. В особенности это относится к медицинским заведениям высшего и среднего профессионального образования, изучению деятельности которых в период немецко-фашистской оккупации республик Советского Союза посвящено настоящее исследование. Оно основано на изучении разнообразных по своему содержанию материалов федеральных и региональных государственных архивов, архивов образовательных учреждений, музеев, периодической печати советских и оккупационных властей, опубликованных документов, воспоминаний, данных статистики, а также широкого спектра различных научных исследований.

ГЛАВА I

ПОЛИТИКА НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ НА ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР

1.1. Общие аспекты германской оккупационной политики в захваченных районах Советского Союза

Исследуя планы германского командования по обустройству территорий Восточной Европы и взаимоотношениям с их населением, современные историки опираются, как правило, на так называемый «Генеральный план «Ост». Этот план представлял собой программу колонизации и германизации нацистами восточных земель и был рассчитан на 30 лет. В его разработке, начатой ориентировочно в 1940 году, принимали участие различные ведомства, однако наиболее значимая роль отводилась главному управлению имперской безопасности во главе с Г. Гиммлером. Подготовленный к концу 1941 года вариант Генерального плана «Ост» не сохранился. О его содержании, в частности, можно судить на основании переписки руководителей рейха, а также по документам, подготовленным доктором Э. Ветцелем. В различные годы он занимал должности юридического эксперта по расовым вопросам в нацистской партии, начальника отдела в расово-политической службе, начальника отдела колонизации министерства оккупированных восточных областей, возглавляемого А. Розенбергом.

Согласно этим документам Генеральным планом «Ост» предусматривалось в течение 30 лет переселить с территории Польши и западной части СССР (Белоруссия, Западная Украина, Латвия, Литва, Эстония) около 31 млн человек. Так, переселению подлежало 80–85% польского населения, 75% – белорусского, 65% – украинского. Остальное население (около 15 млн чел.) подлежало постепенному онемечиванию. Местами переселения миллионов славян были избраны Западная Сибирь, Северный Кавказ, Южная Америка, Африка. При этом представитель министерства оккупированных восточных областей Э. Ветцель, не соглашаясь с выкладками главного управления имперской безопасности, указывал на то, что с оккупированных территорий было «нужно выселить 46–51 млн человек».

Особого внимания заслуживает раздел «К вопросу об обращении с русским населением» подготовленного Ветцелем документа. Признавая необходимость массового переселения и частичного онемечивания других славянских народов, автор призывал осуществить «полное уничтожение русского народа». После захвата России «разгромить русских как народ» предлагалось, осуществив разделение ее территории на обособленные районы с собственными органами управления, обеспечив «ослабление русского народа в расовом отношении» и подрыв его биологической силы³. В целях более глубокого понимания тезисов нацистского чиновника необходимо сделать дополнительные пояснения.

Важная роль в реализации административно-территориального устройства захваченных территорий отводилась министерству по делам оккупированных восточных областей. В соответствии с предложенным А. Розенбергом планом, который со временем претерпел определенные изменения, в захваченных районах СССР (за исключением северных, предназначенных для передачи Финляндии) предполагалось создать четыре рейхскомиссариата – «Остланд» (республики Прибалтики и западная часть бывшей Белорусской ССР), «Украина» (большая часть бывшей Украинской и часть бывшей Белорусской ССР), «Московия» (Европейская часть бывшей РСФСР) и «Кавказ» (края, области и республики Северного Кавказа, республики Закавказья)⁴. Они возглавлялись назначенным Берлином рейхскомиссаром и подразделялись на более мелкие административные единицы – генеральные комиссариаты (округа), зондеркомиссариаты и т.п.

Нетрудно заметить, что, по задумке нацистского руководства, Россию планировалось отделить от остального «цивилизованного» мира подчиненными Германии новообразованиями. Так, Кавказ, выделенный из состава остальной России в самостоятельное административно-территориальное образование, должен был лишить ее выхода к Черному морю, в Малую Азию, на Ближний и Средний Восток. При этом, согласно выкладкам Э. Ветцеля, проводимая в генеральных комиссариатах политика имела своей целью обособление отдельных областей России (в качестве примера автор упоминает горьковский и тульский комиссариаты). Подобное административное дробление, обособление различных районов и поощрение любых форм разногласий являлись средством борьбы с усилением русского народа⁵.

Достижению заявленных оккупантами целей была призвана служить, помимо государственно-административной, и проводимая ими на оккупированных территориях СССР социально-экономическая политика. В этой связи тезисы Ветцеля о необходимости ослабления русского народа в расовом отношении и подрыва его биологической силы, частично применимые, по мнению автора докладной записки, к Украине и «чрезвычайно плодовитым народам Кавказа», следует дополнить рядом других документально оформленных высказываний нацистских вождей.

Среди сохранившихся документов – «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей» рейхсфюрера СС Г. Гиммлера и записка рейхслайтера М. Бормана рейхслайтеру А. Розенбергу. В этих документах, в частности, указывалось на необходимость закрытия на оккупированных территориях всех высших школ⁶. При этом одной из своих основных задач нацистские лидеры считали максимальное ограничение прироста населения захваченных областей. В противовес советской социальной политике нацистское руководство призывало поощрять практику аборт и торговлю предохранительными средствами, отказаться от введения «немецкого медицинского обслуживания для местного населения», осуществления среди него профилактических прививок и других оздоровительных мероприятий⁷.

Следует подчеркнуть, что цитируемые документы рассматриваются историками, как правило, в качестве составной части Генерального плана «Ост». Этому плану, рассчитанному на несколько десятилетий, к счастью, не суждено было полностью воплотиться в жизнь. Тем не менее, заложенные в нем человеконенавистнические идеи во многом нашли свое отражение в период оккупации территорий Советского Союза, продлившейся от нескольких месяцев до трех лет. Исследователи указывают, что Генеральный план «Ост» не являлся теоретической основой для истребления населения СССР⁸, а планы захватчиков существенно отличались от реальности, которая, тем не менее, была чудовищной.

Все расчеты вождей рейха при планировании операции по захвату Советского Союза базировались на идее блицкрига («молниеносной войны»). Первоначально нацистское руководство не задумывалось о полноценном использовании во время блицкрига экономического потенциала захваченных районов СССР и поддержании работоспособности предприятий промышленного и аграр-

ного сектора. На занятой вермахтом территории следовало взять на учет предприятия, захватить сырье и готовую продукцию, обеспечить их охрану до прекращения боевых действий. Работникам предприятий и организаций требовалось оставаться на своих рабочих местах, чтобы исключить «грабеж, разбазаривание продовольствия и фуража, разрушение машин и хозяйственных заведений»⁹. Однако срыв планов германского командования, переход войны в затяжную фазу, растущие потребности Германии в сырье, продовольствии, рабочей силе вынудили оккупантов уделить внимание непосредственному налаживанию хозяйственной деятельности в оккупированных районах¹⁰.

Признание германскими властями необходимости поддержания экономической жизни в захваченных областях вынуждало их подвергать корректировке и политику в социальной сфере. Изначально гитлеровское руководство уготовило местным жителям судьбу «низших социальных слоев»¹¹, прямо обозначив свою заинтересованность в сокращении их численности. Но на практике оккупантам пришлось задуматься над тем, чтобы обеспечить удовлетворение хотя бы минимальных потребностей трудоспособной части населения, которая могла быть как использована в качестве рабочей силы на прежнем месте жительства, так и вывезена в Германию. При этом семьям лиц, выехавших на работу в рейх, новыми властями были обещаны выплаты соответствующих пособий¹².

Одновременно в условиях затянувшегося противостояния с «большевистской Россией» политика новых властей в социальной сфере была нацелена на укрепление «нового порядка» в идеологическом плане. Наконец, длительный контакт военнослужащих германской армии с местным населением вынуждал власти задумываться об организации медицинского обслуживания жителей захваченных территорий и принимать меры профилактического характера, направленные на снижение риска распространения эпидемических заболеваний. При этом необходимо учитывать, что проводимая оккупантами в захваченных районах Советского Союза социальная политика не была идентичной. В качестве примеров можно привести Украину и Северный Кавказ, где были предприняты попытки проведения более мягкой политики в социальной сфере. Преследуя политические цели, нацистские вожди пытались сделать их «оплотом антимосковского пояса»¹³, который должен окружать территорию России в ее новых границах.

Признавая своей целью раздел Советского Союза на отдельные образования, командование вооруженных сил Германии накануне нападения на СССР в своей директиве по вопросам пропаганды отмечало необходимость отказа от применения на захваченных территориях выражений «Россия», «русские», «русские вооруженные силы». Их следовало заменять выражениями «Советский Союз», «народы Советского Союза», «Красная Армия», указывая местному населению на стремление германских вооруженных сил к избавлению его «от советской тирании». Таким образом захватчики планировали донести до жителей оккупированных районов тезис о том, что противником Германии является «еврейско-большевистское советское правительство со всеми подчиненными ему сотрудниками и коммунистическая партия»¹⁴. Безусловно, за подобными тезисами нацисты скрывали свои истинные намерения в отношении населяющих восточные территории народов.

В общей сложности в оккупированных гитлеровской Германией и ее союзниками в период с 1941 по 1944 год районах СССР ранее проживало около 85 млн человек или 45% населения страны. Наибольшее количество населения находилось в оккупации по состоянию на ноябрь 1942 года¹⁵. Под властью нацистов оказались Литовская, Латвийская, Эстонская, Белорусская, Украинская, Молдавская, Карело-Финская ССР, 13 областей РСФСР.

Одними из первых агрессии подверглись советские *республики Прибалтики и Белорусская ССР*. На их территории был образован рейхскомиссариат «Остланд», который возглавил рейхскомиссар Г. Лозе. В период с 17 по 25 июля 1941 года в его состав документально были включены генеральные округа «Литва», «Латвия» и «Эстония», а 1 сентября 1941 года – генеральный округ «Беларусь». Реальная дата установления гражданской власти в генеральных округах могла значительно отличаться от указанной. Например, Эстония была передана под гражданское управление только 5 декабря 1941 года. До передачи управления гражданским властям, входившим в структуру рейхскомиссариата «Остланд», захваченные районы находились в ведении военной администрации.

Вполне очевидно, что состав рейхскомиссариата «Остланд» был весьма неоднородным. Во многом схожие между собой прибалтийские советские республики около 20 лет являлись независимыми и развивались как капиталистические государства. В то же время одна часть территории Белоруссии длительное время

входила в состав СССР, другая – в состав соседней Польши. Все эти территории заметно отличались друг от друга в экономическом, политическом, культурном отношении, вследствие чего ряд руководителей в Берлине и на местах считал их слияние в одно государственное образование ошибочным. В мае 1944 года, перед завершением оккупации Белорусской ССР, рейхскомиссар Г. Лозе охарактеризовал это объединение как «очень вредное». Оно порождало постоянные споры среди германского руководства, мешало принятию необходимых решений, приводило к конфликтам среди населения, например, белорусско-польским, на национальной почве. Следует добавить, что ведомству генерального комиссара округа «Беларусь» В. Кубе была подчинена лишь западная, меньшая по площади, часть бывшей Белорусской ССР, в то время как более значительная по размеру восточная часть из-за близости фронта в течение всего периода оккупации подчинялась военному руководству¹⁶. Вместе с западными районами России она была отнесена к зоне ответственности тылового района группы армий «Центр», командующим которым был генерал М. фон Шенкендорф¹⁷.

Несмотря на наличие германского гражданского управления, военные власти оказали огромное влияние на состояние дел в экономической и социальной сферах на территории рейхскомиссариата «Остланд». Согласно приказу Гитлера от 17 июля 1941 года, вся полнота военной и административной власти в оккупированных областях оставалась в руках командующих войсками вермахта. Их требования, даже если они касались сферы гражданского управления, были обязательны к исполнению рейхскомиссарами¹⁸. Такой подход в очередной раз демонстрировал, что интересы германской армии всегда были выше интересов населения захваченных территорий. Генеральный комиссар В. Кубе в письме рейхскомиссару Г. Лозе отмечал, что руководители вермахта, СС и люфтваффе фактически реквизируют большое количество хозяйственных предприятий и колхозов на территории Белоруссии, в результате чего вся их деятельность была направлена на удовлетворение потребностей армии¹⁹. Так, к концу 1941 года оккупанты практически полностью изъяли имевшееся на территории республики поголовье общественного скота, а с начала 1942 года начали повсеместно изымать и личный скот, в том числе у сельчан, выполнявших немецкие поставки. Производственные предприятия, восстановление которых на прежнем месте гитлеровцы

сочли целесообразным, были полностью переориентированы на нужды Германии и стали частью ее экономической системы. Во многих других случаях захватчики осуществили демонтаж и вывоз промышленного оборудования и ценных ресурсов в рейх²⁰.

Несмотря на некоторую разность подходов, имевших место на различных территориях и в разных отраслях хозяйства, неизменным в поведении оккупантов оставался главный принцип – максимальная эксплуатация экономических возможностей захваченных областей. Ограбление подконтрольных территорий, существенное ухудшение уровня жизни, карательные акции против еврейского, а во многих случаях – и белорусского населения, бесчеловечное уничтожение сотен тысяч советских военнопленных вызывали недоверие к германским властям, саботаж и сопротивление оккупантам. Многие жители Белоруссии в различной форме стали поддерживать возникшее в регионе партизанское движение.

Одной из главных проблем в период оккупации Белоруссии стала нехватка рабочих рук. Уничтожение большого количества евреев, среди которых было много не только работников сферы образования и медицины, но и ремесленников, а также значительный отток населения привели к тому, что дефицит работников ощущался практически повсеместно и со временем усиливался. Это заставило оккупантов открывать ремесленные и технические школы, причем в ряде случаев не только мужские, но и женские. Как отмечают исследователи, многие из этих заведений были открыты на территории Белоруссии, входившей в состав рейхскомиссариата «Украина», в частности, в городах Бресте и Пинске²¹.

Сложной экономической обстановкой, во многом связанной с нехваткой рабочих рук, стремлением добиться расположения местного населения, объясняются и действия германских властей по введению так называемого «социального страхования». В генеральном комиссариате оно было введено по распоряжению В. Кубе в декабре 1941 года, а в восточной части Белоруссии – в декабре 1942 года²². Предприятиям предписывалось осуществлять отчисления, которые в последующем могли быть направлены в помощь наиболее нуждающимся. Однако значительно повлиять на состояние дел в экономико-социальной сфере региона данное решение не могло.

Не имела большого успеха и инициированная рейхскомиссаром В. Кубе политика в области культуры, предполагавшая про-

ведение «белорусизации» населения. Ее целью было воспитание белорусов в националистическом духе и вовлечение их в решение экономических задач. Основная масса населения, вынужденная выживать в сложных условиях оккупации, была далека от навязываемых нацистами идей. Отрицательно сказывалась на настроениях местных жителей информация о карательных акциях оккупантов, уничтожении тысяч книг из институтских и школьных библиотек, сотен памятников культурного и научного наследия. Свою роль со временем начала играть и контрпропаганда партизан²³.

В условиях безразличия оккупантов к проблемам местных жителей в ряде случаев поддержку наименее защищенным слоям населения оказывали в период оккупации национальные комитеты взаимопомощи (украинские, русские, польские, белорусские). Нацисты, поддерживая в определенной степени национальные устремления различных этнических групп, допускали работу комитетов, существовавших за счет добровольных пожертвований их членов. Деятельность комитетов, как правило, была направлена на сохранение национальной культуры и образования, хотя нередко затрагивала сельское хозяйство, почтовую связь, здравоохранение. Так, основной задачей образованного в марте 1943 года в белорусском городе Пинске (рейхскомиссариат «Украина») комитета взаимопомощи являлась опека над учреждениями социального характера – детским приютом, домом престарелых, детскими садами²⁴. Однако подобные случаи были довольно редкими.

Территория бывшей Украинской ССР, как и территория Белоруссии, в ходе оккупации была разделена на несколько частей. Западные области вошли в состав Польского генерал-губернаторства, часть районов вместе с Румынией образовали так называемую «Транснистрию», центральные области были включены в состав рейхскомиссариата «Украина», северные и восточные области весь период оккупации находились в зоне военного управления. По мнению современных исследователей, сложившееся в советское время утверждение о том, что оккупантами преследовались цели, связанные с созданием из Украины сырьевого придатка и источника бесплатной рабочей силы, является не вполне точным обобщением, не отражающим всех нюансов оккупационного режима на территории бывшей Украинской ССР²⁵.

Как и применительно к территории Белоруссии, специалисты выделяют три периода военно-экономической политики окку-

пантов на Украине. Первый период – «сырьевой» (другое определение – «колонизация»), второй – «хозяйственный либерализм» («попытки сотрудничества»), третий – «тотальное разрушение»²⁶ («тактика «выжженной земли»²⁷).

На первом этапе, длившемся с начала оккупации до начала зимы 1942 года, преобладал вывоз сырья и материальных ресурсов в Германию. Использование промышленно-сырьевой базы предприятий Украины способствовало ресурсному обеспечению восточной военной кампании в объемах и темпах, запланированных накануне нападения на Советский Союз²⁸.

В связи со срывом блицкрига, в особенности после поражения под Москвой, оккупанты попытались, наладив работу промышленных предприятий Украины, усилить экономический потенциал Германии за счет экономики оккупированных областей. Это предполагало вовлечение населения в процесс промышленного производства, что, в свою очередь, определило необходимость проведения более взвешенной социальной политики. По решению оккупантов обеспечение населения осуществлялось из местных бюджетов, а в конечном итоге – за счет предприятий и самих жителей захваченных областей. При этом уровень жизни населения на протяжении всего периода оккупации оставался низким. Несмотря на восстановление работы некоторых предприятий, неизменно высоким был уровень безработицы, в то время как даже работавшие граждане находились на грани выживания²⁹. Немецкая администрация, не проявив заинтересованности и не создав необходимых механизмов, решением социально-бытовых проблем населения практически не занималась³⁰. Примечательно, что даже в захваченной румынскими войсками Одессе на территории Транснистрии вопросами выплат пенсий власти всерьез озаботились более чем через год после начала оккупации³¹.

Особенности политики, проводившейся нацистами на протяжении двух первых периодов оккупации Украины, в значительной степени объяснялись наличием двух основных подходов к данной проблеме в верхушке рейха. Проведение более умеренной политики на территории оккупированных советских республик отстаивал министр оккупированных восточных областей А. Розенберг при поддержке части чиновников военной администрации. Подобный подход, имевший своей целью ослабление России, предполагал определенную степень поддержки окружавших ее администра-

тивных образований, в числе которых была и Украина. В противовес «Московии» Розенберг предлагал поощрять национальные устремления украинцев, поддерживать их культуру. Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, в свою очередь, настаивал на полном порабощении народов СССР и недопущении роста их национального самосознания и культуры. С ним был согласен глава военно-экономического аппарата рейхсмаршал Г. Геринг, по мнению которого, в первую очередь Германия должна была получить максимум ресурсов из захваченных районов, а только затем мог обсуждаться вопрос их политического будущего³². В конечном итоге эта доктрина в большей степени определила характер политики оккупантов на Украине. Именно ее поддержал А. Гитлер, относившийся к Украине не более как к будущей германской колонии³³.

Результатом имевшихся противоречий явилась непоследовательность в действиях оккупационных властей, достаточно ярко проявившаяся именно на территории Украины. К примеру, образовательные учреждения неоднократно открывались, закрывались, меняли свой статус, вновь открывались и закрывались. Националистические организации, деятельность которых с началом оккупации приветствовалась захватчиками, со временем были запрещены, а представители властей даже открыто объявили украинский национализм врагом номер один на Украине³⁴. Обращают на себя внимание неуверенность и неясность целей оккупационной администрации, негативным образом влиявшие на подчиненные ведомства. В ряде случаев руководство рейхскомиссариата «Украина» запрещало областным комиссарам выполнение указаний министерства оккупированных восточных областей. Рейхсляйтер А. Розенберг вынужден был дополнительными приказами добиваться исполнения своих распоряжений³⁵. При этом рейхскомиссар Украины Э. Кох вел постоянную борьбу с Розенбергом, открыто критиковал верховное германское командование, настаивал на передаче в свое подчинение полицейских сил, из которых Гиммлер сформировал боевые части³⁶.

С осени 1943 года, когда ситуация на фронте окончательно изменилась в пользу Красной Армии, оккупанты начали активный вывоз с территории Украины в Германию всего полезного для себя. Перед угрозой отступления из захваченных областей нацисты начали уничтожение всего того, что не подлежало вывозу, но могло представлять ценность для противника. Положение насе-

ления на данном этапе стало еще более тяжелым, а о какой-либо социальной политике в условиях подготовки и претворения нацистами в жизнь тактики «выжженной земли» говорить сложно.

В оккупированных районах РСФСР, преимущественно находившихся в зоне ответственности военной администрации соответствующих групп германских армий, вся полнота власти возлагалась на немецкие комендатуры. Наряду с ними в качестве вспомогательных органов гражданской власти были созданы городские и районные управы. В состав управ, как правило, включались отделы или отдельные специалисты, курировавшие на подконтрольной территории вопросы, связанные с социальным обеспечением населения, деятельностью учреждений образования, медицины, культуры. Структура управ, которая на местах была различной, а также функции ее подразделений со временем нередко изменялись. Неизменным оставалось то, что удовлетворение основных жизненных потребностей населения не относилось к числу приоритетных задач оккупационных властей, а решение многих вопросов носило формальный характер.

В Смоленске отдел социального обеспечения появился только через полгода после захвата города германскими войсками, в начале 1942 года. В его ведении находились лишь детский дом и дом инвалидов, хозяйство которого было разорено немцами. Дом инвалидов из городского бюджета не финансировался, существуя за счет добровольных пожертвований горожан. В Орловской управе вопросы социального обеспечения были распределены между общим, финансовым и другими отделами. После проведенной по указанию германского командования в марте 1943 года реорганизации структуры управы большинство этих вопросов было передано в отдел государственного страхования и обеспечения. Однако это мало изменило сложившуюся ситуацию. На практике деятельность управ была направлена на обеспечение всем необходимым немецкой армии. При участии управ жилье, нежилые строения, транспорт, продукты, белье и многое другое изымались у местных жителей, предприятий, организаций и передавались оккупантам³⁷. В то же время в некоторых случаях функции органов социального обеспечения выполняли немецкие комендатуры³⁸.

Неэффективная политика оккупантов привела к тому, что в западных областях России, в частности, на территориях, Калужской, Брянской, Смоленской областей, сложилась тяжелейшая экономи-

ческая ситуация. Дефицит продуктов и товаров, снижение доходов населения в условиях инфляции, отсутствие широкой социальной поддержки обусловили плачевное положение большинства местных жителей. Регулярную помощь получали сотрудничавшие с властями лица и их семьи. Потерявшим здоровье или жизнь в борьбе с партизанами, а в случае смерти – их наследникам полагалось постоянное пособие. В то же время лицам, состоявшим до войны на пенсионном учете, было отказано в праве получать пенсию. Они приравнивались к нуждавшимся, после чего в зависимости от возможностей местного бюджета им могло быть назначено пособие³⁹.

Проводя политику социального маневрирования, с начала 1942 года оккупанты начали открывать школы, изменив школьные программы и открыв курсы переподготовки учителей⁴⁰. В Пскове в течение сентября–октября 1942 года были проведены 4 двухдневные учительские конференции, на которых с разъяснениями выступали представители полевой комендатуры⁴¹.

Разрешение работы органов социального обеспечения населения и открытие школ были направлены на повышение степени доверия к оккупантам, а также на предупреждение нищенства, бродяжничества, подростковой преступности. Однако основной задачей школ, по задумке оккупантов, было не обучение школьников, а воспитание дисциплины и послушания⁴². В то же время учреждения среднего профессионального и высшего образования оккупационными властями на данных территориях не открывались. Исключением стало открытие в Смоленске в октябре 1942 года учительской семинарии⁴³. Кроме того, в ряде случаев при бывших вузах функционировали непродолжительные курсы по подготовке специалистов сельскохозяйственного и промышленного профиля. Так, на базе Смоленского сельскохозяйственного института с ноября 1942 года действовали курсы агрономов. Срок обучения, первоначально составлявший 2 месяца, позже был сокращен до одной недели⁴⁴.

Но, несмотря на отдельные подобные факты, в целом политика оккупантов по отношению к населению захваченных областей России, по мнению исследователей, в большей степени была политикой «кнута». В разных районах она варьировалась в зависимости от возможности осуществления германскими властями тотального контроля над ними. Сама же территория рассматривалась исключительно в качестве сырьевой базы Германии⁴⁵.

Попытки проведения более сложной – так называемой «особой» социальной политики – были предприняты оккупантами на Северном Кавказе. К моменту вторжения в регион, занимавший важное место в планах гитлеровского руководства, германские власти имели значительный опыт управления захваченными территориями. Однако, в отличие от оккупированных ранее районов Советского Союза, достаточно однородных в национальном, социальном, культурном, религиозном аспектах, Северный Кавказ действительно во многом представлял собой особое образование.

В его состав входили мононациональные (например, Северная Осетия) и многонациональные (например, Дагестан) республики, население которых придерживалось как христианских, так и мусульманских традиций, а также Краснодарский и Ставропольский края. В состав Краснодарского края была включена на правах автономии Адыгейская, а в состав Ставропольского – Карачаевская и Черкесская области. Значительную долю населения Кубани и Ставрополя составляло казачество, являвшееся отдельной социальной группой. От остальной части страны регион отличался также своим природным и экономическим своеобразием. Наличием со стороны германского командования интереса к Северному Кавказу объяснялось появление некоторых изменений в политике, проводимой оккупантами в отношении его населения. Однако считать ситуацию в регионе уникальной было бы неверно.

Осознание реальности, с которой столкнулись в условиях затянувшейся войны германские власти, привело к необходимости изменения ими ряда первоначальных установок, связанных с социальной политикой, проводимой ими и на других оккупированных территориях. Отражением данного процесса явилась, в частности, проведенная в Берлине в марте 1942 года «Восточная конференция немецких ученых». Она была организована главным управлением науки министерства оккупированных восточных областей совместно с так называемым «Национал-социалистическим союзом немецких доцентов» – общественной организацией, объединявшей немецких преподавателей – членов нацистской партии и являвшейся ее структурным подразделением.

Изданный в 1943 году по итогам конференции сборник содержал доклады нацистских чиновников и ученых по различным аспектам политического, экономического, социального и культурного обустройства захваченных районов СССР. Многократно кри-

тику «большевистские методы» управления, отмечая нахождение многих отраслей экономики и общественной жизни «в руках евреев», авторы указывали на необходимость восстановления «доверия народов оккупированных восточных областей», привлечения их к решению возложенных на гражданские администрации задач и, в конечном итоге, задействования «сил коренного населения» в интересах Германии⁴⁶.

Подводя итог рассмотрению данного вопроса, необходимо отметить следующее. Рассчитанные на достаточно длительный срок планы гитлеровской Германии по массовому переселению миллионов советских граждан с территории Европейской части Советского Союза, заселению этих областей немецкими колонистами, онемечиванию части местного населения не были претворены в жизнь. В то же время нацистами был установлен кровавый режим террора и ограбления захваченных территорий. В результате этого были уничтожены, вывезены на принудительные работы в Германию, получили существенный вред здоровью, понесли материальный урон, оставлены без крова и средств к существованию миллионы советских граждан. В целом политика оккупантов, имевшая своей целью максимальную экономическую эксплуатацию оккупированных союзных республик, приняла крайне жестокие формы по отношению к местному населению. Анализ содержания этой политики и результатов пребывания нацистов на советской земле указывает на отсутствие многих признаков, свидетельствующих о социальном характере оккупационного режима. Несмотря на некоторые отличия во взаимоотношениях с жителями различных подконтрольных областей, следует признать, что оккупантами повсеместно не были созданы правовые, экономические, организационные основы для удовлетворения основных жизненных потребностей населения.

1.2. Сфера здравоохранения в условиях оккупации

Провал блицкрига, ставший очевидным уже в первые недели после нападения Германии на Советский Союз, нахождение военнотружеников вермахта в контакте с населением захваченных районов, растущее недовольство местных жителей, выразившееся

как в активном, так и в пассивном сопротивлении оккупантам, вынуждали последних корректировать свою политику. Вопреки первоначальным заявлениям об ограничении медицинской помощи населению, германские власти через некоторое время после установления своего господства начали создавать на оккупированных территориях органы управления здравоохранением.

Так, в октябре 1941 года распоряжениями рейхскомиссариата «Остланд», в который входили прибалтийские республики и западная часть Белорусской ССР, в генеральном округе «Беларусь» была учреждена «Палата здоровья», задачей которой являлся охват лиц, принадлежащих к «Союзу служащих здоровья», регламентировались нормы деятельности медицинских работников, а при управах создавались отделы здравоохранения. Штаты здравоотделов, первоначально состоявшие, как правило, из врача – заведующего отделом, 2-х дезинфекторов и статистика, позднее нередко подвергались сокращению⁴⁷.

В ряде случаев отделы здравоохранения в структуре местных управ со временем были упразднены. К примеру, если к началу 1942 года в составе Витебской городской управы функционировало 13 различных отделов, в том числе отдел охраны здоровья, то в 1943 году – всего 3, причем отдела здравоохранения среди них уже не было⁴⁸. Тем не менее, в подавляющем большинстве случаев на уровне управ оккупационными властями были сохранены должности городских и районных врачей. Органы управления здравоохранением были созданы и в структуре местных управ на территории рейхскомиссариата «Украина», в состав которого была включена большая часть бывшей Украинской и часть бывшей Белорусской ССР.

На оккупированной территории РСФСР в структуре городских и районных управ, как правило, создавался специальный отдел, задачей которого являлись восстановление работы медицинских учреждений для населения, предоставление им необходимых ресурсов и контроль их деятельности. Как и на территориях рейхскомиссариатов, где оккупантами были созданы гражданские немецкие администрации, управление здравоохранением здесь, например, на территории Калужской, Брянской и Смоленской областей, носило в большей степени формальный характер⁴⁹. Примечательно, что по состоянию на 20 марта 1943 года отдел здравоохранения Смоленска включал в себя 2 подотдела – фармацевтический и са-

нитарного надзора⁵⁰. Отсутствие в составе отдела подразделения, наименование которого явно указывало бы на курирование им лечебной работы, вызывает вопрос о порядке управления работой больницы и поликлиник города.

Рассматривая функционирование сети лечебных учреждений на оккупированных территориях, необходимо констатировать тот факт, что полностью отказаться от оказания медицинской помощи местному населению оккупантам не удалось. В то же время следует отметить повсеместное сокращение количества медицинских заведений, закрытие учреждений, оказывающих специализированные виды помощи, уменьшение числа аптек. Продолжившие работу лечебные заведения испытывали нехватку лекарств, дезинфицирующих средств, перевязочного материала, инструментария.

Прекращение работы медицинских учреждений происходило по разным причинам. Часть из них серьезно пострадала в ходе боевых действий, например, во время бомбардировок с воздуха или артиллерийских обстрелов германскими войсками. Ряд объектов здравоохранения гитлеровцы уничтожили непосредственно во время оккупации. Так, в первый день оккупации, 17 июля 1941 года, были разграблены и разгромлены аптека и лучшая больница в райцентре Езерище Меховского района, а 12 марта 1942 года полностью сожжена вместе с хорошо оборудованной больницей деревня Межа Городокского района Витебской области Белоруссии⁵¹.

Кроме того, гитлеровцами повсеместно применялась практика использования под собственные нужды, в частности, под госпитали и лазареты для своих солдат и офицеров, хорошо оснащенных учреждений. Так, в Латвии из всех крупных больниц пациенты были выброшены или переведены в подсобные помещения, в то время как основные фонды стали использоваться в качестве больниц и госпиталей для военнослужащих вермахта. При этом оставшийся на работе латышский медицинский персонал подвергался физическим и моральным издевательствам со стороны германских коллег⁵².

В белорусском Борисове, где немцами были заняты практически все лечебные учреждения, для оказания медицинской помощи гражданскому населению были оставлены лишь здания бывшего роддома и старой инфекционной больницы⁵³. Во Львове большую часть оборудованных медицинских заведений

также заняли немецкие военные, при этом количество коек для населения уменьшилось с 1800 до 900⁵⁴. В Киеве Александровская (Октябрьская) больница, в которой с сентября 1941 по март 1942 года было развернуто 800 коек для больных граждан, с 1 апреля 1942 года была занята под немецкий госпиталь. В Харькове в 1-й городской больнице гитлеровцы также оборудовали свой госпиталь⁵⁵, а в Калуге заняли под лазарет лучшие помещения городской больницы, которая с началом оккупации лишилась даже собственной операционной⁵⁶.

Немало лечебных учреждений было закрыто оккупантами «за ненадобностью», что в значительной степени соответствовало их первоначальным планам. Так, на территории Белоруссии, в Минском окружном комиссариате, в период оккупации работали всего лишь 9 больниц, перестали функционировать диспансеры, детские больницы и женские консультации. В самом Минске продолжали работу 3 больницы общей практики, железнодорожная и инфекционная больницы, 4 амбулатории и несколько аптек. В Могилеве в период с 1941 по 1944 год работало всего 2 аптеки для населения города (47 тыс. жителей) и Могилевского района (82 тыс. жителей), обслуживавшие при этом и соседние районы⁵⁷. В 4 раза за время оккупации уменьшилась аптечная сеть Харькова⁵⁸. Значительно сократилась сеть районных сельских больниц.

Повсеместно оккупантами закрывались лечебные заведения, оказывавшие психоневрологическую помощь населению и социальную поддержку инвалидов. Их помещения, по признанию самих нацистов, «были нужны для расквартирования войск»⁵⁹, а пациенты этих учреждений – «лишние рты» – систематически подвергались насильственному умерщвлению⁶⁰. Так, на территории Белоруссии гитлеровцами была прекращена работа, и уничтожены пациенты психиатрических больниц в Могилевской и Минской областях⁶¹, психиатрического отделения 2-й клинической больницы в Минске и трудовой психиатрической колонии «Новинки» в его пригороде⁶².

На территории Украины нацисты прекратили работу и истребили пациентов психиатрических больниц в Киевской⁶³, Винницкой, Житомирской, Днепропетровской, Запорожской⁶⁴, Харьковской⁶⁵, Херсонской⁶⁶, Полтавской⁶⁷ областях. На территории РСФСР такая участь постигла медицинские учреждения и пациентов психиатрических больниц в Московской⁶⁸, Псковской⁶⁹, Калининской⁷⁰,

Курской⁷¹, Ленинградской⁷², Орловской⁷³, Воронежской⁷⁴, Симферопольской⁷⁵, Ростовской⁷⁶ областях, Краснодарском⁷⁷ и Ставропольском⁷⁸ краях.

Уничтожение больных, как правило, происходило поэтапно, при этом, кроме расстрелов, нередко применялись и другие виды казни. В одних случаях беззащитных людей переставали кормить, и они умирали от голода, в других случаях их смерть была вызвана введением в организм яда. Отличительной особенностью уничтожения пациентов психиатрических больниц на территориях, подвергшихся оккупации в более поздние периоды, явилось то, что избавлялись от больных оккупанты зачастую в более короткие сроки, используя при этом специально оборудованные машины «душегубки»⁷⁹.

Помимо психоневрологических учреждений оккупантами были разгромлены помещения, и уничтожены пациенты домов инвалидов в Московской⁸⁰ и Смоленской областях⁸¹, домов престарелых в городах Могилеве и Гродно, умерщвлены больные тифом, туберкулезом и другими инфекционными заболеваниями в различных районах Белоруссии⁸². Не пощадили нацисты и больных детей, проживавших в детских домах в станице Нижнечирской Сталинградской (с 1961 года – Волгоградской) области⁸³ и городе Ейске⁸⁴, детских санаториях курортных поселков Теберда, Нижняя Теберда и Нижний Архыз Карачаевской АО Ставропольского края⁸⁵.

В некоторых случаях, закрывая одни медицинские учреждения, нацисты открывали другие, задачи которых во многом были противоположны и чудовищны по своей сути. В Риге в 1942 году ими были образованы так называемые «Научный институт медицинской зоологии» и «Институт гигиены СС». Институт медицинской зоологии, который возглавлял д-р Ф. Штайнигер, фактически занимался выработкой возбудителей сыпного тифа для распространения эпидемий в ряде районов Советского Союза, а также вопросами «научного» обоснования нацистской расовой теории.

Институт гигиены, возглавляемый оберштурмбанфюрером СС д-ром Блудау, преимущественно занимался практическими вопросами – борьбой с эпидемиями в подконтрольных областях и их распространением на советской территории, уничтожением «нежелательных элементов» (евреев, военнопленных) путем заражения различными болезнями и газации (отравление ядовитыми

газами)⁸⁶. Показания выживших жертв нацистской карательной политики стали основой актов ЧГК⁸⁷. Многие воспоминания впоследствии были опубликованы в сборниках документов⁸⁸.

Характерной чертой политики оккупантов в области здравоохранения явилось введение платы за оказание медицинских услуг. Ее размер устанавливался на местном уровне и мог зависеть от места жительства больного, его возраста, трудоспособности, рода занятий. Так, согласно приказу Минского городского комиссариата от 29 октября 1941 года, плата за 1 день нахождения в больнице для работников государственных учреждений составляла 8 рублей, крестьян и работников частных учреждений – 10, кустарей и торговцев – 12, прием у врача-терапевта стоил от 1 до 3 рублей, удаление аппендицита – 80, гинекологические операции – 100 рублей⁸⁹.

В бывшей областной больнице в Киеве с 1 октября 1941 года стоимость лечения, включая и питание пациента, составляла 20 рублей в день, плата за операции – от 50 до 200 рублей⁹⁰. Стоимость пребывания больного в лечебных учреждениях Одессы, оккупированной румынскими войсками, весной 1942 года составляла 1,5–2,5 марки (15–25 руб.) в день, включая питание и обеспечение бельем⁹¹.

В лечебных учреждениях Смоленского округа стационарное лечение стоило 8 рублей в день, первичный амбулаторный прием – 5, вторичный – 3, вызов врача на дом – 10 и удаление зуба – также 10 рублей. В Карачевском районе Брянской области лечение в больнице стоило 20 рублей в день, посещение больного врачом на дому – 10, принятие родов на дому – 25 рублей. Калужской городской управой стоимость амбулаторного приема была установлена в размере от 3 до 5 рублей, пломбирование зуба – 6, резекция зуба – 24 рубля⁹². Учитывая размеры заработной платы, зачастую совпадавшей с действовавшей в советское время или ненамного ее превышавшей, многократно изменившийся по сравнению с довоенным масштаб цен, а также наличие безработицы на оккупированных территориях, необходимо признать, что введение платы за оказание медицинских услуг негативно сказалось на их доступности для основной массы населения.

В ряде случаев допускалось и бесплатное медицинское обслуживание отдельных категорий населения. В частности, от платы за лечение зачастую освобождались лица, поступившие на службу

в полицию, бойцы и командиры военизированных формирований (например, так называемой «Русской освободительной армии»), служащие местных администраций, малоимущие граждане, признанные таковыми в установленном порядке⁹³.

На Кубани и Ставрополье бесплатное медицинское обслуживание в ряде случаев распространялось на некоторые лечебные учреждения и даже целые районы⁹⁴. Подобные «поблажки», во многом преследовавшие пропагандистские цели, были призваны способствовать повышению уровня доверия к новой власти, а при необходимости – привлекать местных жителей к сотрудничеству.

Введенное на большинстве захваченных территорий бесплатное лечение инфекционных больных объяснялось, в первую очередь, панической боязнью оккупантов эпидемических заболеваний, угрожавших здоровью военнослужащих вермахта. В докладе «Проблемы управления здравоохранением на оккупированных восточных территориях», сделанном на «Восточной конференции немецких ученых» в марте 1942 года, начальник отдела здравоохранения министерства оккупированных восточных территорий Х. Вегнер указывал, что распространение эпидемий не только ставит под угрозу местное население и гражданские администрации, но и представляет «опасность немецкой Родине»⁹⁵. Это обстоятельство предопределило необходимость проведения на местах соответствующих профилактических мероприятий, хотя побудительным мотивом для этого зачастую являлись факты резкого ухудшения эпидемической обстановки в местах дислокации подразделений германской армии.

Так, при возникновении массовых заболеваний сыпным тифом в Минском округе в конце 1941 года в районные здравотделы был направлен прививочный материал для прививания 5 медицинских работников, участвующих в ликвидации эпидемии. При выявлении массовых заболеваний в Николаеве бывшей Украинской ССР больные были помещены в инфекционную больницу, на местах проведена санитарная обработка, введен карантин, однако профилактические прививки в отсутствие вакцины не проводились⁹⁶. Противоэпидемические мероприятия осуществлялись и в зоне ответственности групп армий «Центр», когда на подведомственной территории были выявлены рост числа желудочно-кишечных заболеваний, увеличение количества больных туберкулезом в Борисове, массовое заболевание чесоткой в Полоцке. В дальнейшем по

указанию германского командования в профилактических целях неоднократно проводились и плановые осмотры отдельных категорий граждан, в частности, медицинские обследования учащихся школ Брянска и Смоленского района Белоруссии⁹⁷. Следует отметить, что строгое отношение властей к недопустимости возникновения эпидемических заболеваний к концу оккупации в ряде случаев сменилось практикой намеренного их распространения среди советских военнопленных и гражданского населения с целью ослабить наступательный порыв Красной Армии⁹⁸.

Санитарная обстановка в городах и селах в значительной мере интересовала германское командование также в связи с необходимостью поддержания благоприятной эпидемиологической обстановки на оккупированных территориях, преимущественно – в местах дислокации германской армии. В целях снижения риска распространения инфекций германское командование требовало от местных управ обеспечения определенных норм в области коммунальной, пищевой и школьной санитарии. Несмотря на введение штрафов, состояние улиц и дворов, водопровода и канализации, продуктовых рынков и магазинов, а также предприятий коммунально-бытовой сферы в большинстве случаев было неудовлетворительным⁹⁹. Материальное обеспечение санитарных учреждений и финансирование проводимых ими профилактических мероприятий были, как правило, довольно слабыми. Остро ощущалась нехватка транспорта, специалистов, оборудования, материалов, препаратов. В итоге работа органов санитарного надзора зачастую сводилась не к предупреждению заболеваний, а к обнаружению и локализации их очагов.

Финансирование медицинских учреждений осуществлялось из нескольких источников, одним из которых являлись бюджеты местных управ. В ряде случаев расходы местного самоуправления на здравоохранение были крайне низкими даже в формальном отношении. Так, в 1 квартале 1942 года расходы на здравоохранение в общей структуре расходной части бюджета Торопецкого района Калининской области были наименьшими, составляя всего лишь 24,6 тыс. из 1686 тыс. рублей¹⁰⁰. Борисовский окружной комиссариат Белоруссии при бюджете 222 тыс. рублей выделял на охрану здоровья всего 16 тыс., из которых 13,5 тыс. уходило на питание больных, а оставшаяся часть предназначалась санитарно-фельдшерским пунктам¹⁰¹. В других случаях бюджеты на

здравоохранение были более весомыми, составляя сумму, соизмеримую с бюджетами советского времени или даже превышающую ее. Так, Херсонская городская управа отчитывалась, что за первый год оккупации потратила на нужды здравоохранения 1261 тыс. рублей¹⁰². Тем не менее, в условиях военного времени, возросших цен, при крайне слабом оснащении и снабжении медучреждений этих средств было явно недостаточно не только для развития, но и для поддержания сферы медицины на прежнем уровне.

Другим источником финансирования лечебных учреждений являлись денежные средства, принимаемые от населения в качестве платы за оказание медицинских услуг. Однако ввиду низкой платежеспособности населения переход к платной системе оказания услуг привел к уменьшению количества обращений, а поступающие от «платных» пациентов средства не могли существенно изменить финансовое состояние учреждений здравоохранения.

Кроме того, для содержания сети медицинских заведений новыми властями предусматривалось осуществление отчислений в бюджет местными предприятиями и организациями, а также активно предлагалось оказание благотворительной помощи делу здравоохранения. Указанные меры также не могли кардинально повлиять на состояние медицинской отрасли на оккупированных территориях, однако в ряде случаев лечебным учреждениям была оказана значительная помощь. Например, в Николаеве для поликлиники № 3 местным судостроительным заводом было приобретено за наличные 3 тонны антрацита, переданы двигатель для рентген-аппарата и мебель, а Николаевским стекольным заводом – окна¹⁰³.

Еще одной попыткой повлиять на финансовую составляющую при организации медицинского обслуживания населения на оккупированной территории явилось использование так называемой «страховой медицины», в рамках которой в фонд больничных касс предлагалось переводить 3% начислений от заработной платы сотрудников предприятий и организаций. Однако широкого применения страховая медицина не получила, ее введение было осуществлено преимущественно в западных областях оккупированной части СССР, имевших соответствующий довоенный опыт и включенных в состав страны с 1939 года. Так, в 1943 году больничные кассы функционировали в белорусских городах Пинск (входил в состав рейхскомиссариата «Украина») и Гродно (входил в состав Восточной Пруссии)¹⁰⁴.

Попытки введения страховой медицины были предприняты оккупантами и на Северном Кавказе. В частности, с 1 ноября 1942 года подобная схема была введена в Прикумске (Буденновске). Здесь в фонд больничных касс предприятию предписывалось перечислять 6% от начисленной его сотрудникам заработной платы. Больному была обещана бесплатная медицинская помощь, включавшая содержание в больнице и проведение операции, а также выплату денежного пособия в размере 50 процентов заработной платы. Предусматривались также помощь роженицам и выплаты в случае смерти работника или членов его семьи¹⁰⁵. В других районах региона подобная практика не применялась.

В то же время в Ставрополе в октябре 1942 года власти заявили об осуществлении предприятиями выплаты заработной платы работникам в полном объеме в случае заболеваний и увечий, независимо от стажа их работы на предприятии¹⁰⁶. Для основной массы местных жителей подобные заявления носили декларативный характер. Факты указывают на то, что на деле любые выплаты населению оккупанты осуществляли довольно неохотно. Начальник Ейской районной управы Ворожбиев в декабре 1942 года прямо указывал своим подчиненным на возможность выдачи пособия по болезни, увечью, беременности только в случае крайней нужды работника и при наличии финансовой возможности предприятия¹⁰⁷.

Не получила широкого распространения в период оккупации и частная медицина. Единого подхода к ее внедрению на оккупированной территории СССР у германского командования не было. К примеру, в Могилеве в начале 1942 года она была запрещена¹⁰⁸. На Северном Кавказе, где частная медицина была разрешена, ситуация была неоднозначной. В городах Кавказских Минеральных Вод находилось много медицинских специалистов, в том числе прибывших из других регионов в ходе эвакуации. В местных газетах размещалось большое количество объявлений об оказании услуг в области урологии, венерологии, внутренних болезней, стоматологии. К примеру, в Пятигорске число таких объявлений в отдельных номерах газет достигало 12¹⁰⁹. В небольших населенных пунктах Кубани частнопрактикующих врачей было немного. В Белореченском районе частную практику осуществлял один врач, а в станице Кубанской такие врачи отсутствовали¹¹⁰. В целом, на развитии данного направления медицинской помощи негативно сказывались низкая покупательная

способность населения, отсутствие лекарственных препаратов, материалов и инструментов.

Необходимо подчеркнуть, что все мероприятия, связанные с поддержкой здравоохранения и финансированием медицинских заведений, были направлены на изыскание средств на местах. Германские власти, полностью переложив эту проблему на плечи местных администраций, предприятий и населения, фактически в ее решении не участвовали.

Материальное снабжение лечебных учреждений практически на всей оккупированной территории было неудовлетворительным. Повсеместно ощущалась нехватка лекарств, перевязочного материала, инструментов, инвентаря, мебели. Имевшиеся запасы, зачастую разграбленные с началом оккупации, в последующем пополнялись лишь в редких случаях. Слабым было снабжение стационаров продуктами питания для больных и дровами. Ввиду нехватки топлива для автомашин германскими властями во многих случаях был изъят из медицинских учреждений гужевой транспорт. Со временем ситуация только усугублялась.

В Минском округе Белоруссии практически вся сеть лечебных учреждений находилась в неудовлетворительном состоянии. Наиболее заметно это было в районных сельских больницах, снабжение которых было крайне слабым. Продолжившие свою работу в Витебске 4 больницы, 1 поликлиника, 4 амбулатории и 2 аптеки испытывали катастрофический дефицит медикаментов, инструментария, инвентаря и продовольствия, что признавалось и новыми властями¹¹¹.

В Киеве с началом оккупации для пополнения запасов лечебных учреждений здравоохранением были взяты на учет оборудование и инструменты эвакуированных медработников, оставшиеся в их квартирах¹¹². Большая нехватка медикаментов, полное отсутствие перевязочных материалов и наркотических средств отмечалась в лечебных учреждениях Николаева. За получением препаратов врачи города были вынуждены обратиться в Симферопольский заводотдел, но получили отказ¹¹³.

В Калуге снабжение больницы и других медицинских учреждений медикаментами, материалами, продуктами, дровами осуществлялось по остаточному принципу. В тяжелом состоянии находились городской родильный дом, а также лечебная сеть в области¹¹⁴. В зоне Локотского самоуправления (сегод-

ня – территория Брянской, Орловской и Курской областей), где вмешательство германского командования было минимальным, больницы и амбулатории использовали уцелевшие с довоенного времени запасы лекарств, зачастую с истекшим сроком годности. Нехватку медикаментов нередко компенсировали широким применением отваров и настоев из лечебных трав, для чего, например, в Брянске привлекали к сбору лекарственных растений школьников за вознаграждение¹¹⁵. Ряду организаций предлагалось наладить сбор дикорастущих лекарственных трав в окрестностях Пятигорска¹¹⁶.

Для устранения дефицита лекарственных препаратов оккупационные власти пытались организовать их производство на территории региона. Так, в Краснодарской санитарно-технической лаборатории с конца сентября 1942 года производились галеновые препараты, стрептоцид и сульфидин¹¹⁷. Промышленное производство концентратов витамина С осуществлялось в Ставрополе институтом эпидемиологии и микробиологии. Выпуск лекарств и витаминных экстрактов планировалось наладить в медико-аналитической лаборатории Ставропольского мединститута¹¹⁸. Ряд лекарственных препаратов, сыворотки, наркозный эфир производились в Пятигорске, Георгиевске, Кисловодске, Кропоткине. Закупки этих средств осуществлялись аптечным отделом управления главного врача Краснодарского края, а также Ростовским фармацевтическим управлением¹¹⁹.

Налаживанию на территории региона производства лекарственных препаратов, по задумке германских властей, должно было способствовать наличие на Северном Кавказе богатых растительных ресурсов.

Исзъав и израсходовав остатки препаратов в Пятигорском перевалочном пункте и аптеках города, оккупанты объяснили нехватку лекарств последствиями отступления большевиков и попытались наладить процесс их производства из местного сырья. Населению было объявлено о возможности сбора и сдачи лекарственных растений – долматской и кавказской ромашки, сухой валерианы, шиповника, ландыша – на базу товарищества «Лектехсырье». Однако, подводя итоги сбора лекарственных растений в окрестностях Пятигорска, власти констатировали провал их заготовки¹²⁰. Это можно объяснить двумя причинами: низким уровнем закупочных цен на сырье и нежеланием населения помогать оккупантам.

Резкому увеличению стоимости препаратов и их дефициту в регионе КМВ способствовали повышение местным заводом в 2,5 раза цен на спирт и ограничение его отпуска для производства лекарств. Власти, призывая население и лечебные учреждения обеспечить «экономное расходование медтоваров», обещали в дальнейшем организовать регулярные поставки «медикаментов от фирм»¹²¹. В действительности ситуация только ухудшалась. К концу оккупации Пятигорская аптечная база пополнялась медицинскими товарами, инструментами, лекарственными средствами, приобретаемыми исключительно за наличный расчет. Никакого централизованного снабжения организовано не было¹²².

Неудовлетворительным было снабжение лекарственными препаратами и в других местах. В аптеках и аптечных складах Краснодара отсутствовал необходимый различным лечебным заведениям ректифицированный спирт. Докладывая об этом главному врачу при полевой комендатуре № 538, главный врач края просил организовать скорейшее получение спирта в Майкопе или другом месте его производства¹²³.

В Белореченском районе Кубани основная часть перевязочных материалов в первое время после начала оккупации поступала из остатка средств с прежнего склада. Правда, лекарственные препараты выдавались германским военным командованием по запросу лечебных учреждений с собственного склада. Аптечная сеть в количестве 3-х аптек испытывала острую нехватку медикаментов, перевязочных материалов и инструментов¹²⁴.

В связи с дефицитом лекарств развернулась спекуляция¹²⁵. В Черкесске примитивные лекарства, преимущественно для наружного применения, можно было купить у спекулянтов на местном рынке, а более серьезные и дорогие – у немецких военнослужащих. Население в сложившейся ситуации зачастую было вынуждено прибегать к народным методам лечения и услугам различных знахарей¹²⁶. Жители Адыгеи, отказываясь от обращения в лечебные учреждения и аптеки, часто обращались за помощью к муллам и знахарям¹²⁷.

В условиях нехватки ряда лекарственных препаратов предлагалось прибегать к гомеопатии. Старые лекарственные смеси заменялись простыми и доступными средствами, которые обладали свойством вызывать в организме состояние, сходное с определенной болезнью. К примеру, для лечения острого желудочного вос-

паления мог назначаться мышьяк, при дизентерии – ртуть (сулема) и т.д.¹²⁸

Одной из основных проблем, с которой столкнулись учреждения здравоохранения на оккупированных территориях, стала нехватка медицинских специалистов. Согласно данным советских статистических органов, количество врачей в оккупированных районах СССР на момент их освобождения составляло 28,2 процента по сравнению с довоенным периодом, уменьшившись с 58,5 тыс. до 16,5 тыс. человек. При этом доля врачей была значительно ниже доли работников других специальностей, а также доли местных жителей, оставшихся на оккупированных территориях¹²⁹. Вызвано это было несколькими причинами. Во-первых, многие медицинские работники с началом войны были мобилизованы в ряды Красной Армии. Во-вторых, значительная часть медицинских специалистов вместе со своими учреждениями или в индивидуальном порядке эвакуировалась в тыловые районы страны. В-третьих, большое количество медицинских работников в районах, где оккупантам оказывалось организованное сопротивление, ушло в партизанские отряды. Кроме того, немало сотрудников учреждений медицины было уничтожено нацистами.

Остро ощущалась нехватка медицинского персонала на территории Белоруссии. Минский окружной комиссариат имел в округе всего 68 врачей, 38 зубных врачей, 66 фельдшеров, 38 медсестер, при этом на районы округа в среднем приходилось по 7–9 врачей¹³⁰. В Витебске в первые месяцы оккупации прием пациентов осуществляли оставшиеся в городе 29 врачей, большинство из которых за связь с партизанами к 1943 году было уничтожено гитлеровцами¹³¹. Власти пытались исправить сложившуюся ситуацию, привлекая к работе специалистов из числа советских военнопленных, а также специально откомандированных из Прибалтики врачей, однако положение продолжало ухудшаться. Отток медработников в партизанские отряды привел к тому, что обеспеченность их медицинскими кадрами нередко была выше, чем гражданских лечебных учреждений. К моменту соединения с частями Красной Армии в действовавших на территории Белорусской ССР партизанских формированиях насчитывалось 580 врачей и 2133 работника среднего звена¹³².

Нехватка медицинских работников отмечалась и на территории оккупированной Украины. По этой причине на начальном

этапе оккупации в лечебных учреждениях на юге Украины даже разрешалось работать врачам-евреям, ставка заработной платы которых была ограничена суммой 500 рублей. Кроме того, в отдельных случаях к работе привлекались военнопленные врачи, в частности, в медицинских учреждениях Херсона с разрешения отдела здравоохранения работали квалифицированные хирург и хирург-окулист из числа попавших в плен¹³³. Отсутствие необходимого количества медицинского персонала констатировалось и на оккупированной территории РСФСР, в частности, в Калуге¹³⁴, в Калининской области, в Почепском районе Орловской области. Даже на территории Локотского самоуправления, отчитывавшегося об открытии 9 больниц и 37 медпунктов амбулаторного типа и считавшегося во многом образцовым, 1 врач приходился более чем на 11 тыс. жителей¹³⁵.

Столкнувшись с проблемой нехватки работников в лечебных заведениях и ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки, германские власти вынуждены были решать вопрос подготовки медицинских кадров. В этой связи в ряде случаев ими предпринимались попытки открытия соответствующих училищ и школ, факультетов в университетах и самостоятельных институтов, готовивших специалистов среднего и высшего звена для работы в учреждениях медицины. Открывая подобные учебные заведения, оккупанты в том числе преследовали идеологические цели, связанные с завоеванием симпатий местного населения. В разное время мероприятия, связанные с возобновлением работы отдельных медицинских образовательных учреждений, предпринимались германскими властями на оккупированных территориях прибалтийских республик, Украины, Белоруссии и России.

Подводя итог рассмотрению данного вопроса, отметим, что в целом ситуация в сфере медицины в захваченных врагом регионах Советского Союза существенно ухудшилась. Из всего спектра задач, решение которых обеспечивала советская система здравоохранения, были исключены многие важные вопросы и целые направления, например, лечение психических и других специфических заболеваний, охрана материнства и детства, профилактика инфекционных болезней, укрепление здоровья населения, его санитарное просвещение. В связи с переходом к платной системе обслуживания населения и сокращением числа лечебных учреж-

дений медицинские услуги стали менее доступными для жителей оккупированных областей, а их качество ухудшилось. Одним из факторов, определявших будущее сферы медицины в условиях оккупации, являлось отношение оккупантов к вопросу подготовки медицинских кадров.

1.3. Школьное и профессиональное образование на оккупированных территориях

Точное количество образовательных учреждений, действовавших на территории оккупированных советских республик, подсчитать достаточно сложно. Это касается не только школ, количество которых было значительным, но и учреждений среднего и высшего профессионального образования, которых было открыто несоизмеримо меньше. В советское время, когда при исследовании германского оккупационного режима доминирующими являлись вопросы сопротивления населения репрессивно-караательной политике нацистов, подобные подсчеты, а также взвешенный анализ деятельности учреждений образования не проводились. На современном этапе проведению исследований мешает отсутствие достоверной и полной информации, касающейся всего периода оккупации, а также распад единой страны и возникновение на ее территории самостоятельных государств.

К началу Великой Отечественной войны фактически было завершено становление советской системы образования. Особое внимание развитию школьного образования в предвоенное десятилетие уделялось в городе, где сосредоточивался пролетариат, от уровня образования которого зависел успех индустриализации страны. В 1940/41 учебном году в СССР функционировало около 199 тыс. общеобразовательных школ, в которых обучалось более 35,5 млн человек¹³⁶. При этом еще к 1933 году в стране было введено обязательное всеобщее обучение в сельской местности в объеме 4-летней, а в промышленных городах и рабочих поселках – в объеме 7-летней школы¹³⁷. В значительной мере к началу войны была побеждена неграмотность. Уровень грамотности населения в возрасте от 16 до 50 лет составлял к этому времени уже около 90%.

Интенсивными темпами развивалась в предвоенные годы и система профессионального образования. В 1940/41 учебном году в

СССР насчитывалось 3773 учебных заведения среднего профессионального образования, в которых обучалось 974,8 тыс. учащихся, а также 817 высших учебных заведений, в них обучалось 811,7 тыс. студентов¹³⁸. Ежегодный выпуск из средних специальных учебных заведений составлял 226 тыс. специалистов в год, из высших учебных заведений – 109,3 тыс. специалистов в год¹³⁹. Научно-педагогическую работу в учреждениях высшего образования вели около 50 тыс. специалистов, в том числе 5,3 тыс. профессоров. Количество занятых в народном хозяйстве СССР специалистов с высшим образованием составляло 909 тыс. человек¹⁴⁰.

Интенсивное развитие сферы образования требовало существенных бюджетных расходов. В этой связи с 1 сентября 1940 года было введено платное обучение в 8–10 классах школ, средних специальных и высших учебных заведениях. К примеру, в школах Сталинграда плата составляла 150 руб. в год¹⁴¹. На Ставрополье в 1941/42 учебном году плата за обучение в учреждениях среднего профессионального образования также составляла 150 руб., отдельно оплачивались проживание в общежитии и пользование постельными принадлежностями¹⁴².

С началом войны учреждения образования, помимо основных, приобрели и мобилизационные функции. Учащиеся и преподаватели принимали участие в строительстве оборонительных рубежей, частях народного ополчения, командах местной противовоздушной обороны, оказывали помощь в тыловых эвакуогоспиталях, вступали в санитарные дружины. Активно участвовали в координации этих процессов комсомольская и пионерская организации.

Что касается качества образования, то в военное время оно, безусловно, несколько снизилось. Многие учителя были мобилизованы в действующую армию. Финансирование и материальное снабжение учебных заведений в стране, ведущей тяжелейшую войну, было затруднено. Здания образовательных учреждений во многих прифронтовых и тыловых районах стали использоваться под госпитали. Так, в Ворошиловске (с 12 января 1943 года – Ставрополь) первые эвакуогоспитали, развернутые в соответствии с мобилизационным планом буквально сразу после нападения Германии на Советский Союз, были организованы в помещениях зооветеринарного института и средней школы № 6. В дальнейшем, согласно решению крайисполкома от 16 октября 1941 года, под новые эвакуогоспитали на Ставрополье также активно занимались здания

учебных заведений. В том же Ставрополе к лету 1942 года госпиталям, количество которых к этому моменту достигло 8, в общей сложности были переданы помещения 5 средних школ и детской школы-интерната¹⁴³. В соседней Дагестанской АССР, обладавшей к 1942 году мощной сетью эвакогоспиталей, также осуществлялась передача в их ведение помещений учебных заведений. В итоге, как отмечают исследователи, только 3% госпитальных коек было развернуто в зданиях учреждений здравоохранения¹⁴⁴.

Учебным заведениям взамен занятых, как правило, предоставлялись другие помещения. Так, после занятия под эвакогоспиталь здания фельдшерско-акушерской школы в столице Карачаевской автономной области городе Микоян-Шахаре сама школа была переведена в помещение педагогического училища. В Ставрополе в связи с передачей одного из зданий медицинского института военному ведомству горисполком в октябре 1941 года взамен предоставил вузу ряд других помещений¹⁴⁵. Однако несмотря на сложности материального характера и существенно увеличившуюся нагрузку на преподавательский состав, в целом учреждения образования на территориях, не подвергшихся вражеской оккупации, продолжали осуществлять обучение детей в школах и подготовку необходимых специалистов в учреждениях профессионального образования.

Нападение Германии на Советский Союз поставило под угрозу функционирование более 1 тыс. средних специальных и 250 высших учебных заведений. Однако провести их эвакуацию в восточные районы страны удалось далеко не во всех случаях. Среди эвакуированных на восток учреждений высшего образования было лишь 147 институтов и университетов¹⁴⁶. Частично удалось эвакуировать средние специальные учебные заведения. Эвакуировались в тыловые районы страны и детские учреждения – преимущественно детские дома и интернаты. К концу 1942 года из фронтовых и прифронтовых районов было эвакуировано 976 таких учреждений и 107 тыс. их воспитанников. Многие образовательные учреждения остались на захваченной врагом территории.

Рассчитывая на быструю победу на Восточном фронте, гитлеровское руководство не занималось глубокой проработкой вопросов социальной политики в отношении населения захваченных районах СССР. Необходимость в существовании какой-либо образовательной сферы на оккупированных территориях Советского

Союза первоначально и вовсе ставилась под сомнение. В сохранившихся документах нацистского руководства, связанных с реализацией Генерального плана Ост и представлявших, как правило, комментарии или замечания к нему, был отмечен ряд важных моментов. Высшие школы на оккупированных территориях подлежали закрытию. Обучение «не немецкого населения восточных областей» простому счету, умению расписываться, старанию и послушанию предлагалось осуществлять в 4-классных народных школах. Место собственного алфавита со временем должен был занять латинский. Взрослое население должно было представлять собой «лишенную руководителей массу рабочей силы», способную трудиться в интересах Германии¹⁴⁷.

Следует отметить, что в связи с переходом войны в затяжную фазу, длительным нахождением военнотружеников вермахта в контакте с жителями оккупированных территорий, проявлениями скрытого, а нередко и прямого сопротивления захватчикам германские власти вынуждены были корректировать свою политику. Это выражалось в демонстрации внимания к нуждам местных жителей при одновременной организации контроля за настроениями населения, в первую очередь интеллигенции и молодежи¹⁴⁸. При этом оккупанты констатировали «очень сильное влияние» на советскую молодежь большевиков, сознательно уделявших ей много внимания, воспитывавших и продвигавших ее, сумевших «пробудить в ней сознание превосходства большевистской культуры и техники», а также вселивших веру «в лучшее будущее советского народа»¹⁴⁹.

С определенного момента идея истребить все советское, в частности, советскую школу, воспитывавшую молодых людей в любви к социалистической родине, стала замещаться в умах представителей германского руководства более рациональной идеей. Следовало поставить систему образования на службу Германии, оказывая максимальное идеологическое воздействие на подрастающее поколение. Немецкий комендант в Пятигорске указывал местным учителям, что необходимо «выкорчевывать из детских голов все советское», руководствуясь необходимостью воспитания послушного ученика, «готового своим трудом отблагодарить фюрера»¹⁵⁰. Возобновление работы учебных заведений одновременно было призвано воздействовать на повышение степени доверия населения к оккупантам, проявившим заботу о подрастающем

поколении и родителей, которые должны добросовестно трудиться на благо Германии.

Довольно ярко отражают пропагандистскую направленность мер, принимаемых оккупантами в сфере образования на захваченных территориях Советского Союза, высказывания Гитлера в апреле 1942 года: «Ни один учитель не должен приходить к ним и тащить в школу их детей... Ибо таким образом более способные туземцы смогут приобщиться к некоторым историческим знаниям, а значит, и усвоят политические идеи, которые в любом случае хоть как-то будут направлены против нас. Гораздо лучше установить в каждой деревне репродуктор и таким образом сообщать людям новости и развлекать их, чем предоставлять им возможность самостоятельно усваивать политические, научные и другие знания. Только чтобы никому в голову не взбрело рассказывать по радио покоренным народам об их истории...»¹⁵¹

Наряду с решением идеологических задач нацисты преследовали и другие, более приземленные цели. Молодые люди должны были получить минимальные знания, например, в части счета и языков (собственного и немецкого), чтобы впоследствии выполнять требуемую от них работу. Кроме того, дети и подростки должны были находиться под присмотром, не пополняя при этом ряды антисоциальных и опасных для германских властей элементов.

Наиболее быстро изменения в образовательной сфере проявились в отношении *учреждений школьного образования*. Так, уже осенью 1941 года на территории прибалтийских республик были открыты латышские, литовские и эстонские, а к концу года в ряде случаев – русские школы¹⁵². В их числе были и гимназии, которых только на территории Латвии было четыре – в Риге, Двинске, Режице, Пыталово (в то время – Абрене).

Попытка введения обязательного школьного обучения для детей в возрасте от 7 до 14 лет была предпринята в Белоруссии, что в определенной степени можно считать одной из поблажек оккупационных властей, проводивших на территории республики крайне жестокую политику. Несмотря на сложности, связанные с нехваткой школьных зданий, многие из которых были заняты войсками, а также учебной литературы, к концу 1941/42 учебного года на территории генерального округа «Беларусь» было открыто 3485 школ, в которых училось 346 тыс. учеников и работало

9716 учителей. Хотя в столице бывшей советской республики городе Минске, как отмечают исследователи, из действовавших до войны 49 школ в 1941/42 учебном году работало лишь 12, в которых обучалось 6 тыс. детей¹⁵³. В целом же количество школ приближалось к показателям довоенного времени, однако все открывшиеся школы имели статус 4-классных начальных¹⁵⁴, в то время как в соседних прибалтийских республиках был открыт ряд средних школ и даже вузов.

Но со временем ситуация изменилась. В соответствии с разработанным в ведомстве А. Розенберга планом в 1942/43 учебном году в Литве учиться в высших школах разрешалось лишь 12–15% подростков. Остальные молодые люди должны были работать в сельском хозяйстве и на промышленных предприятиях. С начала 1943 года существенно сократился объем финансирования, выделяемого на школьное образование. В результате этого ощущалась острая нехватка средств на содержание учителей, школы испытывали дефицит учебников и письменных принадлежностей. Из-за тяжелых материальных условий и нехватки преподавателей занятия перестали посещать около 60 тыс. детей. В 1943/44 учебном году гимназии были преобразованы в средние школы, закрыты специализированные классы по подготовке будущих педагогов, из программы занятий исключены уроки национального воспитания и пения, включены занятия по расовой теории¹⁵⁵.

Противоречивой была политика германских властей в сфере образования на территории бывшей Украинской ССР. В определенной мере это объяснялось изменением территориального деления и подчиненностью ее районов различным органам управления. Напомним, что западные области Украины вошли в состав Польского генерал-губернаторства, часть районов – Транснистрии, а центральные области – рейхскомиссариата «Украина», северные и восточные области находились в зоне военного управления.

Но в большей степени противоречия в сфере образовательной политики оккупантов объяснялись конфликтом различных ведомств, что наиболее ярко проявлялось на территории рейхскомиссариата «Украина». Здесь в течение всего периода оккупации отмечался конфликт министерства оккупированных восточных областей, возглавляемого А. Розенбергом, и аппарата, подчинявшегося рейхскомиссару Украины Э. Коху. Показательной была позиция самого Э. Коха, который в августе 1942 года, практически

через год после начала оккупации подведомственных территорий и своего вступления в должность, заявлял о необходимости поддержания низкого уровня образования населения. Пределом образовательного уровня украинцев, по его словам, должны были стать 3-классные начальные школы¹⁵⁶. Дело не ограничивалось словами. Рейхскомиссар Кох и на практике неуклонно придерживался линии на ограничение возможности получения образования и снижение его уровня.

Рейхсминистр А. Розенберг, в свою очередь, исходил из заявленных им целей восточной политики. Он выступал за предоставление местному населению возможности получения школьного и профессионального образования, активно привлекая взрослую его часть к сотрудничеству. Осуществляя политику заигрывания с украинцами, министерство оккупированных восточных областей доверило решение многих вопросов украинским гражданским администрациям. Особенно это было характерно для первого этапа оккупации, когда германские власти лояльно относились к деятельности украинских националистических организаций. В это время по инициативе местных общин (громад) открылось немало образовательных учреждений – начальных, неполных средних и средних школ, а также профессиональных учебных заведений.

Ситуация начала меняться к концу 1941 года, когда стало понятно, что война приобретает затяжной характер. При этом, продолжая считать одной из главных своих целей борьбу с «большевистским наследием», оккупанты старались не допустить формирования местной национальной интеллигенции – потенциального «носителя нежелательных стремлений»¹⁵⁷.

В этой связи, согласно приказу Э. Коха от 12 января 1942 года, в отрытых начальных школах запрещалось использование учебных планов советской школы. При отборе педагогических кадров предпочтение отдавалось лицам с антисоветскими взглядами, а также пострадавшим от «большевистских властей». Учебный и воспитательный процесс был направлен на онемечивание детей, прививание им уважения к немецкой культуре, послушания и трудолюбия. Осуществив выборочную проверку работы школ и оставшись в целом довольным ее результатами, 31 августа 1942 года рейхскомиссар Кох, тем не менее, приказал закрыть все школы за исключением 4-летних народных и профессиональных школ¹⁵⁸.

Это распоряжение было выполнено далеко не во всех генеральных комиссариатах. Во многих случаях открытые ранее с согласия А. Розенберга образовательные учреждения продолжали свою работу. В вопросах претворения в жизнь образовательной политики гражданские власти нередко занимали такую позицию, которая удовлетворяла бы оба ведомства. В результате их противоречий школы на местах неоднократно открывались и закрывались. Склонить ситуацию в свою пользу рейхскомиссару Коху, которого в его непримиримой позиции поддерживали А. Гитлер и ряд других руководителей рейха¹⁵⁹, удалось осенью 1942 года. 24 октября он потребовал закрыть все школы в рейхскомиссариате «Украина», кроме 4-классных, и то с определенными оговорками. После этого в Киеве, где к этому времени было открыто 57 школ, обучение в которых проходило около 14 тыс. детей, на некоторое время закрылись все школы¹⁶⁰.

Анализ качественных показателей школьного образования в период оккупации показывает, что его уровень существенно снизился. Так, на одного школьного учителя в Винницком районе летом 1943 года приходилось более 47 учеников, в Турбовском районе – более 64 учеников. Для сравнения: в довоенное время на одного учителя в Винницкой области приходилось 24 ученика. Показательным является и практически повсеместное уменьшение числа средних и неполных средних школ. К примеру, если в Виннице по состоянию на начало 1943 года действовали одна 4-классная народная и восемь неполных средних школ, то уже к 1 августа 1943 года число 4-классных школ достигло четырех, а неполных средних уменьшилось до пяти. Возросло и количество оставшихся на второй год учеников, составлявшее в Браиловском районе 52,4, Винницком – 33,4, Литинском – 44,4, Турбовском – 52,2 процента¹⁶¹. Безусловно, эти показатели свидетельствуют о деградации системы школьного образования в период оккупации.

В районах Украинской ССР, находившихся в зоне военного управления, ситуация отличалась незначительно. Количество действовавших в период оккупации школ по сравнению с довоенным уровнем значительно уменьшилось. Открывались преимущественно начальные школы, которые действовали далеко не повсеместно. В Дзержинске и Горловке Донецкой (в то время – Сталинской) области школы не работали. В Артемовском районе было открыто 6 школ из 22, в Славянском районе – 5 из 21¹⁶².

На территории бывшей РСФСР оккупантами изначально не планировалось организованное открытие школ. Оно начало обсуждаться и осуществляться оккупационными властями после поражения германских войск под Москвой. На территории Орловской области первоначально стали открываться преимущественно начальные школы. Однако к концу 1942 года оккупантам стала очевидной необходимость привлечения к обучению и детей более старшего возраста. Это объяснялось тем, что трудовая повинность распространялась на подростков, начиная с 14-летнего возраста. Не охваченные обучением в школе дети могли создавать «прямую угрозу общественному порядку». В этой связи с декабря 1942 года было разрешено открытие 7-летних школ, а также допускалась возможность обучения в 8-м, дополнительном, классе, где могли приобретаться практические навыки по таким направлениям как машинопись, бухгалтерия, административное управление¹⁶³. Открытие некоторых 7-летних школ в 1942 году началось и в оккупированном Брянске¹⁶⁴.

Препятствовало возможности возобновления занятий разрушение школьных зданий во время боевых действий, а также занятие их помещений оккупантами под собственные нужды. В Смоленском районе в связи с нехваткой школьных зданий были открыты «школы на воздухе». Занятия в них проводились под открытым небом. При этом летние каникулы в условиях необходимости использования теплого времени года были отменены¹⁶⁵.

В целом количество открытых школ было невелико. В городе Таганроге Ростовской области, захваченном в октябре 1941 года, перед войной насчитывалась 31 школа (начальных – 6, 7-летних – 7, средних – 18). В них обучалось почти 24 тыс. учащихся и работало 878 учителей. С началом оккупации все они были закрыты, а их здания переданы под нужды германской армии. С 1 апреля 1942 года по разрешению коменданта были открыты 8 начальных школ, в которых обучались 1875 детей, преподавал 91 учитель. Позднее, во второй половине года, в городе начали действовать еще 4 школы¹⁶⁶. Открытие школ сопровождалось соответствующими сообщениями в оккупационной прессе, как это было, например, в Таганроге и Ставрополе¹⁶⁷.

Наряду со светскими школами, находившимися в ведении гражданских администраций, в ряде случаев на территории России православной церковью были созданы церковные школы. Не-

сколько десятков таких школ было образовано под патронажем Псковской православной миссии в Пушкиногорском, Красного-родском и других районах Псковской области. Обучение в таких школах было бесплатным. В нескольких областях РСФСР открылись и школы для обучения детей религии и подготовки священнослужителей. В ряде случаев по решению властей их учащиеся были освобождены от учета на бирже труда и несения трудовой повинности¹⁶⁸.

Следует отметить, в первые месяцы войны открытие школ в захваченных районах СССР зачастую носило местечковый характер. Однако весной 1942 года германским командованием было принято решение об обязательном посещении детьми в возрасте от 8 до 12 лет 4-классной начальной школы на всей оккупированной советской территории. Исключение составляли еврейские дети, обучение которых было запрещено. Датой начала нового учебного года было определено 1 октября 1942 года. За посещение детьми школ отвечали родители. В случае пропуска занятий они могли быть наказаны штрафом, составлявшим в большинстве районов РСФСР 100 рублей, в Локотском округе – до 500, в Белоруссии – до 1000 рублей, а также лишением продуктовых карточек. В случае, если и после применения штрафов родители препятствовали посещению школ детьми, они могли быть арестованы.

Как отмечают специалисты, в сложившихся условиях на базе школ захватчики планировали создать своего рода нацистские пропагандистские пункты. Реализации подобных планов мешала низкая посещаемость школ учащимися. К примеру, на территории Локотского самоуправления, где в отличие от многих других оккупированных районов было введено обязательное обучение детей в объеме 7 классов средней школы, а бургомистрам, старостам и старшинам предписывалось держать вопросы организации школьного образования на особом контроле, занятия по причине низкой посещаемости регулярно срывались. В то же время к началу 1942 года в ряде южных районов Ленинградской области, находившихся под контролем партизан, где были возобновлены занятия по советской программе обучения, посещаемость в школах достигала 72 процентов¹⁶⁹. Эти факты наглядно демонстрируют различную степень доверия населения к оккупационным и советским властям.

Обеспечение работы учебных заведений, как правило, возлагалось оккупантами на созданные в составе большинства гражданских администраций, особенно в крупных населенных пунктах, отделы образования (просвещения). Инспекторы отделов контролировали состояние школ, сохранность их имущества, укомплектование учителями, принимали участие в составлении учебных планов и программ, проверяли содержание учебников¹⁷⁰.

Свое влияние на организацию деятельности учреждений образования оказывали и другие отделы местных администраций. Так, в функции медицинского отдела Ставропольской городской управы входили обеспечение обследования школ, детских садов и яслей, проверка питания и санитарных условий (освещение, влажность воздуха, температура, запыленность, микрофлора), санитарный контроль мебели и учебных пособий, контроль распределения учебных занятий в школах и на дому, режима дня в детсадах и яслях¹⁷¹. В Ставрополе в начале сентября 1942 года работниками санитарного подотдела были осуществлены санитарно-гигиенические обследования ряда школ, детского дома, детских яслей, дома ребенка¹⁷².

Поддержание санитарной обстановки в учебных заведениях было продиктовано не только стремлением достичь определенных пропагандистских целей. Оценивая после освобождения Ставрополя состояние противоэпидемической работы в период оккупации, заведующий крайздравотделом Ставропольского крайисполкома Л.Я. Варшавский отмечал, что проведение каких-либо профилактических мероприятий германскими властями в регионе было прекращено¹⁷³. Подобная информация сохранилась также в отчетах Ставропольского горздравотдела и других источниках¹⁷⁴. Однако в действительности дело обстояло несколько иначе. Столкнувшись с распространением инфекционных заболеваний среди местного населения и опасаясь за здоровье собственных солдат и офицеров, оккупационные власти были вынуждены принимать меры, направленные на улучшение эпидемической обстановки в регионе. В то же время рекомендации, предписывающие необходимость наблюдения за санитарным состоянием населения края, обеспечения работы бань и санпропускников, а также незамедлительного информирования германских властей в случае возникновения заразных болезней, были направлены германским командованием на места лишь 19 сен-

тября 1942 года, через 1,5 месяца после установления «нового порядка»¹⁷⁵.

В этой связи отметим наличие определенных трансформаций не только в области образовательной политики на оккупированных территориях, но и в вопросах медицинского обслуживания местных жителей. Ранее Гитлер заявлял об отсутствии заинтересованности в распространении среди них медицинских знаний, запрете проводить здесь «какие бы то ни было гигиенические акции», отказе от проведения прививок населению¹⁷⁶. На деле же ситуация заставляла оккупантов во многом действовать по-иному, в том числе пересматривая свой подход к вопросам подготовки медицинских кадров.

В Ставрополе для предупреждения заболеваний детей дифтерией медицинский отдел организовал проведение предохранительных прививок в детских консультациях № 1 и № 2, детской поликлинике и поликлиниках № 1 и № 2¹⁷⁷. Начиная с октября 1942 года, прививки бесплатно проводились в отношении детей в возрасте от 1 года до 8 лет в детской консультации в Ессентуках, в лаборатории станицы Ессентукской, в местных школах¹⁷⁸, а также в медицинских учреждениях Пятигорска¹⁷⁹. Прививки носили принудительный характер, за отказ от них был предусмотрен штраф в размере 300 рублей, за повторное уклонение – предание суду.

В сельских районах ситуация со школьным образованием обстояла хуже, чем в городах. В Порховском районе Ленинградской (ныне в составе Псковской) области, где до войны действовало более 100 школ, в 1941/42 учебном году оккупантами были открыты только 20 начальных и 1 средняя школы. В Себежском районе Калининской области, где до войны действовало порядка 25 начальных, неполных средних и средних школ, в которых обучалось около 7 тыс. учащихся, в период оккупации работали лишь 2, которые посещало 190 детей¹⁸⁰. В Буденновском районе Ставрополя на каждую школу в целом приходилось 62 учащихся, что составляло лишь около двух полностью укомплектованных классов на школу¹⁸¹.

Рассматривая состав действовавших в период оккупации школьных учреждений, важно отметить, что подавляющее большинство из них были начальными. Меньшую часть составляли 7-летние школы, и совсем незначительное количество относились к категории гимназий и прогимназий. В оккупированном Харькове в авгу-

сте 1942 года действовали 2 гимназии¹⁸². Также 2 гимназии открылись в период оккупации в Ржеве¹⁸³. Однако наиболее значительная их часть была открыта осенью 1942 года на Северном Кавказе. Так, в 34 районах Ставропольского края во время оккупации были открыты 15 гимназий. Большинство гимназий действовало в городах Кавказских Минеральных Вод, прежде всего в Кисловодске¹⁸⁴. Оккупанты придавали этому городу особое значение как мировому курорту, пытаясь сделать более привлекательным, и заявляли о планах создать «невиданные санатории на немецкий лад» и сделать из города «процветающий курорт новой Европы»¹⁸⁵. Его особенности рекламировались в Германии и других странах¹⁸⁶, а всему «курортному хозяйству освобожденного Кавказа» уже в ближайшем будущем были обещаны самые «блестящие перспективы»¹⁸⁷.

В то же время, наряду с относительно большим количеством гимназий, в период оккупации на Ставрополье действовали всего 192 начальные школы и 13 так называемых «вышеначальных» и 7-летних¹⁸⁸. Для сравнения отметим, что до оккупации в крае работало в общей сложности 1648 школ, из них 1100 – начальных, 352 – неполных средних, 196 – средних, а общее число учащихся составляло около 280 тыс. человек¹⁸⁹. Численность населения Ставрополя к 1 января 1941 года составляла 2016,4 тыс. человек¹⁹⁰, а доля учащихся в школах – почти 14% от общего населения края.

Финансирование образовательных учреждений осуществлялось из бюджетов органов местного управления – городских, районных, волостных, сельских управлений или управ. Бюджеты формировались за счет отчислений предприятий, организаций и самих жителей захваченных областей. Пополнялся бюджет образовательных учреждений за счет повсеместно введенной платы за обучение, а также штрафов за непосещение школ. Плата за обучение, в отличие от практики советского времени, была введена в отношении всех учреждений образования, в том числе начальных школ, на всей оккупированной территории. Стоимость обучения в сельской местности составляла в 1-м классе 20 рублей, во 2-м – 30, в 3-м – 40, в 4-м – 50 рублей в месяц¹⁹¹. Плата за обучение в гимназии составляла 300 рублей в год. Достаточно чувствительными были и штрафы. Так, в Брасовской волости Локотского самоуправления в соответствии с приказом от 12 декабря 1942 года за непосещение детьми школ было оштрафовано 45 семей в размере 500 рублей каждая¹⁹².

Единой школьной программы на подвергшейся оккупации территории СССР оккупантами не разрабатывалось. Во многих случаях, базируясь на указаниях германских властей (в частности, на «Предписании для учителей»), учебные программы составлялись соответствующими отделами местных управ и утверждались немецким комендантом. При этом количество преподаваемых в школах предметов сократилось. На территории России программа начального образования, как правило, включала не более 7 дисциплин: русский язык, немецкий язык, арифметика, география, естествознание, труд или рукоделие, физкультура. Почасовая нагрузка была различной, возрастая по мере перехода ученика в более старший класс. В 7-летних школах к числу изучаемых предметов могли добавляться физика, химия, география¹⁹³.

На большинстве оккупированных территорий, хотя и не в каждой школе, вводилось преподавание Закона Божьего. Возможность его преподавания в конкретной школе зависела от наличия соответствующих преподавателей. В одной из школ Ставрополя подобные занятия начали проводиться уже с первого дня обучения в открывшейся школе¹⁹⁴.

В оккупированных союзных и автономных республиках германские власти предусматривали отмену преподавания русского языка. Во многих школах на территории Украины обучение осуществлялось на украинском языке. Однако в ряде районов, например, в Донбассе, допускалось обучение на русском языке, при этом в учебный план в обязательном порядке включался украинский язык. На русском языке осуществлялось преподавание в ряде северных, примыкающих к Белоруссии, районов генерального комиссариата Житомир¹⁹⁵.

Обучение в школах на территории России, особенно на начальном этапе оккупации, зачастую осуществлялось по учебникам, изданным в советское время. По указанию германских властей они были подвергнуты корректировке. Нередко отдельные их страницы вырывались, заклеивались, заменялись новыми. Фрагменты текста зачеркивались или вымарывались, а поверх них могли вклеиваться фрагменты «нужного» текста. В Ставрополе к подобной «подготовке» учебников привлекались не только учителя, но и сами учащиеся¹⁹⁶. В целом ситуация, связанная с использованием советских учебников, была наиболее

характерна для территорий, подвергшихся относительно непродолжительной оккупации в 1942 году, в частности, южных районов России. По свидетельству очевидцев, в ряде случаев и сама учебная программа в школах, расположенных в отдаленных станциях Кубани, не подверглась кардинальным изменениям¹⁹⁷.

В северо-западных районах России в открывшихся школах также первое время использовались советские учебники. По указанию немецких военных комендатур из них изымались портреты советских партийных руководителей и военачальников, статьи политического содержания. По приказу начальника тыла группы армий «Норд» в качестве учебных материалов разрешалось использовать изданные вермахтом на немецком и русском языках газеты и плакаты. Однако осенью 1942 года на оккупированную территорию Ленинградской области поступила большая партия учебников из Риги. В школах области появились новый иллюстрированный учебник истории, Библия, «Наставления о законе Божьем». В Пскове были изданы учебники «Родной язык» и «Грамматика и правописание». В них, помимо прочего, содержались послы идеологического характера, описывались религиозные праздники, восхвалялась жизнь в Германии¹⁹⁸. В целом все эти факты наглядно демонстрируют осознание германскими властями важности работы с подрастающим поколением, выражавшейся в его политической социализации. При этом деятельность оккупантов в сфере школьного образования стимулировалась необходимостью осуществления антисоветской пропаганды.

Большинство школьных учебников для оккупированных районов СССР было издано в Праге, Одессе, Риге, Таллине, Тарту. Русским школам Латвии, Эстонии, Литвы было разрешено вернуться к учебникам, изданным до вхождения прибалтийских республик в состав Советского Союза. В латышских, литовских, эстонских школах к старым учебникам на национальных языках в годы войны стали добавляться новые. Постепенно они замещали довоенную школьную литературу, в особенности учебники для начальной школы. Издавалась школьная литература также на украинском и белорусском языках. Тиражи таких учебников были незначительными, а их перечень ограничивался литературой для начальных школ – «Букварь», «Родная речь», «Арифметика». В то же время общий перечень изданной окку-

пантами школьной учебной литературы для русских школ достигал нескольких десятков наименований¹⁹⁹.

Несколько иная ситуация сложилась с функционированием учреждений *среднего и высшего профессионального образования* в оккупированных районах СССР. В отличие от учреждений начального образования, открытие которых с определенными оговорками допускалось представителями германского руководства, возможность подготовки на захваченных восточных территориях квалифицированных специалистов в училищах, техникумах и вузах первоначально даже не обсуждалась. Проблематика, связанная с работой отдельных из них в условиях оккупации, практически не находила отражения в советской исторической науке. Тем не менее, десятки учреждений профессионального образования действовали в течение различного времени и с разной степенью успешности в подвергшихся оккупации регионах страны.

Провал блицкрига, трансформация оккупационной политики гитлеровской Германии, вынужденной предпринимать попытки сотрудничества с местным населением, предопределили изменение отношения к вопросу подготовки кадров в различных отраслях хозяйства. Во многом это было продиктовано двумя факторами. Во-первых, как и в случае с открытием учреждений школьного образования, оккупанты, демонстрируя заботу о местном населении, преследовали идеологические цели. Во-вторых, для налаживания экономической деятельности на данных территориях требовалось большое число специалистов в различных областях промышленности, сельского хозяйства, образования, медицины. Таких специалистов, как правило, не хватало. Одни из них успели эвакуироваться в тыловые районы, другие пополнили ряды Красной Армии, третьи погибли во время боевых действий или были уничтожены в ходе проведенных нацистами карательных акций.

Открытие учреждений профессионального образования во многом способствовала политика министерства оккупированных восточных областей во главе с рейхсминистром А. Розенбергом. Будучи прибалтийским немцем, уроженцем Российской империи, в известной мере он считался специалистом по России и Советскому Союзу. Его воззрения оказали заметное влияние на социальную политику, проводимую на оккупированных

территориях, в том числе на продолжение работы учреждений профессионального образования. Примечательно содержание беседы Розенберга с одним из рижских журналистов в марте 1942 года. В ней он отмечал, что до окончания военных действий при формировании политики на какой-либо территории необходимо принимать во внимание ее историю, традиции и образ поведения различных слоев общества, а также множество других моментов²⁰⁰. Первоначально политика оккупантов была намного более прямолинейной.

Возможность функционирования учреждений профессионального образования на территории оккупированных прибалтийских советских республик чиновники министерства А. Розенберга объясняли весьма своеобразно. По их словам, «непродолжительное большевистское господство», продлившееся около одного года, не успело привести «к упадку или подмене духовной жизни». В то же время высшие учебные заведения на других территориях за время «двадцатилетнего большевистского правления» пропитались духом учений Маркса и Ленина. Кроме того, среди их руководителей произошло «существенное увеличение процента еврейства». В этой связи все советские вузы в остальных захваченных районах СССР предлагалось закрыть, вернувшись к обсуждению возможности их повторного открытия после окончательного завершения войны²⁰¹.

На деле оккупанты, заявив о продолжении работы образовательных учреждений на территории прибалтийских республик, со временем, как правило, закрыли гуманитарные факультеты вузов. В ряде случаев, руководствуясь принципом практической целесообразности, они разрешили продолжить подготовку специалистов технических, сельскохозяйственных и медицинских специальностей. Интеллигенция прибалтийских республик, в большинстве своем доброжелательно встретившая германскую армию и питавшая иллюзии относительно возможности воссоздания национальных государств, довольно быстро была разочарована политикой «освободителей». Все три республики фактически подверглись немецкой оккупации и были включены в состав рейхскомиссариата «Остланд». Оккупанты допустили функционирование отдельных учебных заведений, но, препятствуя росту национальных устремлений, существенно осложнили их работу.

В Литве германские власти, уволив большое количество сотрудников университета в Вильнюсе, изменили программы обучения, а затем понизили статус учебного заведения, закрыли многие факультеты, а в марте 1943 года полностью прекратили учебную деятельность. Тогда же оккупантами была прекращена работа университета в Каунасе. В республике продолжили работу два вуза – ветеринарная академия в Каунасе и сельскохозяйственная академия в Дотнуве²⁰². Ее здание в 1944 году было взорвано нацистами, в связи с чем учебное заведение после войны было переведено в Каунас.

В Риге в период оккупации действовал Латвийский университет, переименованный новыми властями в Рижский. Несмотря на уничтожение нацистами сотрудников-евреев, внесение существенных изменений в учебный процесс, вуз действовал практически до конца оккупации. На территории Эстонии в период оккупации действовал университет в Тарту, который со временем был реорганизован в университет Эстонского самоуправления. Несмотря на сложности оккупационного периода, учебное заведение функционировало вплоть до марта 1944 года, после чего было закрыто и эвакуировано в Кенигсберг²⁰³.

Будущее Украины, по мнению А. Розенберга, не должно было тесно связываться с будущим России. Она должна была стать для Германии основной житницей и источником рабочей силы. При этом Украина могла прирасти территориями за счет России и получить некий относительно самостоятельный статус, став буферной зоной между «цивилизованным» и «варварским» миром. В планах Розенберга было открытие университетов и технических школ в ряде украинских городов, которое должно было сопровождаться пропагандой немецкой культуры, вытеснением русского языка, поддержкой националистических устремлений. Отчасти эти планы удалось реализовать. Свою роль в открытии учреждений профессионального образования, особенно в первые месяцы оккупации, играли «украинские патристические силы».

В Житомире и Виннице, Черкассах и Умани открылись педагогические институты. В Днепропетровске начали работу университет и транспортный институт. Инициаторами их открытия зачастую были местные активисты, в то время как германские власти на первых порах не проявляли к их деятельности боль-

шого внимания. Это способствовало проникновению в учреждения профессионального образования «украинского национального элемента»²⁰⁴.

При участии ряда профессоров в оккупированном Киеве была образована Украинская академия наук, президентом которой был избран академик В.А. Плотников, директорами различных институтов стали доктор наук Н.Г. Андрусак, профессора Н.Д. Полонская-Василенко, Н.И. Величковский и др.²⁰⁵ Образование Украинской академии наук (УАН) носило декларативный характер, фактически академия не действовала. Несмотря на эвакуацию Киевского и Харьковского университетов и образование советскими властями в городе Кзыл-Орда объединенного украинского государственного университета, оккупационными властями была предпринята попытка наладить работу университета в Киеве. Его ректором стал профессор К.Ф. Штеппа, занимавший должность заведующего отделом народного образования в городской управе Киева. Позднее Штеппа был редактором коллаборационистских газет «Нове Українське Слово» и «Последние новости», а при отступлении немцев выехал вместе с ними. Был одним из учредителей и активных сотрудников Мюнхенского института по изучению истории и культуры СССР. В 1952 году переехал в США, работал обозревателем на радиостанции «Свобода»²⁰⁶.

Однако, как уже отмечалось выше, с переходом войны в затяжную фазу оккупантами в конце 1941 – начале 1942 года более явно были очерчены контуры политики в сфере образования. Многие из открывшихся ранее образовательных учреждений, в особенности учебные заведения профессионального образования, были закрыты. В то же время в период с января по октябрь 1942 года практически во всех 6 генеральных округах рейхскомиссариата «Украина» действовали промышленные и сельскохозяйственные школы и техникумы, ремесленные курсы, медицинские учебные заведения. К примеру, в ноябре 1942 года оккупационная пресса отчитывалась об открытии ремесленных училищ в Николаеве, которое произошло «несмотря на большие разрушения, произведенные советами»²⁰⁷.

Основанием для продолжения работы учреждений профессионального образования послужило распоряжение А. Розенберга от 21 января 1942 года, требовавшее закрытия всех

учебных заведений, за исключением тех, которые занимались подготовкой кадров по техническим, сельскохозяйственным, медицинским и ветеринарным специальностям. Однако в октябре 1942 года рейхскомиссар Украины Э. Кох своим приказом запретил обучение молодым людям в возрасте от 15 лет, подлежащим трудовой мобилизации и отправке в Германию. Это положило начало процессу массового закрытия учреждений профессионального образования на территории рейхскомиссариата.

В дальнейшем Розенберг неоднократно пытался переломить ситуацию, что выражалось в отмене приказа Коха и отправке дополнительных указаний подчиненным ведомствам. Информация о нехватке на местах специалистов для определенных отраслей хозяйства доходила даже до Гитлера. Однако распоряжения об открытии отдельных учреждений профессионального образования исполнялись далеко не всегда. Нередко мероприятия по открытию учебных заведений ограничивались подготовкой помещений и регистрацией учащихся. Невыполнение требований руководства объяснялось приближением фронта, занятием зданий учреждений образования под военные нужды, а также нежеланием генеральных комиссаров вступать в конфликт с ведомством Э. Коха²⁰⁸. В таких условиях говорить о функционировании на территории рейхскомиссариата «Украина» системы подготовки профессиональных кадров нельзя. Мало того, учреждения образования во время оккупации подвергались систематическому разграблению²⁰⁹, как, например, Киевский университет, а при отступлении немцев и вовсе уничтожались со своим имуществом²¹⁰.

В этой связи показательна история Киевского сельскохозяйственного института. К началу войны вуз имел в своем распоряжении три учебных корпуса, жилой дом для профессорско-преподавательского состава, два студенческих общежития на 1500 студентов, мастерские, около 300 гектаров пахотных земель, большое подсобное хозяйство. С началом войны в город Алма-Ата Казахской ССР были эвакуированы основной профессорско-преподавательский персонал и значительная часть студентов. Тем не менее, в связи с нехваткой кадров для работы в сельском хозяйстве оккупационные власти предпринимали попытки возобновить работу вуза. В частности, 20 декабря 1942 года, в самый разгар конфликта германских ведомств, ок-

купационная пресса писала о начале занятий на 4 и 5 курсах трех факультетов вуза – агрономическом, технологическом и механизации сельского хозяйства²¹¹. Устойчивой работы вуза добиться не удалось. А при отступлении оккупантов он подвергся масштабному разграблению и разрушению. Корпуса института были сожжены или повреждены, причиненный ущерб составил 7,5 млн руб. Было уничтожено или разграблено оборудование вуза, инструменты, автотракторный парк, научная библиотека на общую сумму 6,2 млн руб.

На территории республики, не входившей в состав рейхскомиссариата «Украина», как правило, также наблюдалась подобная картина. В зоне военного управления, расположенной ближе к фронту, открытие и нормальная работа учреждений профессионального образования налажены не были. Примером может служить ранее входившая в состав РСФСР Крымская АССР, которая в период оккупации в виде генерального округа «Таврия» должна была входить в состав рейхскомиссариата «Украина». На деле полуостров, находившийся под двойным управлением – гражданским (номинально) и военным (фактически)²¹², поступали распоряжения рейхскомиссара Украины, но решения по различным вопросам принимались представителями военного командования.

В связи с тем, что значительная часть профессорско-преподавательского состава, студентов и имущества трех институтов не были эвакуированы с полуострова, инициативная группа с согласия германских властей начала подготовку к открытию Крымского университета²¹³. Однако две попытки открытия вуза – в 1942 и 1943 годах – по различным причинам не увенчались успехом²¹⁴. В то же время на территории Крыма действовали некоторые учреждения среднего профессионального образования. Так, к концу 1942 года только в Симферополе подготовка профессиональных кадров осуществлялась в семи учебных заведениях. Кроме того, в городе были открыты театральное училище и музыкальная школа, действовали курсы кройки и шитья²¹⁵.

Некоторым исключением можно считать территорию, вошедшую в состав Транснистрии. Здесь практически в течение всего периода немецко-румынской оккупации действовал Одесский университет – единственное высшее учебное заведение на

территории губернаторства. С февраля 1942 года в вузе началось обучение на медицинском и теологическом, позднее – на политехническом, агрокультурном, юридическом и других факультетах²¹⁶. Деятельность вуза была направлена на решение двух задач – идеологической и практической, связанной с обеспечением губернаторства необходимыми кадрами.

Отличалась от других оккупированных территорий и ситуация, складывавшаяся в районах Украины, включенных в состав дистрикта «Галиция» Польского генерал-губернаторства. Так, к лету 1943 года в Тернопольской области действовало 18 сельскохозяйственных средних школ с двухгодичным сроком обучения. В каждой из школ обучалось от 250 до 500 студентов, при этом 1-й год обучения с хорошими и отличными оценками завершили 3600 учащихся. Выпускники школ должны были пополнить ряды специалистов, трудившихся на полях Тернопольщины, славившейся своими черноземами, и на других территориях²¹⁷. В Львовской области действовали 3-месячные курсы по подготовке социальных работников. В августе 1943 года на них было подготовлено 60 специалистов из Львова и области²¹⁸. Действовала в областном центре и художественно-промышленная школа²¹⁹.

Практической целесообразностью было продиктовано открытие в западно-белорусском городе Пинске нескольких ремесленных училищ и школ. По состоянию на сентябрь 1942 года их было открыто 8. В них осуществлялась подготовка портных, сапожников, слесарей, токарей, кузнецов, столяров и специалистов других рабочих профессий. В Бресте осенью 1942 года в составе Украинской профессиональной школы функционировали 3-летняя украинская техническая школа на 290 учеников, мужская и женская ремесленные школы на 60 учащихся каждая. На каждом из курсов технической школы было по 2 отделения, также при школе был организован подготовительный класс, в котором ученики в зависимости от степени подготовки были разделены на 4 группы. В мужской ремесленной школе действовали столярное и слесарное отделения, а также курсы по подготовке водителей. В женской школе работало отделение кройки, шитья и трикотажа, а также действовали аналогичные краткосрочные курсы²²⁰. Территория западной Белоруссии, присоединенная к СССР накануне войны, в период оккупации входила в состав рейхскомисса-

риата «Украина». Открытию образовательных учреждений способствовали так называемые «комитеты народной самопомощи». Из учреждений высшего образования на территории оккупированной Белоруссии непродолжительное время функционировал медицинский институт в Могилеве.

В захваченных районах РСФСР, несмотря на первоначальные заявления оккупантов, также работал ряд учреждений профессионального образования. На территории Орловской области действовали 5 средних профессиональных учебных заведений – Севское педагогическое и ремесленное училища, Унечское ремесленное училище, Понуровская ремесленная школа, краткосрочные курсы по подготовке агрономов. Основной упор делался не на теоретический, а на практический курс обучения. При этом учащиеся активно использовались в качестве рабочей силы. Курсы агрономов открылись в Смоленске на базе бывшего сельскохозяйственного института. Также в Смоленске в 1943 году были открыты курсы для подготовки священнослужителей. В тыловых районах группы армий «Север» предпринимались попытки соединить среднее школьное образование с профессиональным. В этой связи в программу средних школ предлагалось ввести курс профессиональной подготовки, рассчитанный на 1–3 года²²¹.

Ряд учреждений среднего профессионального образования был открыт в период оккупации в южных районах России. К примеру, мукомольно-элеваторный и зооветеринарный техникумы функционировали в Новочеркасске. Несколько медицинских училищ и школ было открыто в городах Кавказских Минеральных Вод²²². В Ессентуках в декабре 1942 года открылось женское училище педагогики и домоводства с двумя отделениями – дошкольным и школьным, которое должно было готовить учителей начальных школ и воспитателей детских садов²²³.

Учреждения высшего образования в захваченных врагом районах РСФСР практически не функционировали. Исключением стали вузы на Юге России, в числе которых были Азово-Черноморский сельскохозяйственный²²⁴ и Донской политехнический институты в Новочеркасске²²⁵, сельскохозяйственный институт в Ставрополе²²⁶, а также медицинские вузы в Кисловодске и Пятигорске²²⁷. Их открытие во многом было связано с тем, что оккупанты декларировали проведение «особой» политики в отношении

населения региона, на территории которого были сильны традиции казачества и горских народов.

Подводя итоги, отметим следующее. Система школьного образования в период оккупации претерпела существенные изменения, которые выражались в сокращении общего числа учебных заведений и снижении качества образования. Несмотря на открытие начальных школ после перехода войны в затяжную фазу в целом система школьного образования утратила унифицированность, не обеспечивала преемственности в обучении и пребывала в стадии деградации. Сокращение сроков обучения в средних школах делало невозможным поступление молодежи в высшие учебные заведения. Практически полному демонтажу подверглась система профессиональной подготовки кадров. Попытки открытия учреждений высшего и среднего профессионального образования, как правило, носили местечковый характер, зачастую происходили по инициативе их коллективов и не находили должной поддержки оккупационных властей. Более активно учреждения среднего школьного, в том числе гимназии, а также профессионального образования открывались в южных районах России и на Украине. Именно здесь, в свою очередь, наиболее ярко проявилась непоследовательность образовательной политики оккупантов.

139.

Arbeitsbehörde
Belgorod.

КОНТОРА ТРУДА
БЕЛГОРОД

20. Июль 1942 г.

Гр-ну Гнездиловой З.Г. Горьковская
Адрес Горьковская, Белгородская 28

Вы обязаны явиться в Контору Труда
к 10 часам 10 "Июль" 1942 года
для послышки на работу. Горьковская

Неявка без уважительной причины повлечет
за собой привлечение к строгой ответственности
по законам военного времени.

Старший диспетчер Н.Б. Гусь

Повестку получает: Гнездилова

1942 г.

Повестка жительнице г. Белгорода З.Г. Гнездиловой
о явке на регистрацию в контору труда. Белгород, 1942 г.

Bemerkungen (Vermerk)	Примечание
Diese Meldekarte dient als Ausweis. Sie ist von dem Inhaber stets bei sich zu führen. Bei Beginn und Beendigung einer Arbeit ist d. d. Meldekarte dem Betriebsführer zur Eintragung vorzulegen. Der Inhaber der Meldekarte ist gesetzlich verpflichtet, sich sofort beim Arbeitsamt zu melden. Zuwiderhandlungen werden bestraft.	Эта явочная карточка служит одновременно удостоверением личности. Личность, которую карточка удостоверяет, должна иметь карточку вступая при себе. Входящую предпринимать, относится к ней ввиду и исполнение поручений работы. Для чего карточка эту должна быть предъявлена. Собственник карточки обязан законом по окончании порученной работы немедленно сообщать об этом соответствующее заявление в бюро труда. Непослушание административного приказа за коном.

Mit Vorstehenden bin ich bekannt.
С вышеизложенным постановлением я ознакомлен.

(Unterschrift)
(Подпись bearbeitender)

Arbeitsamt: 117318
Бюро труда: Дружковка

Abteilung: _____ Nr. Ak.: _____
Отдел: _____ № дела: 2

Krankenkasse
(Gesellschaftsversicherung):
Больничная касса
(Взносное страхование)

M MELDEKARTE F
ЯВОЧНАЯ КАРТОЧКА

für: Гордиенко М.Д. Сталинск.
для: Гордиенко М.Д. Сталинск.

geb: 1904 tag, mon, jahr, tag, mon, jahr, tag, mon, jahr
день рождения: 1904

Beruf: Домохозяйка beruf, gruppe
профессия: Домохозяйка группа: 22

Wohnort: Дружковка wohnort, gruppe
место жительства: Дружковка группа: 1

Unterschrift des Anmelde-
I. A.

Siegel

17.8.43 Бам

Явочная карточка в бюро труда с. Дружковка Сталинской области
М.Д. Гордиенко. 1943 г.

Переводчик Костя Слонов помогает населению при переговорах с немецкими властями. Пос. Струги Красные Псковской области, 1943 г.

Регистрация населения г. Артемовска Сталинской области для отправки на работу в Германию. Май 1943 г.

Киевский университет. Май 1942 г.

Начало учебного года в одной из школ г. Брянска в период оккупации

Урок в школе на оккупированной территории

Лазарет военнопленных в оккупированном Смоленске, расположенный в помещении фельдшерской школы

Перрон вокзала в Пскове в период оккупации. Указатель – «Пункт медицинской помощи»

Офицер организации «Тодт» наблюдает за немецким санитаром, делающим прививку советской девушке. 1943 г.

Немецкие офицеры на крыльце бывшего управления Западной железной дороги в Смоленске, в котором разместился военный лазарет № 2/591

Больница для местного населения (Russische Krankenhaus) в оккупированном Смоленске.
Была размещена в полуразрушенном здании бывшего тубдиспансера

ГЛАВА II

МЕДИЦИНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ НА ОКУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РЕСПУБЛИК СССР

2.1. Медицинское образование в союзных республиках Прибалтики и Белорусской ССР в период оккупации

Согласно принятой в советское время терминологии, к медицинским кадрам относились лица, получившие медицинское образование и квалификацию в специальных учебных заведениях или подготовленные непосредственно в учреждениях здравоохранения и допущенные к медицинской и фармацевтической деятельности. Помимо врачей различных специальностей и провизоров, к ним принадлежал средний (фельдшеры, акушеры, медицинские сестры, лаборанты, техники) и младший (младшие медсестры, санитары, няни) медицинский персонал²²⁸.

Коренная перестройка системы подготовки медицинских кадров, в результате которой был дан толчок развитию среднего и высшего медицинского образования, началась в стране в середине 1930-х годов. В эти годы была проведена унификация учебных заведений, установлены единые правила приема, требования к образовательному цензу, сроки обучения, осуществлена передача средних медицинских школ и вузов из ведения Наркомпроса в ведение Наркомздрава. Для подготовки средних медицинских кадров вместо существовавших ранее заведений были образованы фельдшерские, акушерские и зубоврачебные школы, школы медицинских и ясельных сестер, курсы медицинских лаборантов с четко определенными сроками обучения. Содержались они за счет бюджетов республик, краев и областей²²⁹. Количество средних медицинских школ в стране в период с 1936 по 1940 год возросло с 602 до 985, а количество учащихся в них увеличилось со 129 тыс. почти до 229 тыс. человек²³⁰. Подготовка младшего медицинского персонала осуществлялась непосредственно в лечебных учреждениях или на специально организованных курсах.

Специальности врачей и провизоров получали выпускники медицинских и фармацевтических институтов, количество которых к 1940 году составляло 72. Однако во время Великой Отечественной

войны, согласно данным советских статистических органов, количество медицинских институтов сократилось до 56²³¹. В республиках Прибалтики, в отличие от других территорий Советского Союза, накануне начала войны функционировали университеты, в составе которых действовали медицинские факультеты.

Прибалтийские государства – *Латвия, Литва, Эстония* – вошли в состав СССР в качестве союзных республик летом 1940 года. Практически сразу после нападения Германии на Советский Союз, которое было одобрительно встречено значительной частью местного населения, на территории Латвийской, Литовской и Эстонской ССР вспыхнули антисоветские восстания. Вооруженные отряды захватывали учреждения власти, расправлялись с ее активистами, предпринимали попытки разоружения частей Красной Армии. Немецкие войска были встречены как освободители, с приходом которых связывалось будущее восстановление независимости трех государств. Уже к 10 июля 1941 года германской армией были оккупированы Литва, Латвия и часть Эстонии, материковая часть которой была полностью захвачена врагом к 5 сентября 1941 года. Однако надежды на обретение республиками Прибалтики независимости не оправдались.

Согласно генеральному плану «Ост» одна часть населения захваченных прибалтийских республик подлежала депортации, другая – онемечиванию. На деле часть местных жителей (евреи, цыгане, коммунисты) была уничтожена, многие помещены в лагеря или отправлены на принудительные работы в Германию. Оккупанты не признали национальные правительства, включив территории всех трех республик, а также часть территории Белорусской ССР в состав рейхскомиссариата «Остланд». Любые претензии «на создание эстонского, латышского и литовского государств, независимых от Германии» были пресечены²³².

Генеральные округа «Латвия», «Литва», «Эстония» были образованы в период с 17 по 25 июля 1941 года, а 1 сентября 1941 года – генеральный округ «Беларусь». Фактически Эстония была передана под гражданское управление только 5 декабря 1941 года. До передачи управления гражданским властям, входившим в структуру рейхскомиссариата «Остланд», захваченные районы находились в ведении военной администрации, содействие которой оказывало так называемое «Эстонское самоуправление». Отметим, что и в дальнейшем оккупанты четко придерживались своей первоначальной

чальной позиции относительно возможного предоставления независимости оккупированным прибалтийским республикам. На завершающем этапе оккупации власти призывали латышей к активному участию в воинских формированиях на стороне Германии и к добросовестному труду на благо рейха. При этом чиновники отдела пропаганды рейхскомиссариата «Остланд» указывали на недопустимость использования формулировок «свободная Латвия», «государственная независимость и самостоятельность» и подобных им²³³.

Необходимо отметить, что германскими властями было пресечено не только создание национальных государственных образований на территории рейхскомиссариата «Остланд». Ключом к пониманию сути германской оккупационной политики в области образования является инструкция А. Розенберга об обращении с населением рейхскомиссариата. В этом документе отмечалась необходимость отказа от создания «эстонских, латышских, литовских и белорусских университетов и вузов», однако допускалась возможность «открытия ремесленных училищ и небольших технических учебных заведений». При этом Розенберг не возражал против продолжения работы университета в Тарту при условии его реорганизации «в немецкий университет», а также восстановления работы «Высшего технического училища в Риге»²³⁴.

Несмотря на то, что на территории прибалтийских республик накануне войны отсутствовали высшие медицинские учебные заведения, в составе ряда университетов действовали медицинские факультеты. Продолжение их работы в период оккупации во многом объяснялось практической необходимостью, связанной с нехваткой медицинских специалистов: часть медицинских работников, будучи мобилизованными, выехали накануне оккупации вместе с отступающими частями Красной Армии, а медики-евреи были безжалостно уничтожены нацистами. Кроме того, в отличие от других оккупированных территорий, в ходе всеобщей мобилизации врачи здесь нередко призывались в германскую армию. Так, в 1944 году с территории Эстонии было призвано 39 врачей, из которых шестеро были убиты на фронте, еще трое считались погибшими в 1943–1944 годах в результате авианалетов советской авиации на эстонские города²³⁵. Нехватка медицинских кадров ощущалась и в соседних Литве и Латвии.

Одним из центров подготовки врачебных кадров в Литве яв-

лялся *Вильнюсский университет*. Он был образован в декабре 1939 года, после передачи Советским Союзом Вильнюса Литве, вместо действовавшего здесь ранее польского университета имени Стефана Батория. Учебный семестр начался в январе 1940 года, после того как в Вильнюс были переведены факультеты гуманитарных наук и права из состава Каунасского университета. Летом 1940 года аналогичным образом в Вильнюс были переведены естественно-научный и математический факультеты. Официальным языком обучения был литовский²³⁶. Университет продолжил свою работу и после вхождения Литвы в состав СССР. Его ректором в период с 1940 по 1944 год, как при советских, так и при германских властях, был М. Биржишка – историк, профессор литературы, политик и дипломат. Впоследствии, накануне освобождения Прибалтики войсками Красной Армии, он выехал в Германию, а затем перебрался в США²³⁷.

В университете Вильнюса с началом оккупации были изменены программы обучения, уволено 98 сотрудников. С июня 1942 года запрещались выдача дипломов, защита диссертаций, присвоение ученых степеней. Вуз получил статус специальной школы, готовящей кадры для учреждений самоуправления. При этом многие факультеты были закрыты. Учебу продолжили медики, техники и химики старших курсов. В марте 1943 года деятельность учебного заведения была полностью остановлена²³⁸. 17 марта гитлеровцы оцепили здание университета, уничтожили и разграбили оборудование, учебные пособия, экспонаты, научную литературу²³⁹. Одной из причин закрытия университета стало нежелание литовской молодежи вступать в военизированные германские формирования.

Позже, в связи с ухудшением ситуации на фронте для германских войск и нарастанием недовольства местного населения политикой оккупантов, власти были вынуждены сделать ряд компромиссных заявлений. В частности, в устной форме было заявлено о возможности открытия в университетах Литвы «важных для надобностей войны факультетов». Студентам старших курсов лесохозяйственного, фармацевтического, медицинского и технического факультетов Вильнюсского университета было разрешено начать подготовку к выпускным экзаменам²⁴⁰. Такая возможность увязывалась с выполнением литовским самоуправлением указаний германских властей по сбору и отправке рабочих в рейх, а так-

же более активным участием литовцев в военизированных подразделениях на стороне Германии. При этом, несмотря на большую нехватку подготовленных кадров, в том числе специалистов-медиков, официально работа вузов до конца оккупации разрешена не была. Деятельность Вильнюсского университета была восстановлена в 1944 году после освобождения территории Литовской ССР войсками Красной Армии.

Университет в Каунасе, невзирая на то, что в 1940 году выделил часть факультетов Вильнюсскому вузу, продолжил подготовку врачебных кадров и действовал после начала германской оккупации. С 1920 года это учебное заведение представляло собой высшие курсы с медицинским отделением, с 1922 года – университет с медицинским факультетом. В 1930 году университету было присвоено имя Витаутаса Великого – одного из сильных правителей Великого княжества Литовского. В 1940 году, после вхождения Литвы в состав Советского Союза, вуз стал именоваться Каунасским университетом. За время с 1922 по 1940 год на его медицинском факультете было подготовлено 680 врачей, 382 зубных врача, 148 провизоров²⁴¹.

Несмотря на коренное изменение политической ситуации в Литве в 1940–1941 годах, связанное с установлением на ее территории советской власти, а затем оккупацией республики германскими войсками, университет продолжал свою работу. В июле 1942 года германские власти развернули кампанию по отправке студентов университета на принудительные работы в Германию. Некоторые руководители вуза, в том числе профессор Ю. Мешкаускас, которые пытались этому воспрепятствовать, были арестованы и на неделю посажены в тюрьму. Профессор Юозас Мешкаускас в период с 1941 по 1944 год являлся деканом и заведующим клиникой внутренних болезней медицинского факультета. По его инициативе медицинский факультет действовал и после того, как оккупационные власти в марте 1943 года прекратили обучение в университете. В июле 1944 года, сопровождая вывозимое немцами имущество и оборудование медицинского факультета, профессор Ю. Мешкаускас выехал в Германию, обосновавшись впоследствии в США²⁴².

Восстановление работы Каунасского университета советскими властями произошло уже осенью 1944 года. В числе четырех открывшихся факультетов стал функционировать и медицинский.

Позднее, в 1950 году, на его основе был организован Каунасский медицинский институт.

С 1922 года на медицинском факультете Каунасского университета действовала кафедра ветеринарной медицины. В 1928 году из-за отсутствия финансирования и нехватки преподавателей кафедра была закрыта. Однако в 1936 году учебное заведение было восстановлено в виде Ветеринарной академии. Общие науки преподавались на базе медицинского факультета университета, анатомия животных – на базе ветеринарно-бактериологического института. Учебная база постепенно расширялась. К концу 1930-х годов академия имела ряд современных клиник. Обучение на 9 кафедрах осуществляли 1 профессор, 10 доцентов, а количество студентов достигло 65 человек. Академия имела статус высшего учебного заведения, а ее учебная база во многом превосходила учебную базу вузов Латвии и Эстонии²⁴³.

Обучение в академии продолжилось и после вхождения Литвы в состав СССР в 1940 году, а также на начальном этапе немецко-фашистской оккупации. Германские власти понимали необходимость подготовки ветеринарных врачей, паразитологов, специалистов в области санитарии, работа которых была направлена на обеспечение безопасного пребывания на оккупированных территориях и самих оккупантов. В 1943 году, наряду с многими учебными заведениями профессионального образования, Ветеринарная академия была закрыта. Однако ее ректор Ю. Мотеюнас разрешил негласное продолжение занятий в академии, а также смог убедить немецкие власти в необходимости открытия на ее базе санитарных лабораторий, задачей которых была борьба с распространением инфекционных заболеваний. С приближением Красной Армии 18 преподавателей, в числе которых был и ректор академии, а также несколько студентов выехали на Запад. Доктор ветеринарной медицины Ю. Мотеюнас с 1944 года жил в Австрии, в 1949 году переехал в США²⁴⁴.

Схожая система подготовки врачебных кадров действовала и в Латвии, где существовал *Рижский университет*. Созданный как Латвийская высшая школа в 1919 году, в 1923 году он получил статус университета. С самого открытия в вузе функционировал медицинский факультет, имевший в своем составе лечебное и стоматологическое отделения. На фармацевтическом отделении химического факультета готовили провизоров²⁴⁵. После вхождения

Латвии в состав Советского Союза летом 1940 года вуз был преобразован в Латвийский государственный университет. Университет утратил автономный статус, при этом плата за обучение студентов была отменена.

В период оккупации деятельность университета в Риге претерпела значительные изменения. С началом гитлеровской оккупации вуз был переименован в Рижский университет (по некоторым данным это произошло в 1942 году). Германскими властями было разрешено продолжить занятия на медицинском и техническом факультетах университета²⁴⁶. При этом за время оккупации некоторые студенты смогли завершить свое обучение²⁴⁷.

На заключительном этапе оккупации вместе с отступающими немецкими войсками в Германию выехало более половины преподавателей Латвийского университета, а также от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ всех находившихся в Латвии врачей. В последующем многие из них проживали в США, Канаде, Австралии. В свою очередь, Латвийский государственный университет после освобождения республики войсками Красной Армии продолжил работу. Позднее, в 1950 году, так же, как и в Каунасе, на базе медицинского факультета университета был создан самостоятельный вуз – Рижский медицинский институт.

За время оккупации нацистами были уничтожены многие сотрудники и студенты еврейского и нееврейского происхождения. В советское время на мраморных плитах около главного корпуса университета были увековечены имена павших – проректора профессора В. Юнга, доктора наук Т. Вилка, студентов В. Крутайна, П. Балиня²⁴⁸. При этом документы свидетельствуют об уничтожении в период с июля 1941 по октябрь 1943 года 1300 студентов Латвийского университета различных национальностей (помимо евреев)²⁴⁹. В состав судебно-медицинской экспертной комиссии, занимавшейся эксгумацией и исследованием тел граждан, уничтоженных нацистами на территории республики, входили сотрудники медицинского факультета Латвийского государственного университета профессор Е.А. Яковлева и доцент Я.П. Апсе²⁵⁰.

На территории Эстонской ССР перед началом войны действовал *Тартуский университет* (известный также как Дерптский и Юрьевский по названию города) с медицинским факультетом. Он считается одним из старейших университетов в Восточной Европе (образован в Шведском королевстве в 1632 году), хотя в период

Северной войны (1700–1721 гг.) в 1710 году прекратил свою деятельность и возобновил ее в составе Российской империи только в 1802 году²⁵¹. В период оккупации Эстонской ССР Тартуский университет продолжил свою деятельность, хотя его работа была существенно осложнена. Нацисты уничтожили в городе 19 врачей, в том числе преподавателей университета, среди которых были как эстонцы, подозревавшиеся в сочувствии коммунистам, так и евреи. Профессора медицинского факультета Р. Бернакофф и В. Хийе были арестованы по подозрению в пробританских взглядах²⁵².

После заявления властей о закрытии высших учебных заведений республики на трех факультетах вуза, который стал именоваться Тартуским университетом Эстонского самоуправления, в виде исключения продолжили обучение врачи, ветеринары и агрономы. Ректором в течение всего периода оккупации был эстонский географ, бывший проректор университета, профессор экономической географии, самый молодой из 12 академиков, назначенных в 1938 году в Академию наук Эстонии, Э. Кант. Будучи убежденным противником советской власти, после захвата Эстонии германской армией он распорядился уволить из вуза всех, кто был принят на работу после 21 июня 1940 года, преподавателей русского языка и русских по национальности сотрудников, а также изъять всю коммунистическую литературу. Но, по свидетельству доцента университета В. Адамса, изымалась не только коммунистическая, но и вся напечатанная после 1917 года литература на русском языке. Библиотеки многих специалистов были разгромлены, ряд сотрудников арестован, а некоторые впоследствии расстреляны²⁵³.

В университете работали профессор А. Палдрок, возглавлявший дерматологическую клинику, видный нейрохирург профессор Л. Пуусепп (до своей смерти в октябре 1942 года), профессор-микробиолог К. Шлоссманн и другие. Ректор вуза Э. Кант открыто поддерживал германскую власть, с оружием патрулировал территорию университета, призывал эстонцев к вступлению в ряды вермахта. При этом он смог сохранить значительную часть имущества вуза, которое он считал ценным²⁵⁴.

Несмотря на сложности оккупационного периода, университет работал вплоть до марта 1944 года. С приближением фронта власти решили закрыть вуз и эвакуировать в Кенигсберг. В такой обстановке сотрудники смогли вывезти и спрятать часть имуще-

ства университета, предотвратив его уничтожение и разграбление оккупантами. Общее количество убитых в период оккупации сотрудников и студентов вуза составило около 40 человек. В период с 1942 по 1944 год навсегда уехали из Эстонии 110 его преподавателей. В числе беженцев, покинувших Эстонию накануне ее освобождения частями Красной Армии, было 12 профессоров и около 155 студентов медицинского факультета, продолживших обучение за границей. На завершающем этапе оккупации существенно пострадали 15 учебных и хозяйственных зданий университета. Многие кабинеты и лаборатории были разгромлены и разграблены²⁵⁵. Тем не менее, после освобождения Эстонской ССР советскими войсками университет смог продолжить свою работу.

Информации о работе в период оккупации на территории прибалтийских республик *медицинских учреждений среднего образования* немного. К примеру, действовавшая в Риге с 1920 года первая в Латвии школа сестер милосердия в 1940 году была переименована в сестринскую школу департамента здравоохранения. Она находилась в подчинении Рижской 4-й больницы. Вполне вероятно, что в связи с нехваткой медицинских кадров она могла работать и в период оккупации. В то же время действовавшая в Риге на протяжении нескольких десятилетий школа акушерок успела эвакуироваться из города. Некоторое время она работала как школа медицинских сестер в Башкирии, а с 1945 года, вернувшись в Ригу, стала готовить фельдшеров-акушеров. В целом оккупанты отдавали предпочтение подготовке специалистов рабочих профессий, а также сотрудников сферы торговли: в 1943–1944 годах в Литве насчитывалось ремесленных школ – 32, технических – 2, торговых – 19²⁵⁶.

На территории Белорусской ССР до войны действовали Минский и Витебский медицинские институты. В Минске в 1921 году был образован медицинский факультет при Белорусском государственном университете, выделенный в 1930 году в самостоятельное учебное заведение – *Минский государственный медицинский институт*. В предвоенные годы он готовил врачей-лечебников²⁵⁷.

После нападения Германии на СССР по указанию Наркомздрава СССР в вузе несколько раньше намеченного срока был осуществлен очередной выпуск 364 врачей. Студентам 5 курса, независимо от успешности сдачи экзаменов, были выданы дипломы врачей, а студентам 4 курса – свидетельства зауряд-врачей, по-

звolyающие занимать врачебные должности до окончания войны. После этого институт фактически прекратил свою деятельность. Уже на седьмой день войны, 28 июня 1941 года, Минск был оккупирован германской армией. В сложившейся обстановке эвакуировать медицинский вуз советским властям не удалось. Захвату города предшествовала массированная бомбардировка, в результате которой от немецкой бомбы пострадало и здание института. Учебное оборудование и другое имущество было уничтожено или разграблено оккупантами, серьезно пострадали больницы и поликлиники, служившие клинической базой института²⁵⁸.

За годы войны и оккупации Белоруссии от рук нацистов погибло большое количество медицинских работников, в том числе более 60 профессоров и преподавателей Минского медицинского института²⁵⁹. Среди погибших были видные специалисты – профессора Д.В. Лившиц, М.А. Дворжец, Л.Я. Ситерман, доценты С.М. Афонский, М.Б. Майзель²⁶⁰. За связь с партизанами были уничтожены профессора Е.В. Клумов, В.К. Анисимов, П.М. Буйко, студентка Н. Моисеева.

Заведующий кафедрой нормальной физиологии профессор И.А. Ветохин, связанный с партизанским подпольем, сумел покинуть Минск, был переправлен через линию, добрался до Ярославля, где в 1943 году по решению СНК СССР начал свою работу Белорусский медицинский институт. В его состав влились сотрудники Минского и Витебского медицинских институтов. Активное участие в организации работы вуза принял заведующий кафедрой акушерства и гинекологии Минского мединститута профессор М.Л. Выдрин. Покинув Минск накануне оккупации и избежав участи своих коллег-евреев, в течение 1941–1943 годов он заведовал аналогичной кафедрой в Киргизском медицинском институте, присоединившись впоследствии к своим коллегам в Ярославле²⁶¹.

В июне 1944 года в Ярославле состоялся выпуск 47 врачей Белорусского медицинского института, 33 из которых по распределению были направлены на работу в освобожденные районы Белоруссии, 4 – зачислены в аспирантуру, 10 – добровольцами ушли в Красную Армию²⁶². В июле 1944 года было принято решение о реэвакуации вуза. В освобожденном Минске в полуразрушенном и неотапливаемом корпусе разграбленного немцами института были возобновлены занятия с немногочисленными студентами²⁶³.

Витебский государственный медицинский институт был образован в 1934 году, подготовив в предвоенный период за 7 выпусков 808 врачей-лечебников. Седьмой выпуск в количестве 174 врачей был осуществлен уже в первые дни войны²⁶⁴. Накануне захвата Витебска германскими войсками, 5 июля 1941 года, вуз был эвакуирован в Челябинск, а в 1943 году – в Ярославль. Многие его преподаватели, в том числе еврейской национальности, смогли покинуть Витебск, работая в последующем в Челябинске (А.А. Липманова, И.М. Верткин), Орджоникидзе (И.М. Перельман), Красноярске (Г.А. Дудкевич), Сталинграде и Новосибирске (С.А. Ботвинник, В.П. Матешук). Все они в дальнейшем были переведены в Ярославль и приняты в штат Белорусского и образованного в августе 1944 года Ярославского медицинского института²⁶⁵.

В ходе боевых действий Витебск был сильно разрушен. Наряду с другими зданиями пострадали и многие учреждения медицины. Полностью уничтожено было и здание областной клинической больницы имени XI съезда Советов, с 1935 года служившей клинической базой Витебского медицинского института. В нескольких продолживших свою работу во время оккупации больницах и поликлиниках катастрофически не хватало медицинских работников. В городе, население которого сократилось со 180 до 33 тысяч жителей, в какой-то момент времени оставалось лишь 29 врачей. К 1943 году большинство из них было уничтожено гитлеровцами за связь с партизанами²⁶⁶.

Столкнувшись с проблемой нехватки работников в учреждениях медицины, объяснявшейся их эвакуацией, уходом в партизанские отряды, а также уничтожением самими оккупантами, власти были вынуждены решать вопрос подготовки медицинских кадров. Это было обусловлено ухудшением медицинского обслуживания трудоспособной части населения и возросшим риском распространения эпидемических заболеваний. В этой связи министр по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберг весной 1943 года дал согласие на открытие *медицинского института в Могилеве*. При этом количество подготавливаемых вузом специалистов должно было отвечать потребностям генерального округа «Беларусь», восточной части Белоруссии, а также части оккупированной территории РСФСР, находившейся в зоне военного управления группы армий «Центр»²⁶⁷.

Первоначально немецкие власти планировали открыть медицинский вуз в Минске. Позже выбор пал на Могилев, в котором сохранилось оборудование больницы, ставшей базой для работы клинических кафедр. Теоретические и ряд практических занятий решено было проводить в здании уцелевшей Могилевской фельдшерской школы, в которой имелись хорошая библиотека, учебное оборудование, разнообразные пособия и общежитие для студентов.

Стоит отметить, что медицинское образование являлось одной из первых отраслей профессиональной подготовки, получивших развитие в Могилеве еще во второй половине XIX века. С 1865 года в городе действовала Могилевская повивальная школа. Ее клинической базой стала губернская больница приказа общественного призрения. С 1874 года повивальная школа начала готовить специалистов не только для Могилевской, но и для Минской и Витебской губерний. В 1875 году в Могилеве была открыта фельдшерская школа, также ставшая центральной для Минской и Витебской губерний. В 1902 году школа была переведена в трехэтажное каменное здание на углу улиц Почтовой и Зеленой. На протяжении многих лет повивальная и фельдшерская школы славились высоким уровнем квалификации педагогического персонала. Преподаватели специальных дисциплин обеих школ имели высшее образование, активно участвуя в работе Могилевского общества врачей, деятельности комитета Российского Общества Красного Креста. В 1912 году учебные заведения были преобразованы в фельдшерско-акушерскую школу, которая в последующие десятилетия осуществляла подготовку специалистов более широкого профиля²⁶⁸.

Определенную роль при принятии решения об открытии медицинского вуза в Могилеве могло сыграть наличие в нем другого высшего учебного заведения – педагогического института. В 1941 году в его штате было около 70 преподавателей, осуществлявших обучение более 2000 студентов. Кроме того, в городе к 1942 году действовал бактериологический институт, возглавляемый доцентом-бактериологом²⁶⁹. Одной из основных его задач было изготовление лекарственных препаратов.

Инициатором открытия вуза в Могилеве, а впоследствии и его директором стал начальник медико-санитарного отдела городской управы Н.Л. Степанов, одновременно являвшийся заместителем бургомистра. В 1941–1942 годах бургомистром города был

И.С. Филицин – бывший врач 1-й Советской больницы, в предвоенные годы возглавлявший медико-фармацевтическую школу. В июле 1942 года Степанов обратился к властям с докладной запиской по вопросу открытия медицинского института. Свое предложение он мотивировал наличием в городе достаточного количества преподавателей и студентов. Клинической базой института были призваны служить городская больница и поликлиника, в которых имелись различные лаборатории, рентген-кабинеты, патологоанатомический кабинет, туберкулезный диспансер, кожно-венерологическое отделение. Докладная записка была адресована доктору Шпехту, которого Степанов просил ходатайствовать перед рейхсминистром А. Розенбергом о решении данного вопроса. К документу прилагался список лиц, находившихся в Могилеве и окончивших 3–4 курса различных медицинских вузов. В первую очередь предполагалось организовать обучение именно этих студентов. Идея открытия вуза поддерживалась националистической организацией «Белорусская народная самопомощь» (БНС).

Николай Леонтьевич Степанов (1896 – не ранее 1949) – врачоториноларинголог, имевший ученую степень, до войны работал в Могилеве. С марта 1934 года входил в состав Могилевского отделения Секции научных работников Белорусской ССР. Во время оккупации проживал в Могилеве с женой и дочерью. По его инициативе в мае 1942 года при хирургическом отделении Могилевской городской больницы была проведена научная конференция врачей. С января 1943 года являлся членом правления БНС в Могилеве. Заведуя медико-санитарным отделом городской управы, с мая по октябрь 1943 года являлся директором медицинского института²⁷⁰.

Институт в Могилеве официально начал свою деятельность лишь 13 мая 1943 года, после того, как в апреле разрешение на начало его работы было дано А. Розенбергом, и была достигнута договоренность между генеральным комиссаром округа Белоруссия с военными властями²⁷¹. В этой связи примечательны два момента. Во-первых, в период открытия медицинского вуза на территории Белоруссии происходило закрытие многих учреждений профессионального образования в республиках Прибалтики. Судя по всему, в это время отношение оккупационных властей к вопросу подготовки медицинских кадров, а также обеспеченность медицинских учреждений персоналом на указанных территориях

были различными. Обращает на себя внимание и другой момент. Приезжавший в марте 1943 года в Могилев один из руководителей так называемой «Русской освободительной армии» генерал А.А. Власов во время беседы с представителями немецкого командования подчеркивал, что без скорейшего коренного изменения политики в отношении местного населения Германия не сможет выиграть войну против Советского Союза²⁷². Составной частью этой политики являлось отношение оккупационных властей к вопросам образования и медицинского обеспечения на захваченных территориях.

Непродолжительное время медицинский институт в Могилеве возглавлял профессор Э. Наук – декан медицинского факультета Фрайбургского университета, однако вскоре место директора занял Н.Л. Степанов. Занятия проводились в помещении бывшей фельдшерско-акушерской школы. В первую очередь к ним приступили студенты 3–5 курсов. Известны фамилии нескольких обучавшихся в институте студенток – К. Прилепова, Е. Русецкая, В. Ашман, Н. Тадеуш. В числе преподавателей, помимо Н.Л. Степанова, были В.И. Дурихин, М.В. Соколова, М. Герасимович.

Доктор медицины Мария Васильевна Соколова (1875 г.р.), согласно «Российским медицинским спискам», получила медицинское образование в Санкт-Петербурге, окончив в 1903 году курс Женского медицинского института. Докторскую диссертацию на тему «К вопросу о бактериологии острого гнойного разлитого воспаления брюшины» защитила там же в 1911 году, будучи в клинике госпитальной хирургии. В 1916 году работала в лаборатории этого института. В 1930-е годы преподавала в Могилевской фельдшерско-акушерской школе, входила в состав Могилевской городской секции научных работников БССР²⁷³.

Василий Иванович Дурихин (1900 – не ранее 1964) в 1927 году окончил медицинский факультет Московского государственного университета. С 1927 по 1931 год работал врачом и заведующим санитарно-бактериологической лабораторий в городе Красноводске Туркменской ССР. С 1935 по 1940 год – научный сотрудник Крымского института эпидемиологии и микробиологии, заведующий отделением кишечных инфекций, заместитель директора института по научной части. Защитил кандидатскую диссертацию, был утвержден в звании доцента. С 1940 по 1941 год – директор и научный руководитель Тульского областного санитарно-бак-

териологического института. 27 июня 1941 года был призван в ряды Красной Армии и назначен корпусным эпидемиологом. 26 июля при занятии немцами Могилева по приказу командования остался в городе с 224-м медико-санитарным батальоном для обслуживания раненых, попал в плен. В марте 1942 года в связи с нехваткой медицинских работников был направлен на работу санитарным врачом в лабораторию при городской больнице Могилева и обслуживавшей гражданское население. С мая 1943 года работал в медицинском институте. В сентябре 1943 года вместе с женой Е.Д. Зайцевой покинул Могилев и ушел в партизанский отряд № 340 Березинской военно-оперативной группы, где проходил службу в качестве врача. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», демобилизован в 1951 году²⁷⁴. С 1957 по 1964 год возглавлял кафедру микробиологии Дагестанского государственного медицинского института.

Медицинский институт в Могилеве действовал всего несколько месяцев. В октябре 1943 года в связи с началом освобождения восточных районов Белорусской ССР и приближением фронта работа многих учреждений города была прервана, началась их эвакуация на запад. Медицинский вуз был эвакуирован в Новую Вилейку. Здесь 10 июня 1944 года состоялся первый и последний выпуск студентов в количестве 32 (по другим данным – 44²⁷⁵) человек. В 1944–1945 годах институт продолжил свою работу в Германии²⁷⁶. Во время своей работы в Могилеве медицинский институт в лице возглавлявшего его Н.Л. Степанова имел тесные связи с научным отделом генерального комиссариата в Минске, который возглавлял активный участник белорусского националистического движения Е.Е. Кипель. В своих воспоминаниях Кипель указывал, что Степанов, эмигрировавший в США и быстро нашедший работу, финансово помогал перебравшимся за океан соотечественникам²⁷⁷.

Не до конца выяснена роль Н.Л. Степанова в ситуации, связанной с разгромом могилевского подполья, действовавшего при областной больнице, и гибелью многих медицинских работников. С одной стороны, ряд архивных документов указывает на спасение Степановым многих специалистов от расправы нацистов, большой вклад в дело организации медицинского обслуживания местного населения²⁷⁸. В других архивных документах отмечается его при-

частность к ликвидации подпольной группы и «делу врачей»²⁷⁹. По доносу предателя подпольщики, возглавляемые известным в городе врачом, кандидатом медицинских наук М.П. Кувшиновым (до войны – ассистент кафедры нервных болезней Минского медицинского института²⁸⁰), были схвачены и расстреляны²⁸¹.

Что касается подготовки на территории оккупированной Белорусской ССР *среднего медицинского персонала*, то с началом оккупации большинство осуществлявших ее образовательных учреждений было закрыто. Однако со временем острая нехватка специалистов вынудила оккупационные власти изменить отношение к данному вопросу. По инициативе БНС с начала 1942 года начала действовать медицинская школа в Барановичах, готовившая медсестер, фельдшеров, акушеров, аптекарей, ветеринарных и зубных врачей. Количество учащихся в ней за год возросло со 114 до 462. В школе работали 33 преподавателя, в том числе 3 врача. За время своей работы в период оккупации школа выпустила не менее 70 специалистов²⁸².

Подобная школа действовала с января 1943 года и в Минске. Она готовила медицинских сестер, акушеров, работников аптек, дантистов. При этом приоритет в обучении отдавался изучению немецкого языка, а не предметов медицинской направленности. В ряде случаев при больницах и аптеках открылись 6-месячные или годовые курсы по подготовке медсестер, помощников зубных врачей, аптекарей. Такие случаи, в частности, отмечались в городах Минск, Слоним, Смолевичи. В Минске при санитарной станции периодически действовали 5-дневные курсы дезинфекторов. Отметим, что отсутствие специалистов вынуждало оккупантов использовать для работы в лечебных учреждениях для населения медиков-евреев и советских военнопленных. Подобные случаи имело место в аптеках Браславского и Шарковщинского районов, в центральной поликлинике Витебска и других населенных пунктах Белоруссии²⁸³.

Таким образом, позиция германских властей в отношении функционирования медицинских образовательных учреждений на территориях оккупированных прибалтийских республик и Белорусской ССР имела существенные отличия. Открытые первоначально медицинские учреждения высшего образования в Латвии, Литве, Эстонии со временем закрылись или их работа была затруднена. Напротив, в Белоруссии, испытывавшей острую не-

хватку врачебных кадров, медицинский институт, открытие которого изначально не планировалось, приступил к работе лишь весной 1943 года, проработав до начала освобождения республики войсками Красной Армии всего несколько месяцев. Подготовка среднего медицинского персонала осуществлялась местечковым образом. Происходило это в единичных случаях на краткосрочных курсах, организованных при больницах и аптеках.

2.2. Образовательные заведения системы здравоохранения Украинской ССР в период 1941–1944 гг.

На территории Украинской ССР до оккупации действовали Харьковский медицинский и фармацевтический, 1-й и 2-й Киевские, Винницкий, Днепропетровский, Сталинский, Львовский, Одесский медицинские институты. Киевские мединституты в июле 1941 года были эвакуированы в Харьков. В результате повторной эвакуации из Харькова несколько медицинских вузов Украинской ССР 8 октября 1941 года прибыли в Челябинск, где уже через неделю стали проводиться регулярные занятия.

Многие сотрудники медицинских вузов Украинской ССР в ходе эвакуации по различным причинам оказались в других городах страны. Так, профессор Я.С. Шварцман из Одессы, профессора Г.С. Барг, Б.Я. Падалка, С.С. Познанский и Л.Я. Эпштейн из Киева, доцент Е.Я. Белицкая из Львова стали сотрудниками продолжавшего свою работу в условиях военного времени Ворошиловского (Ставропольского) медицинского института. Также в его состав были зачислены многие студенты, прибывшие из городов Украины. В их числе, в частности, были А.И. Липман из Одесского, Л.М. Брандман и С.П. Шлаен из Винницкого, Р.Д. Пинская, Р.Б. Гальперин и Е.Я. Клиг из 1-го Киевского, И.А. Вагман из 2-го Киевского медицинских институтов²⁸⁴.

В это же время *в оккупированном Киеве начались занятия в медицинском институте*, открытом по ходатайству националистической организации «Украинский Национальный Совет» (УНС). Несмотря на планы ограничить возможность получения населением медицинской помощи и запретить деятельность учреждений профессионального образования, риск возникновения эпидемических заболеваний и нехватка медицинского персонала способ-

ствовали изменению политики оккупантов. В Киеве, наряду с открытием ряда больниц и поликлиник, начали возобновлять работу такие научно-исследовательские учреждения, как Киевский туберкулезный институт (НИИ туберкулеза), который возглавил профессор В.Л. Плющ, рентгенологический институт, институт ортопедии, позже – институт клинической хирургии. Начали открываться школы, а также некоторые учреждения профессионального образования, в том числе одна из фельдшерско-акушерских школ города.

В обстановке подъема национальных настроений инициативная группа преподавателей и ученых выступила с идеей открытия в городе медицинского института. Несмотря на то, что, согласно приказу комендатуры, здания 1-го и 2-го медицинских вузов были изъяты для нужд германского командования, в начале октября 1941 года рейхскомиссаром было выдано разрешение на открытие объединенного Киевского медицинского института. Вузу были переданы корпус 1-го Киевского медицинского института на улице Мечникова, где ранее преимущественно располагались морфологические кафедры, бывшее здание ректората 2-го Киевского медицинского института на бульваре Шевченко, позже – здание анатомического театра на улице Фундуклеевской, в котором располагались анатомический и биологический музеи, насчитывавшие более 2000 экспонатов. Основной клинической базой являлась Александровская (Октябрьская) больница, в которой в период с сентября 1941 по март 1942 года были развернуты 800 коек. Директором института был назначен доцент А.С. Лазуренко, его заместителем – профессор Б.П. Кучеренко, заведующим учебной частью – профессор М.К. Венцковский.

По одним данным, занятия со студентами 5 курса начались 3 ноября 1941 года, а до конца ноября был решен вопрос с возобновлением обучения на 2, 3 и 4 курсах вуза. По другим сведениям, обучение студентов 4 и 5 курса началось еще в октябре, а вскоре были организованы занятия и со студентами 2 и 3 курсов. К началу 1942 года в институте числилось 556 студентов: 158 – на 2-м курсе, 177 – на 3-м, 130 – на 4-м, 91 – на 5-м²⁸⁵.

В конце января 1942 года был объявлен набор на 1 курс, на который подали заявки 350 абитуриентов. При этом, наряду с лечебным, прием студентов осуществлялся и два других факультета – стоматологический и фармацевтический, решение об открытии

которых было принято в декабре 1941 года. По информации Национального медицинского университета имени А.А. Богомольца (Украина, г. Киев), к маю 1942 года общее количество студентов вуза составляло уже 1402 человека, из них на лечебном факультете обучалось 914 юношей и девушек. Плата за обучение составляла 300 руб. в год, а учебные планы, по заявлению руководства, соответствовали программе медицинского факультета Берлинского университета²⁸⁶. Такой приток студентов можно объяснить тем, что молодежь, оставшаяся на оккупированной территории и обучавшаяся в институтах, освобождалась от отправки на работу в Германию. Кроме того, к увеличению числа студентов вело сокращение общей численности вузов, в том числе и медицинских, на занятой врагом территории.

Что касается профессорско-преподавательского состава Киевского медицинского института, то его коллектив был достаточно сильным и по состоянию на май 1942 года состоял из 25 профессоров, 42 доцентов, 80 ассистентов. Многие из них, по разным причинам не выехавшие из Киева накануне его захвата германской армией, ранее работали в 1-м и 2-м Киевских медицинских институтах, Киевском институте усовершенствования врачей, различных медицинских учреждениях города.

Заведующим кафедрой кожных и венерических болезней стал профессор А.М. Тыжненко, возглавлявший ее в Киевском медицинском институте с 1921 года²⁸⁷. Кафедру нормальной анатомии возглавил профессор А.А. Ивакин, заведовавший ею с 1924 года. Работой кафедры физиологии руководил профессор Д.С. Воронцов, занимавший эту должность с 1935 года²⁸⁸. Кафедру фармакологии по-прежнему возглавлял профессор Г.Л. Шкавера, до оккупации возглавлявший также отдел фармакологии в Киевском институте гигиены труда и профзаболеваний. Кафедру патологической физиологии возглавил профессор Н.П. Вашетко, в 1930-х годах отстраненный от заведования ею в Киевском медицинском институте и работавший в Киевском ветеринарном институте²⁸⁹. Кафедру микробиологии возглавил профессор М.П. Нешадищенко – основатель кафедры в Киевском медицинском институте, отстраненный от руководства ею в 1930-х годах и некоторое время находившийся под следствием²⁹⁰.

Преподавал на кафедре оперативной хирургии и топографической анатомии и возглавлял клинику хирургии в Александровской

больнице профессор И.В. Студзинский, ранее работавший не только на этой кафедре в Киевском мединституте²⁹¹, но и занимавший должность профессора кафедры оперативной хирургии Киевского института усовершенствования врачей. В числе преподавателей вуза был профессор-офтальмолог М.А. Левитский, возглавивший его глазную клинику. До войны он заведовал кафедрой глазных болезней Киевского мединститута, в разные годы был деканом и проректором вуза. Работали в институте и другие известные специалисты – хирург профессор Ю.Ю. Крамаренко, инфекционист профессор А.М. Зюков, невролог профессор В.В. Селецкий, гинеколог профессор М.К. Венцовский, гигиенист профессор К.Э. Добровольский, рентгенологи профессор А.Я. Богаевский и профессор Ф.П. Богатырчук, терапевт профессор И.В. Базилевич²⁹².

Занятия в Киевском медицинском институте в 1941/42 учебном году продолжались вплоть до лета 1942 года. В период с 15 июня по 15 июля 1942 года в вузе были проведены переходные экзамены для студентов 1–4 курсов, а с 25 июня – выпускные экзамены для студентов 5 курса. По их результатам дипломы врачей получили около 90 человек, многие из которых были направлены на работу в районы, испытывавшие нехватку квалифицированных специалистов. С 1 августа 1942 года проводились вступительные экзамены на 1 курс всех трех факультетов. В результате, по имеющейся информации, общее число студентов медицинского института достигло 750 человек²⁹³.

Несмотря на внешне вполне успешное функционирование вуза в первый год оккупации Киева, его деятельность вскоре была прервана. Этому предшествовал ряд событий, произошедших практически сразу после начала его работы. В конце 1941 года по указанию рейхскомиссара Э. Коха УНС был запрещен, а в отношении его членов и сторонников в последующие месяцы были развернуты репрессии. В конце марта – начале апреля 1942 года директор института А.С. Лазуренко и его заместитель Б.П. Кучеренко были арестованы, а позднее – расстреляны. По одной из версий, это произошло весной 1942 года в Бабьем Яру, по другой – осенью 1943 года, перед отступлением немцев²⁹⁴. Этим потери вуза не ограничились. В течение нескольких месяцев 1942 года умерли преподававшие в нем профессора А.А. Ивакин, Г. Иваницкий, М.А. Левитский, М.П. Нецадименко. Кроме того, с 1 апреля

1942 года была полностью переоборудована под немецкий госпиталь Александровская больница, в которой до этого размещался ряд клиник медицинского института.

В апреле 1942 года в институте было назначено новое руководство. В июне в вузе начали действовать курсы переподготовки врачей продолжительностью 3,5 месяца, осуществлявшие переквалификацию «узких», по мнению властей, специалистов во врачей общей практики, наподобие земских. Студенты же после сдачи сессии в период летних каникул были обязаны отработать в качестве чернорабочих на территории области.

Но, несмотря на набор первокурсников и общую готовность к продолжению работы, новый 1942/43 учебный год в вузе фактически был сорван. Осенью власти объявили о реорганизации вуза в так называемый «Полимедикум» и необходимости перерегистрации всех студентов. Однако вскоре на основании приказа рейхскомиссара Э. Коха о закрытии всех учебных заведений, за исключением 4-классных народных школ, и прекращения обучения лиц, возраст которых выше 15 лет, «Полимедикум» был ликвидирован. Одной из причин этого явилась резко возросшая на территории Германии потребность в рабочей силе. При этом вузы, выполнявшие роль «высших курсов» для людей со средним образованием, «отвлекали работоспособную молодежь от отправки в Германию»²⁹⁵. Результатом изменения политики оккупантов стало то, что большое число бывших студентов медицинского института было вывезено на принудительные работы в рейх.

Приказ Э. Коха противоречил распоряжению рейхсминистра А. Розенберга от 21 января 1942 года, разрешавшему в условиях нехватки кадров в важных отраслях хозяйства продолжение подготовки специалистов на медицинских, сельскохозяйственных, ветеринарных, естественно-научных факультетах закрываемых вузов²⁹⁶. Различное видение германскими ведомствами некоторых аспектов политики в отношении местного населения предопределило непоследовательность в подходе оккупантов к вопросу продолжения работы учреждений профессионального образования. Чиновники различных ведомств спорили между собой, инициировали или запрещали открытие отдельных учебных заведений, пытаясь при этом заручиться поддержкой Гитлера. В таких условиях медицинский вуз в Киеве возобновить свою работу уже не смог. Некоторые преподаватели и врачи, рабо-

тавшие в медицинском институте и клиниках города в период оккупации, выехали из Киева вместе с немцами и впоследствии эмигрировали на Запад. В их числе были, например, профессора А.Я. Богаевский, Ф.П. Богатырчук, И.В. Базилевич. Большинство после восстановления советской власти продолжили работу в медицинских и образовательных учреждениях. Отдельные, в частности, заведовавший учебной частью вуза профессор М.К. Венцовский, подверглись репрессиям²⁹⁷. Впоследствии Михаил Каспарович Венцовский был полностью реабилитирован, работал главным акушером-гинекологом Полтавской области, затем заведовал кафедрой акушерства и гинекологии Винницкого медицинского института, являлся одним из авторов учебника «Акушерство и гинекология» для медсестринских отделений медицинских училищ²⁹⁸.

Днепропетровский медицинский институт в составе 96 сотрудников и около 400 студентов в августе 1941 года вместе со своей материальной базой был эвакуирован в Ставрополь²⁹⁹. Несмотря на эвакуацию и других вузов Днепропетровска, в захваченном врагом городе осенью 1941 года был образован Днепропетровский украинский государственный университет. По имеющимся сведениям, подготовка вуза к работе – сбор имущества, подбор преподавателей, приведение в порядок помещений – проходили по инициативе и под полным контролем представителей германского командования. Базой для его развертывания служили помещения действовавшего в советское время Днепропетровского государственного университета, эвакуированного в Чкалов (с 1957 года – Оренбург).

Возобновление работы университета в условиях оккупации стало возможным благодаря тому, что часть педагогических кадров ряда вузов Днепропетровска, их студентов и оборудования к началу оккупации оставались в городе. Деятельность учебного заведения регламентировалась уставом, согласно которому в его состав входило 6 факультетов. Кандидатуры ректора, проректора, его помощников, деканов факультетов утверждались Днепропетровской областной управой. Ректором вуза был назначен доктор биологических наук И.Ф. Розгин, деканом медицинского факультета – доктор биологических наук, профессор В.М. Архангельский. Медицинскому факультету были выделены помещения Днепропетровского мединститута на улице Севастопольской и

Октябрьской площади, а также предоставлена возможность проведения практических занятий на базе областной больницы.

Профессор В.М. Архангельский до войны заведовал кафедрой физиологии животных и кафедрой биохимии биологического факультета Днепропетровского университета. Одновременно он в течение многих лет исполнял обязанности заведующего кафедрой нормальной физиологии медицинского института. Кроме того, он руководил работой созданного им при поддержке академиков И.П. Павлова и Л.И. Орбели в 1936 году научно-исследовательского института физиологии, действовавшего при Днепропетровском университете³⁰⁰.

С 25 октября 1941 года начались занятия со студентами 4 и 5 курсов, 5 ноября – 3 курса, 10 ноября – 1 и 2 курсов медицинского факультета и старших курсов других факультетов. Задержка с началом занятий объяснялась отсутствием необходимого числа преподавателей. Готовые продолжить обучение студенты были восстановлены на соответствующие курсы, а абитуриенты со средним образованием, а также те, кто проходил обучение по другим специальностям, в 1941/42 учебном году принимались без вступительных экзаменов. Преимущественным правом поступления обладали украинцы и немцы. Евреи в вуз не принимались. Регистрация и зачисление учащихся, происходившие в период с 1 октября по 1 ноября 1941 года, продолжались и в дальнейшем. Так, только за время с 21 ноября до 24 декабря 1941 года в университет было принято 360 человек, в том числе 154 – на медицинский факультет. В итоге общее число учащихся в образованном вузе достигло 3500 человек. Количество студентов на медицинских специальностях составило 42% от общего числа студентов университета. Наряду с основным на факультете был организован дополнительный курс по фармацевтике, на котором начали обучение 313 человек³⁰¹.

Преподавательский состав медицинского факультета в это время включал 96 человек. Материальное обеспечение, по свидетельству администрации вуза, было слабым: часть оборудования была эвакуирована, часть повреждена или изъята оккупантами. Часть занятий проводилась на украинском языке.

Обучение в университете было платным. На медицинском факультете плата составляла 500 руб. за год, на остальных – 400 руб. От оплаты могли быть освобождены успешно учившиеся или малообеспеченные студенты украинской и немецкой национально-

стей. В 1941/42 учебном году плата за обучение вносилась тремя частями: 50% – не позднее 15 дней после начала обучения, 25% – до 1 февраля и 25% – до 1 мая 1942 года. После очередного денежного взноса действие студенческих билетов продлевалось.

Преподавание преимущественно осуществлялось по программам и учебникам советского времени. Исключение составляли гуманитарные дисциплины, где содержание учебного материала, существенно откорректированное, носило тенденциозный, «анти-московский» характер³⁰².

Ситуация с материальным обеспечением вуза была сложной. Так, уже через 2 недели после начала занятий студенты полностью, а преподаватели частично перестали получать продуктовые карточки. Многие из них продолжали считаться безработными, что предполагало более низкий уровень довольствия. В помещениях вуза катастрофически не хватало топлива для их отопления, оконных стекол, мебели. Немецкими частями был занят ряд помещений вуза, их имущество уничтожалось и расхищалось оккупантами, университетский автомобиль изъят, о чем в ноябре-декабре 1941 года ректор уведомлял немецкую комендатуру.

Вскоре, 19 декабря 1941 года, от властей поступило распоряжение о закрытии учреждений профессионального образования. Следом за этим 2 января 1942 года областная управа издала приказ, в соответствии с которым в учебных заведениях прекращались лекции, а профессорско-преподавательскому составу предоставлялся неоплачиваемый отпуск вплоть до возобновления занятий. Кафедры были обязаны составить планы работ по оказанию помощи военным и гражданским властям. В виде исключения, «из-за большой нехватки врачей в Днепропетровске» отдел здравоохранения областной управы своим письмом от 24 января 1942 года позволил завершить обучение студентов выпускного курса медицинского факультета³⁰³.

В марте 1942 года в вузе возобновил работу институт физиологии и прикладной (клинической) медицины с физиологическим и медицинским секторами. В 1942 году коллектив института насчитывал 58 сотрудников. Его по-прежнему возглавлял профессор В.М. Архангельский, заместителями по секторам были профессор Б.Ю. Андриевский и доцент П.Н. Зубенко. Значительная часть аппаратуры института была эвакуирована, часть разграблена и уничтожена, поэтому работы по основной тематике, связанной с изу-

чением воздействия высокочастотного поля на нервную систему, почти не проводились. Усилия его сотрудников были сосредоточены на практических вопросах, в частности, борьбе с полевыми вредителями.

Получив разрешение завершить учебу студентов старшего курса, руководство университета приняло решение провести выпускные экзамены в период с 15 мая по 15 июня 1942 года. В дальнейшем даты сдачи испытаний на различных факультетах несколько изменились. Экзаменационную комиссию на медицинском факультете возглавлял И.Л. Мороз. Количество экзаменов для студентов-медиков было наибольшим – 4, в то время как на других факультетах выпускники сдавали по 3 экзамена. Наибольшее количество дней выделялось на медицинском факультете и для сдачи каждого из экзаменов. Выпускники медицинского факультета, как правило, выглядели более подготовленными по сравнению со студентами других факультетов. Однако, по мнению преподавательского корпуса вуза, уровень их подготовки был недостаточным. На собрании заведующих кафедрами медицинского факультета 30 мая 1942 года отмечалось: «Студенты малокультурные, не могут совсем выражать свои мысли, мало читают... Выпущенные кадры – это не интеллигенция»³⁰⁴. Всего из 145 студентов факультета к выпускным экзаменам было допущено 122, из которых успешно прошли испытания и получили звание врача 117 выпускников, распределенных для работы в лечебные учреждения области³⁰⁵.

В дальнейшем в вузе, в котором в августе 1942 года произошла смена руководства, проводилась реорганизация, предпринимались попытки осуществления научной работы, организовывались консультации со старшекурсниками медицинского факультета. Осенью 1942 года в Днепропетровск из оккупированного Ставрополя выехали бывшие сотрудники Днепропетровского медицинского института: заведующий кафедрой акушерства и гинекологии профессор А.В. Хохлов, профессор кафедры микробиологии С.М. Минервин, доцент кафедры общей терапии Д.Н. Куцыгин, ассистент кафедры патологической анатомии Е.А. Снегуровская, ассистенты кафедры физики А.А. Новицкий и В.Т. Антонов³⁰⁶. Однако занятия со студентами медицинского факультета Днепропетровского университета на постоянной основе в 1942/43 учебном году возобновлены не были. По воспоминаниям выпускницы вуза М.Б. Галембо,

профессор А.В. Хохлов позже был осужден советскими властями за сотрудничество с оккупантами³⁰⁷.

Осенью 1942 года по заданию генерального комиссариата исследовалось наличие в регионе промышленных объемов лекарственных растений. С этой целью было организовано даже 2 экспедиции, одна из которых, проходившая 9–13 сентября 1942 года под руководством профессора В.М. Архангельского, была направлена на определение местонахождения зарослей шиповника промышленного значения. Но главным в работе вуза в этот период времени стало, судя по всему, составление украинско-русско-немецких терминологических словарей, а также украинско-немецкого и украинского толковых словарей. Позже, в мае 1943 года, в вузе начала функционировать медицинская библиотека³⁰⁸. В октябре 1943 года отступающие оккупанты взорвали и подожгли ряд корпусов университета, в том числе здание его научной библиотеки, уничтожив в общей сложности более 170 тысяч книг³⁰⁹.

Возвращение переживших оккупацию и тяготы эвакуации сотрудников Днепропетровского медицинского института из Ставрополя произошло в 1944 году. В Днепропетровск вернулось намного меньше работников вуза по сравнению с тем их количеством, которое покидало город летом 1941 года. По-разному сложились и судьбы тех, кто работал во время оккупации в составе медицинского факультета, действовавшего при Днепропетровском университете. По имеющейся информации, декан факультета профессор В.М. Архангельский после окончания оккупации и восстановления советской власти был освобожден от всех занимаемых должностей в научных и образовательных учреждениях Днепропетровска. Покинув город, жил в сельской местности, работал фельдшером. Умер в 1944 году, по одной из версий – от заболевания тифом³¹⁰.

Профессор Б.Ю. Андриевский, занимавший во время оккупации должность заведующего кафедрой хирургии медицинского факультета Днепропетровского университета, до войны работал на кафедре хирургии Днепропетровского института усовершенствования врачей. В 1943 году заведовал кафедрой и клиникой хирургии медико-естественных профессиональных курсов во Львове. Затем, выехав с отступающими немцами, работал хирургом в больницах Вены, Берлина, Мюнхена, Регенсбурга, где руководил работой госпиталя УНРА, был видным политическим деятелем ЗЧ

ОУН³¹¹. В то же время доценты П.Е. Моцный, П.Н. Зубенко и другие сотрудники занимались восстановлением работы вуза.

Львовский медицинский институт к 1939 году имел в своем составе 21 кафедру, на 1 курс ежегодно поступало 130 студентов. После установления советской власти в конце 1939 года в вузе было организовано 19 новых кафедр – 13 теоретических и 6 клинических, а количество обучавшихся на всех курсах студентов составило 1139 человек³¹².

Стремительное наступление германской армии в первые дни войны не позволило провести даже частичную эвакуацию медицинского института³¹³. Этим объясняется тот факт, что в стенах Ворошиловского (Ставропольского) медицинского института бывших сотрудников и студентов из Львова было немного.

Одной из них была Евгения Яковлевна Белицкая – видный советский ученый и талантливый педагог. Она окончила Киевский медицинский институт, два года работала заведующей детской консультацией, затем была ассистентом и заведующей отделом социальной гигиены Киевского института охраны материнства и детства. По совместительству преподавала в медицинских вузах Киева, была инспектором управления науки Наркомздрава Украинской ССР. В 1936 году защитила кандидатскую диссертацию, в 1938 получила ученое звание доцента и возглавила кафедру социальной гигиены Донецкого медицинского института, а за год до начала войны стала заведующей кафедрой в Львовском медицинском институте. Ее переезд в Ворошиловск можно было бы связать с эвакуацией из Львова. Но основанием для назначения Белицкой на должность в Ворошиловск стал приказ ВКВШ от 8.07.1941 года, при этом переходные учебные планы на военное время для студентов медицинских вузов СССР были утверждены ВКВШ 30 июня 1941 года. Согласно этим планам, преподавание организации здравоохранения в ВГМИ должно было начаться не с 1942, а с 1941 года. Следовательно, доцент Белицкая была намеренно назначена и.о. заведующей кафедрой к началу обучения по планам военного времени.

После слияния Ворошиловского медицинского института с Днепропетровским Евгения Яковлевна исполняла обязанности доцента кафедры. Вскоре она была мобилизована в ряды Красной Армии, с 19 мая 1942 года возглавила эвакогоспиталь № 4826 в Ворошиловске и до оккупации города по совместительству про-

должала преподавательскую деятельность в медицинском институте.

С 1943 по 1961 год Белицкая преподавала в Ленинградской военно-медицинской академии. Защитила докторскую диссертацию, стала профессором. Е.Я. Белицкая – автор около 250 научных, научно-популярных и учебно-методических работ, включая 20 монографий и учебных пособий. Под ее научным руководством защищены 12 кандидатских и одна докторская диссертации. К сфере ее научных интересов относились: история медицины, организация работы системы охраны материнства и детства, санитарная статистика военного и мирного времени, диспансерная и госпитальная статистика, структура заболеваемости и внебольничной смертности.

Доцент Е.Я. Белицкая была назначена на должность и.о. заведующей кафедрой организации здравоохранения приказом по Ворошиловскому мединституту 28 июля 1941 года. В тот же день в число его студентов на 2 курс была зачислена бывшая студентка Львовского медицинского института Любовь Моисеевна Лойцкер³¹⁴. Последней записью в ее зачетной книжке, которая хранится в фондах музея истории СтГМУ, стал экзамен по анатомии, принятый 14 июня 1941 года.

Во Львов германские войска вошли 30 июня 1941 года. 1 июля оккупанты издали распоряжение, в соответствии с которым все работающие лица должны были выйти на свои рабочие места. Большинство сотрудников медицинского института появились на кафедрах и в клиниках. Проведя своеобразную регистрацию, оккупанты заняли клиники вуза под госпитали и приступили к уничтожению «нежелательных элементов». В ходе карательных акций против польского и еврейского населения в первых числах июля 1941 года нацистами была уничтожена большая группа представителей львовской интеллигенции. В их числе были сотрудники медицинского института, известные специалисты – профессора В. Серадзский, А. Цешинский, Р. Ренцкий, Г. Гилярович, Я. Грек, В. Новицкий, Т. Островский, С. Прогульский, доценты Е. Гжендельский, В. Добржанецкий и др.³¹⁵ Накануне ареста и отправки в гетто покончил жизнь самоубийством профессор А. Бек.

В первые дни оккупации националистически настроенная часть общества, пытаясь реализовать идею создания самостоятельного государства, объявило о создании собственного пра-

вительства в форме Украинского государственного правления (УГП). Несмотря на то, что формально деятельность учреждений высшей школы во Львове была запрещена, активисты во главе с профессором М.И. Панчишиным, некоторое время занимавшим должность «министра народного здоровья» в УГП, начали подготовку к открытию медицинского вуза. Вероятно, стимулирующим фактором являлось открытие властями генерал-губернаторства Врачебной палаты.

О начале работы Львовского медицинского института, директором которого стал немецкий профессор К. Шульце, было объявлено 2 марта 1942 года. В состав вуза на правах факультета вошел фармацевтический институт, который возглавил Г. Фанзелов, одновременно руководивший работой «немецкой аптеки»³¹⁶. Сотрудниками теоретических и клинических кафедр стали преподаватели немецкого, польского и украинского происхождения. Известно, что среди сотрудников было 13 профессоров и 52 ученых польского происхождения, а также 44 преподавателя-украинца. При этом в вузе, как и в дооккупационный период, предполагалась работа не только врачебного, но и фармацевтического факультета. Для руководства его работой из Кракова был приглашен известный химик-фармацевт, профессор Е. Вертипорох. Профессор М.И. Панчишин, фактически являясь управляющим института, после роспуска германскими властями УГП, был назначен руководителем клиники вуза. Большая ее часть была отведена под госпитали для военнослужащих вермахта, в то время как количество коек для населения уменьшилось с 1800 до 900³¹⁷.

В виде института учебное заведение просуществовало недолго. Уже в апреле (по другим данным – в мае) 1942 года власти изменили статус вуза, ставшего теперь профессиональными курсами. Наименование и структура учебного заведения окончательно были утверждены осенью 1942 года. В состав естественно-медицинских профессиональных курсов вошли 2 отделения – медицинское и фармацевтическое³¹⁸.

При составлении учебного плана за основу были взяты программы, действовавшие в Львовском медицинском институте до 1939 года, а также программы немецких университетов. Оккупанты ввели ограничения на зачисление учащихся-поляков, требовали использования при проведении занятий немецкого языка. Первоначально, весной 1942 года, на курсы было принято 722 человека.

Осенью 1943 года на курсах обучалось уже 1577 студентов, в том числе 1238 украинцев, доля которых в общем числе учащихся значительно возросла. В 1942/43 учебном году завершили обучение 143 человека. Вместо дипломов выпускники получили справку-удостоверение и лист о сдаче экзаменов. В июле 1942 года выпускникам Львовского мединститута 1940 и 1941 годов было предложено повторно сдать экзамены для подтверждения полученных ими в советское время дипломов. Всего специально созданной комиссией было подтверждено 160 дипломов³¹⁹.

Выпускниками-фармацевтами Львовского медицинского института 1941 года было подтверждено 33 диплома. Выданные им сертификаты магистра предоставляли право на труд в аптечной сети генерал-губернаторства. Учебная программа фармацевтического отделения естественно-медицинских курсов была рассчитана на 2 года обучения и состояла из 6 триместров. Из программы были исключены все общеобразовательные дисциплины, за исключением немецкого языка. Преподавание осуществлялось на немецком языке, при этом преподаватель имел право передать основное содержание занятия за 10 минут на украинском или польском языках. Лекции читали профессора Т.Ф. Вильчинский, А.М. Ластовецкий, Ю. Дадлеж, Ю. Мащук, В. Бригиден, доцент О. Мриц и другие. Практические занятия проводили ассистенты Я. Головчак, С. Олесницкая, Л. Папара, Б. Хемчук, А. Коренец, Я. Балицкий, П. Мельничук, М. Козак, Ю. Андрусив, М. Ветушив. Всего в период деятельности фармацевтического отделения завершили учебу и получили сертификаты 155 выпускников³²⁰.

Преподавательский коллектив медицинского отделения в 1943/44 учебном году был усилен специалистами, приехавшими во Львов при отступлении оккупантов из восточных областей Украины. В это время на отделении работали профессор-фтизиатр В.Л. Плющ, профессор-физиолог В.В. Радзимовская, хирург Б.Ю. Андриевский, психиатр А. Лукьяненко и другие. По мнению профессора В.В. Радзимовской, предпринимавшей попытки налаживания работы научных и образовательных учреждений в Харькове, Киеве, Львове, уже вскоре после начала оккупации стало очевидно, что у немцев нет намерения способствовать восстановлению их нормальной деятельности. Напротив, оккупанты всячески препятствовали развитию культурной жизни и социальной сферы на территории Украины³²¹.

Весной 1944 года в связи с приближением фронта обучение на курсах было прекращено. Оборудование и архивы вывезли в Краков, многие преподаватели и учащиеся выехали с отступающими немцами. Среди выехавших были 10 польских профессоров медицины, несколько десятков преподавателей и лаборантов, многие из которых работали в университете Вроцлава. Многие специалисты-украинцы также покинули Львов накануне его освобождения войсками Красной Армии. В 1946–1947 годах при их участии были организованы медицинский и фармацевтический факультеты в университете, действовавшем на территории американской оккупационной зоны в Мюнхене. Фармацевтическим факультетом, деканом которого был профессор Е. Вертипорох, в 1947–1948 годах было выпущено 122 специалиста³²². Ряд специалистов, в числе которых были профессора В.В. Радзимовская, Е. Вертипорох, Б.Ю. Андриевский, В.Л. Плющ, впоследствии проживал в странах Европы и Северной Америки.

В освобожденном советскими войсками Львове из 226 человек профессорско-преподавательского состава, работавших в медицинском институте накануне войны, осталось 95 сотрудников. Несколько сотрудников погибло во время оккупации. В сентябре 1943 года представителями польской Армии Крайовой был застрелен профессор А.М. Ластовецкий, якобы препятствовавший приему на учебу польской молодежи. В ответ члены ОУН убили польского профессора Б. Ялового. На фоне сложившейся стрессовой ситуации в октябре 1943 года от сердечной недостаточности умер профессор Марьян Иванович Панчишин, фактически руководивший работой естественно-медицинских курсов.

Для организации полноценной работы вуза во Львов были направлены специалисты из Москвы, Киева, Иваново, Орджоникидзе и других городов страны. Долгие годы в вузе преподавал профессор Т.Ф. Вильчинский, поляк по национальности, с 1944 года занимавший должность декана фармацевтического факультета и оставшийся во Львове вплоть до своей смерти в 1981 году³²³.

Возобновления работы *медицинского института в Виннице* с началом немецко-фашистской оккупации добивалась группа преподавателей и медицинских работников. Некоторые из них были близки к кругам украинских националистов, выступавших за создание национальных образовательных учреждений, другие пытались обеспечить себя работой в сложных экономических ус-

ловиях, трети понимали острую необходимость подготовки врачебных кадров для работы в лечебных заведениях для населения.

К началу войны медицинский институт в Виннице имел 32 учебных аудитории, 14 клиник, анатомический театр, лабораторию, библиотеку со 100 000 наименований медицинской литературы³²⁴. Накануне оккупации часть преподавателей и студентов покинула город. Многие студенты впоследствии продолжили учебу в других медицинских вузах страны, в частности, в Ставропольском мединституте³²⁵. Тем не менее, в Виннице оставалось немало специалистов и студентов, готовых продолжить работу и обучение в образовательном учреждении.

Захватив Винницу, 9 августа 1941 года оккупанты образовали Временное городское самоуправление, переименованное в ноябре в Винницкую городскую управу. Главой управы был назначен профессор Винницкого медицинского института А.А. Савостьянов (в ряде источников – Севастьянов³²⁶), один из основателей и первый заведующий (с 1934 года) кафедрой медицинской биологии вуза. В дореволюционное время он был предводителем дворянства в Гайсинском уезде, после революции поддержал власть гетмана П.П. Скоропадского. Его жена А.С. Савостьянова происходила из известного немецкого рода Гоф.

Заместителем городского головы Винницы стал профессор-гигиенист Г.С. Ган, одновременно заведовавший медико-санитарным отделом управы. Ранее он также работал в медицинском институте. Областную управу возглавлял еще один бывший сотрудник мединститута – этнический немец И.Ф. Бернارد, который до оккупации руководил административно-хозяйственной службой вуза³²⁷. Немецкое происхождение ряда представителей новых властей – бывших сотрудников медицинского института и их заинтересованность в открытии учебного заведения, безусловно, сыграли свою роль при принятии оккупантами решения о дальнейшей его судьбе.

Открытие Винницкого медицинского института состоялось 14 февраля 1942 года. На торжественном мероприятии выступили: с речью на немецком языке – глава города профессор А.А. Савостьянов, с речью на украинском языке – его заместитель, профессор Г.С. Махулько-Горбацевич, представители германского командования, профессор В.О. Серафимович, прибывший в город с немцами и возглавлявший областной отдел образования. С от-

ветной речью выступил назначенный исполняющим обязанности директора института М.К. Замятин, до оккупации – доцент, заведующий кафедрой нормальной анатомии вуза. Несколько песен на украинском языке исполнил хор Винницкой психиатрической больницы³²⁸. В условиях массового уничтожения нацистами душевнобольных это было уникальным явлением.

К начавшимся в марте (по другим данным – в середине февраля) 1942 года занятиям приступили 30 студентов 5 курса, которым в течение весны 1942 года читался курс лекций. Руководство института заявляло, что обучение осуществляется в соответствии с программой медицинского факультета Берлинского университета. В действительности в основе учебного процесса находились действовавшие ранее программы лечебного факультета вуза, планы, составленные заведующими кафедрами, и расписание, подготовленное секретарем вуза. В качестве учебной литературы использовались советские учебники и руководства по специальности, из которых вычеркивалось все то, что было связано с коммунистической идеологией.

В сложившихся условиях организовать обучение будущих врачей на высоком уровне было практически невозможно. Объяснялось это несколькими причинами. Во-первых, клиническая база института была довольно слабой. В хорошем состоянии находились клиника ЛОР-болезней и госпитальная хирургическая клиника, в среднем – госпитальная терапевтическая и акушерско-гинекологическая, в плохом – инфекционная и неврологическая, была полностью уничтожена клиника глазных болезней. Инструментарий, учебная литература, наглядные пособия, которые в целом не были утрачены, сохранились не в полном объеме. В недостроенном морфологическом корпусе, помимо учебных аудиторий, размещались также медицинский техникум и областная больница, здание которой было занято под немецкий госпиталь.

Во-вторых, уровень подготовки преподавательского состава к моменту возобновления занятий был недостаточным. С началом оккупации вуз лишился более $\frac{1}{3}$ преподавателей, большинство из которых были евреями, а также всех студентов-евреев. Места выехавших накануне оккупации и уволенных немцами преподавателей в большинстве случаев заняли специалисты с более низкой квалификацией. На ряде кафедр должности профессоров и доцентов замещались лицами, не имевшими для этого формальных ос-

нований и не обладавшими необходимыми знаниями. К моменту начала занятий на кафедрах терапии и хирургии – основных кафедрах вуза – отсутствовали не только заведующие, но и ассистенты. Позже кафедру терапии возглавил доцент В.В. Масалов, специалист по инфекционным болезням. Его удалось уговорить, присвоив звание профессора. Возглавить кафедру хирургии буквально заставили доктора Е.С. Гофа – родственника профессора А.А. Савостьянова, заведовавшего хирургическим отделением областной больницы.

В-третьих, со стороны германских властей отсутствовала какая-либо материальная поддержка вуза. Взимаемой со студентов платы хватало на выплату жалования лишь нескольким сотрудникам института – в частности, руководившему вузом профессору М.К. Замятину, заведующему учебной частью профессору Г.С. Гану, секретарю Е.А. Балковскому. Чтение студентам лекций не оплачивалось. Бесплатно соглашались проводить занятия сотрудники клинических кафедр, работавшие в больнице и занимавшиеся одновременно частной практикой. Сотрудники теоретических кафедр на проведение занятий соглашались неохотно. Со временем отмечались случаи отказа специалистов, в том числе и заведовавших кафедрами, от своих должностей.

По окончании лекционного курса и ряда практических занятий в период с 20 мая по 14 июня 1942 года у студентов были приняты зачеты по оториноларингологии, глазным болезням, инфекционным болезням, психиатрии, истории Украины. С 15 августа по 20 сентября 1942 года в вузе проводились выпускные экзамены. 21 (по другим сведениям – 23) сентября 1942 года был осуществлен выпуск, врачебное звание было присвоено 33 обучавшимся. Согласно другим источникам, на 5 курсе института обучалось 86 студентов, а количество успешно сдавших выпускные экзамены составило 84 человека³²⁹. На торжественном собрании по поводу выпуска специалистов присутствовали городской голова профессор А.А. Савостьянов, гарнизонный врач доктор Зепп, преподаватели и выпускники.

По мнению специалистов, уровень подготовки выпускников Винницкого мединститута 1942 года был низким. Самые способные из них едва были сравнимы с середняками предыдущих и последующих советских выпусков. Впоследствии, после восстановления советской власти и возобновления занятий в вузе, этим

молодым людям пришлось повторно сдавать выпускные экзамены государственной комиссии Винницкого медицинского института³³⁰.

Некоторые из выпускников, проживавшие до войны в селах Винницкой области, вернулись домой и занялись врачебной практикой. Ряд молодых специалистов остался в Виннице, продолжив свое совершенствование в областной больнице. Отдельные из них, в частности, Е.А. Мациевская, И.Ф. Годлевский, впоследствии стали известными специалистами, имели ученые степени. И.Ф. Годлевский – капитан медицинской службы, в марте 1945 года был призван в ряды Красной Армии. После демобилизации вернулся в Винницу, работал в областной больнице и на кафедре хирургии Винницкого медицинского института, с 1970 по 1974 год был ее заведующим³³¹.

Ряд студентов Винницкого медицинского института эвакуировался в советский тыл. В июле–августе 1941 года на 4 курс Ворошиловского (Ставропольского) медицинского института были зачислены: Брандман Лейзер Мейлехович, Вайсблат Миля Давидовна, Гиммельфарб Дуся Григорьевна, Иосевич Ицхак Хаимович (Исаак Ефимович), Кац Гаина Шлемовна, Мейлер Клара Давидовна, Шлаен Сюня Пейсахович, Хахамович Анна (Нюся) Хаимовна, Коренцвит Самуил (Шмуль) Иосифович, на 3 курс – Рабинер Фроим Иосифович, Шульман Э.Б.³³² Как видно, все они были евреями, студентов иных национальностей, прибывших из Винницы в Ворошиловск, в приказах по институту обнаружить не удалось.

Окончив Ворошиловский мединститут, уроженец Винницкой области Л.М. Брандман с августа 1942 года сражался против нацизма в рядах кавалерийского корпуса, возглавляя эвако-сортировочное отделение медико-санитарного эскадрона дивизии³³³. Еще один уроженец Винницкой области И.Е. Иосевич, по данным Интернет-ресурса «Подвиг народа», также в августе 1942 года был призван в ряды Красной Армии в качестве военного врача. Был награжден медалями «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Тем временем в Виннице медицинский институт продолжал работать при оккупационном режиме. В период с 1 по 10 августа 1942 года были проведены вступительные экзамены для первокурсников. С 1 сентября 1942 года начались занятия для 198 студентов 1 курса, а также возобновлены занятия для 88 студентов

4 курса. Руководство института заявляло о возможности организации занятий для 50–60 студентов 2 курса и такого же количества студентов 3 курса. В целях организации дальнейшего функционирования вуза отмечалась необходимость согласования сметы расходов, разрешения отделом труда управы процедуры совместительства для ряда сотрудников института, выделение квартир для приглашенных из Киева специалистов. Свое согласие на чтение лекций на кафедре физиологии дали профессор Ф.Н. Серков, на кафедре патофизиологии – профессор С.К. Капран.

Однако этим планам не суждено было сбыться. Наряду с рядом других учебных заведений в феврале 1943 года институт по распоряжению рейхскомиссара Украины Э. Коха был закрыт³³⁴. 24 февраля 1943 года здания института, медицинского и фармацевтического техникумов, действовавших в Виннице, были оцеплены полицией. Находившихся в них учащихся загнали в автомобили и увезли в неизвестном направлении. Большинство из них было вывезено на принудительные работы в Германию³³⁵, некоторым удалось скрыться и избежать этой участи.

Действия местных оккупационных властей вызвали недовольство А. Гитлера. Дефицит медицинского персонала на захваченных территориях угрожал военным служащим германской армии. Узнав о закрытии медицинских образовательных учреждений, Гитлер потребовал открыть медицинские школы в Виннице, а также в Киеве и Днепропетровске³³⁶.

Тем не менее, после этого Винницкий медицинский институт, по имеющимся сведениям, к полноценной работе так и не приступил. В отчете о деятельности культурно-образовательных учреждений Винницкого округа, составленного в августе 1943 года, отмечалось, что занятия в вузе в феврале 1943 года были временно приостановлены. С 1 августа планировалось возобновить работу на всех пяти курсах вуза³³⁷. По одним данным, этого не произошло. В последующие месяцы, вплоть до конца 1943 года, положение института было неопределенным. Известно, что его директором к этому времени являлся профессор Г.С. Ган, учебной частью заведовал профессор П.В. Тремпович³³⁸. По другим данным, осенью 1943 года учебный процесс возобновлялся, предпринимались даже попытки открытия фармацевтического факультета. Это было связано с острой нехваткой в области фармацевтов. Не хватало также и стоматологов³³⁹. Однако с уверенностью можно сказать,

что к моменту освобождения Винницы 20 марта 1944 года учебный процесс в медицинском вузе не осуществлялся.

Некоторое время проректором Винницкого медицинского института был профессор И.М. Малинин, прибывший в феврале 1943 года из Краснодара, освобожденного к тому времени войсками Красной Армии. По его воспоминаниям, благодаря «хлопотам профессора Савостьянова» вуз продолжал функционировать до сентября 1943 года³⁴⁰.

При поддержке профессора А.А. Савостьянова и активном участии профессора И.М. Малинина с весны 1943 года в Виннице действовала специальная комиссия по расследованию массовых убийств советских граждан, предположительно проводившихся органами НКВД в 1937–1938 годах. В комиссию также входил доцент А.С. Дорошенко, который ранее заведовал кафедрой судебной медицины Винницкого медицинститута. Профессор Иван Михайлович Малинин (1892–1970), в период с 1930 по 1941 год заведовавший кафедрой патологической анатомии Кубанского медицинского института, руководил раскопками и лично проводил вскрытия тел жертв массовых захоронений. В октябре 1943 года профессор И.М. Малинин с семьей покинул Винницу, перебравшись сначала в Прагу, в апреле 1945 года – в Германию, а в 1949 году эмигрировал в США³⁴¹.

Профессор Александр Александрович Савостьянов (1871–1947) в декабре 1943 года, за несколько месяцев до освобождения Винницы частями Красной Армии, выехал из города на Запад, оказавшись впоследствии в Париже³⁴².

Ряд преподавателей вуза и практикующих врачей покинул Винницу вместе с отступающими немецкими войсками. Доктор медицинских наук, профессор Георгий Stanisлавович Ган, оставшийся на территории Украины, в послевоенные годы работал в различных медицинских учреждениях в Виннице и Луганске. В период с 1958 года, вплоть до своей смерти в 1964 году, возглавлял кафедру общей гигиены и экологии Ворошиловградского (г. Ворошиловград – ныне Луганск) медицинского института, руководил работой областного общества гигиенистов, эпидемиологов и инфекционистов³⁴³.

Профессор Г.С. Махулько-Горбацевич был осужден советскими властями за сотрудничество с оккупантами и расстрелян³⁴⁴. Учебный корпус и клиники Винницкого медицинского института

пострадали в период оккупации, однако значительная часть имущества кафедр, научная библиотека вуза сохранились.

Одесский медицинский институт к началу войны в течение 20 лет существовал в качестве самостоятельного учебного заведения. Имея мощную клиническую базу, в частности, по терапии, хирургии, офтальмологии, педиатрии, в период с 1937 по 1941 год, выпустил 3178 специалистов.

С началом войны вузы Одессы, в том числе Одесский университет и медицинский институт, были эвакуированы на Северный Кавказ, а затем – в Среднюю Азию. Многие специалисты были призваны в ряды Красной Армии. Так, заведующий кафедрой госпитальной терапии медицинского института профессор М.А. Ясиновский с августа 1941 года являлся консультантом-терапевтом Кисловодской госпитальной базы и начальником медицинской части эвакогоспиталя № 2005 в Кисловодске, затем работал в составе Тбилисской госпитальной базы³⁴⁵. Академик В.П. Филатов, возглавлявший клинику глазных болезней и институт экспериментальной офтальмологии, с частью учеников работал в эвакогоспитале № 2172 в Пятигорске, позднее – в Ташкенте, являясь директором образованного там Украинского института глазных болезней и главным консультантом эвакогоспиталя № 1262. Профессор Н.Н. Соколов, заведовавший I хирургической клиникой медицинского института и челюстно-лицевой клиникой республиканского института стоматологии в Одессе, эвакуировался в Ростов-на-Дону, а затем – в Краснодар. Здесь он заведовал хирургическим отделением 3-й городской больницы³⁴⁶.

Часть эвакуированных из Одессы осела в Ворошиловске. Так, заведующий кафедрой факультетской терапии Одесского ГМИ профессор Яков Самойлович Шварцман, добившийся успехов в изготовлении миоля – препарата для лечения сердца, работал в Ворошиловском медицинском институте³⁴⁷. Бывший старший лаборант кафедры биохимии Одесского мединститута Раиса Львовна Прейзер стала препаратором кафедры нормальной анатомии. Здесь же, в Ворошиловске, продолжило учебу немало студентов-медиков из Одессы. На 2 курс в конце июля – начале августа 1941 года были зачислены Гаина Соломоновна Бегельфар, А.А. Зильберфайн и Е.А. Зильберфайн, Алиса Иосифовна Липман, Ольга Азриельевна Шпильберг; на 3 курс – Зоя Александровна Койфман, Сара Кельмановна Минкус, Серафима Абрамовна Ро-

винская, Илья Азриельевич Шпильберг; на 4 – Суламифь Вольковна Орадовская, Фройда Нояховна Годик. 16 августа в институт были зачислены студенты Л.Н. Новикова и А.В. Осипенко³⁴⁸. Следует обратить внимание на то, что студенты из Одесского медицинского института были в основном еврейской национальности.

После захвата Одессы румынские власти губернаторства Транснистрия в начале декабря 1941 года объявили об открытии здесь университета. В его составе в течение оккупации города действовал медицинский факультет. Ректором университета и деканом медицинского факультета был назначен заведующий хирургической факультетской клиникой, заслуженный врач РСФСР, профессор П.Г. Часовников³⁴⁹.

Открытие вуза инициировалось румынской администрацией, преследовавшей идеологические и практические цели, продиктованные необходимостью медицинского обслуживания населения и недопущением возникновения в регионе эпидемий. События, связанные с деятельностью университета, регулярно освещались в оккупационной прессе. К примеру, только на одной странице номера газеты «Молва» за 2 декабря 1942 года вуз упоминается в трех заметках – в связи с выступлением специалиста-патологоанатома профессора Василиу из Бухареста, работой при университете судебно-медицинской экспертизы и собственной типографии³⁵⁰.

Занятия на медицинском и теологическом факультетах университета начались раньше, чем на других, – уже в феврале 1942 года. В качестве материальной базы использовались ресурсы бывшего Одесского университета и клинических учреждений города. Преподавателями являлись сотрудники различных образовательных и лечебных заведений, которые в силу возраста, состояния своего здоровья или здоровья близких людей, а также по другим причинам не смогли покинуть город.

В отличие от большинства образовательных учреждений, действовавших на других захваченных врагом территориях страны, университет в Одессе в период оккупации постоянно расширялся, а попыток закрытия в отношении университета не предпринималось. На медицинском факультете со временем начало действовать фармацевтическое отделение. Осенью 1942 года были открыты факультеты точных наук, юридический и историко-филологический, на котором в феврале 1943 года было введено несколько новых специальностей. В качестве самостоятельного был

выведен молдавский факультет, готовивший кадры для администрации губернаторства. Весной 1943 года при университете начал действовать институт антикоммунистических исследований и пропаганды, который также возглавил профессор Часовников. Существенно увеличилось в течение 1942/43 учебного года количество студентов – с 819 до 1758 человек³⁵¹.

Кардинальных изменений в содержании учебных программ по различным предметам на медицинском факультете не было. В обязательном порядке из учебного процесса по теоретическим дисциплинам исключался любой материал, связанный с советской идеологией. В полном объеме был исключен предмет «Основы марксизма-ленинизма». Практические занятия по возможности проводились на прежних клинических базах. Качество преподавания по ряду направлений, в частности, связанных с хирургией, было ниже, чем ранее. Это объяснялось выездом из Одессы многих ведущих специалистов, их замещением сотрудниками с более низким уровнем подготовки. В то же время некоторые другие кафедры, например, кафедры психиатрии и инфекционных болезней, были в состоянии обеспечить прежний уровень преподавания.

Кафедрой психиатрии, как и прежде, заведовал профессор Е.А. Шевалёв. Он остался в городе не только в силу возраста, но и по той причине, что в возглавляемой им психиатрической больнице на 600 коек находилось на лечении большое количество пациентов. Душевнобольные подвергались опасности быть уничтоженными нацистами, при этом среди них и персонала больницы было немало евреев, с которыми оккупанты также могли расправиться. Профессору Шевалёву помогали супруга, доктор медицинских наук, врач-хирург Е.Н. Шевалёва и сын Андрей – студент-медик. Ими подделывались документы больных, под чужими именами помещались в больницу и выписывались из больницы лица, входившие в группу риска. Старший сын Владимир Шевалёв, работавший врачом в госпитале, в Севастополе оказался в плену и там делал то же самое: спасал евреев, выдавая их за татар и караимов. Аналогичную работу в так называемом «тифозном корпусе» в Одессе выполняли профессор В.К. Стефанский, возглавлявший кафедру и клинику инфекционных болезней, и его ученик профессор Л.К. Коровицкий. Общее количество спасенных пациентов и сотрудников больницы, а также жителей Одессы составило около 1000 человек³⁵².

Несмотря на непростую ситуацию, в вузе в условиях оккупации продолжалась научная деятельность. В январе 1943 года доцентом В.П. Снежковым была защищена докторская диссертация на тему «Клиника слюннокаменной болезни». После освобождения Одессы и восстановления советской власти в 1945 году эта диссертация была защищена повторно. В 1946 году ее автор был удостоен ученого звания профессора, возглавил кафедру детской хирургии вуза, стал автором одноименной монографии и ряда других научных трудов³⁵³. Также в январе 1943 года на медицинском факультете была защищена докторская диссертация В.И. Савко на тему «Меланофорный гормон в биологии и патологии женского организма»³⁵⁴.

Университет работал практически до освобождения Одессы войсками Красной Армии 10 апреля 1944 года. Профессор П.Г. Часовников, пытаясь избежать наказания со стороны советских властей, выехал с отступающими румынскими войсками в Бухарест. Впоследствии он был арестован и в 1947 году приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей, но в 1954 году умер в заключении.

Не был полностью эвакуирован *медицинский институт из Сталино* (с 1961 года – г. Донецк), в котором накануне войны обучалось около 2000 студентов. Студентам 5 курса перед захватом города врагом были выданы справки о присвоении звания врача-лечебника, с которыми они должны были явиться в городской военкомат для последующего прохождения службы в рядах Красной Армии. Удалось это далеко не всем – противник стремительно наступал, советские войска, обороняясь, отходили³⁵⁵. Некоторые сотрудники и учащиеся успели покинуть город, многие остались на оккупированной территории.

Обучение студентов в период с октября 1941 по сентябрь 1943 год не проводилось. На базе института действовали курсы повышения квалификации врачей, в их работе принимали участие некоторые из преподавателей вуза. После освобождения города полностью разрушенными оказались многие здания вуза, в том числе морфологический корпус, 13 корпусов клинической больницы, детская и кожно-венерологическая клиники, физиотерапевтическая лечебница³⁵⁶. Разрушение клиник было совершено по указанию и при участии главного врача немецкого военного лазарета Троммера и заместителя коменданта города военного советника Нарушата. Разгром медицинского института был осуществлен по

приказу обер-фельдартца Ролля, главного врача госпиталя Белиндорфа, главного врача Кухендорфа³⁵⁷.

Нехватка медицинских специалистов среднего профиля вынуждала германские власти уже в первые месяцы оккупации Украины возобновить работу ряда *медицинских техникумов и школ* – фельдшерских, акушерских, зубоврачебных, фармацевтических. В условиях отсутствия у оккупантов четких планов восстановления сети медицинских образовательных учреждений, отдельные из них открывались по принципу острой необходимости. На первом этапе оккупации были открыты фельдшерско-акушерские школы в Киеве и Днепропетровске, фельдшерская школа в Полтаве, медицинские школы в Запорожье и Херсоне, медицинский и фармацевтический техникумы в Виннице, медицинские техникумы в Бердичеве и Гайсинске, фельдшерско-акушерский и фармацевтический техникумы в Умани, фельдшерская школа в Дунаевцах, фармацевтическая и зубоврачебная школы в Житомире, фельдшерская и зубоврачебная школы в Черкассах, школа фармацевтов в Ровно. Большинство из них со временем закрылось. Так, Киевская фельдшерско-акушерская школа, в которой обучалось около 1000 студентов, была ликвидирована 1 августа 1942 года. Закончившие обучение учащиеся были отправлены в Германию, многих других перевели в медицинский институт, который вскоре тоже был закрыт³⁵⁸.

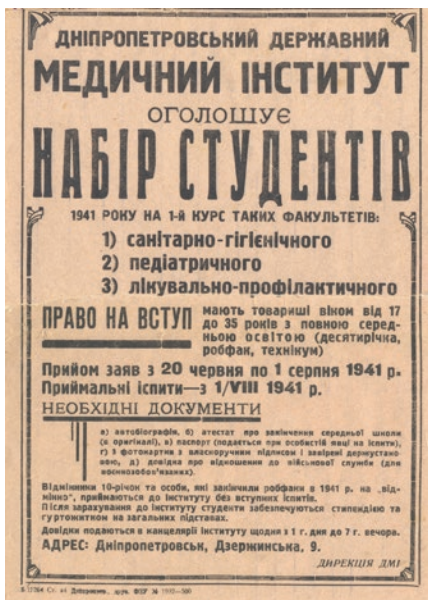
Медицинская школа в городе Могилев-Подольский Винницкой области, неподалеку от границы с Молдавской ССР, действовала с 1936 года. До начала войны учебное заведение успело подготовить 562 медицинских работника. 23 июня 1941 года очередная группа завершивших обучение специалистов, которым были присвоены звания медицинских сестер, были направлены в военкомат для последующей отправки на фронт. Вместе с ними добровольцем в ряды РККА вступил директор медицинской школы М.Д. Шенфельд. Марк Давидович Шенфельд родился в 1883 году в селе Лечезино Киевской области, в 1913 году окончил медицинский факультет Киевского университета. Военврач 1 ранга, позже – подполковник медицинской службы, М.Д. Шенфельд участвовал в организации лечения и эвакуации раненых и больных в боях 1941 года на юго-западном направлении, в период Харьковской операции 1942 года, в сражении под Сталинградом. Принимал участие в Донбасской, Восточно-Карпатской, Восточно-Прусской и других наступательных операциях. Награжден медалью «За

оборону Сталинграда», орденом Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени³⁵⁹.

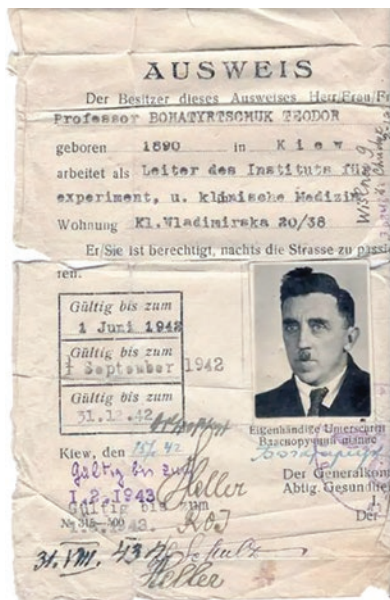
Что касается Могилев-Подольской медицинской школы, то после захвата города немецко-румынскими войсками она прекратила свою работу. В конце июля 1941 года ее здание стало частью созданного оккупантами гетто, куда сгонялось еврейское население города и окрестностей. После освобождения Винницкой области частями Красной Армии весной 1944 года деятельность медицинской школы была восстановлена. Был осуществлен набор в четыре учебные группы для подготовки медицинских сестер. Учреждение продолжило работу и в послевоенные годы, со временем преобразовавшись в медицинское училище³⁶⁰.

В дальнейшем по решению германских властей допускалась организация краткосрочных курсов продолжительностью от 2 до 6 месяцев для подготовки или переподготовки специалистов. В Днепропетровске действовали курсы зубных врачей, в Луцке – фармацевтов, зубных техников, медицинских сестер и акушеров, в Ровно – акушеров, в Ковеле – больничных сестер, в Херсоне – аптекарей³⁶¹. В Одессе во время румынской оккупации действовала зубоврачебная школа. Она располагалась на 3-м этаже здания стоматологического института, фактически ставшего в это время стоматологической поликлиникой³⁶². В целом в лечебных учреждениях Украины ощущалась нехватка кадров. В ряде случаев, как и на территории Белоруссии, оккупанты были вынуждены привлекать к работе медиков-евреев и советских военнопленных³⁶³.

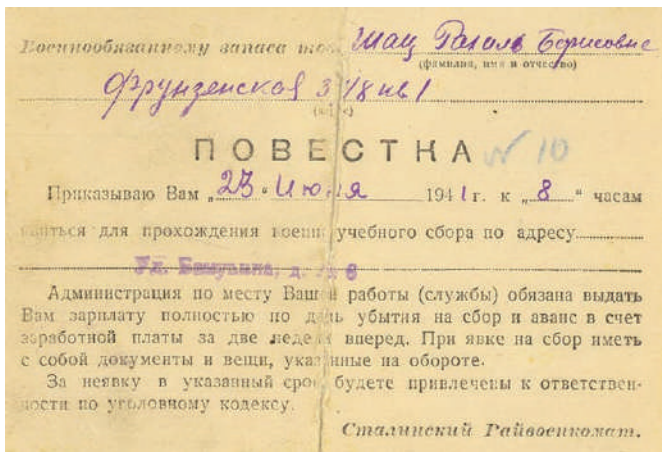
Подводя итоги, отметим следующее. Различное видение руководителями германских властей отдельных аспектов политики в отношении населения Украины предопределило непоследовательность в их подходе к вопросу продолжения работы медицинских образовательных учреждений. В особенности это относилось к учреждениям высшего образования, устойчивая работа которых, за исключением медицинского факультета при Одесском университете, налажена не была. Место медицинских учреждений среднего образования в период оккупации со временем заняли краткосрочные курсы подготовки и переподготовки специалистов. Результатом непродуманных действий и, напротив, спланированной политики по ограблению захваченных районов и вывозу трудоспособного населения в Германию явилась нехватка медицинских кадров на оккупированной территории Украинской ССР.

Объявление о наборе студентов в Днепропетровский медицинский институт. 1941 г.

Удостоверение личности, выданное профессору Ф.П. Богатырчуку. Киев, 1942 г.

Повестка на военные сборы выпускнице Минского мединститута Р.Б. Шац. Минск, 23.06.1941 г.

Выпуск Минского государственного медицинского института.
1941 г.

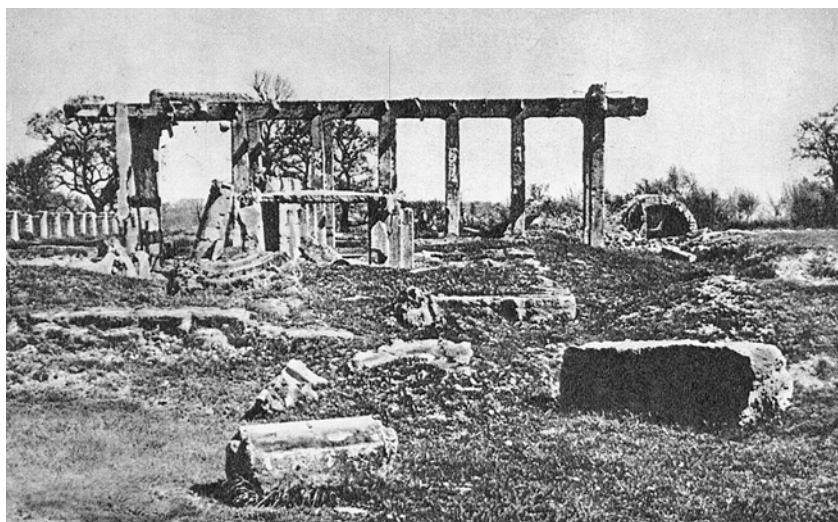
Читальный зал библиотеки Минского медицинского института. 1940 г.

Главное здание медицинского факультета Львовского университета. 1930-е гг.

Одесский медицинский институт

Физико-химический факультет Каунасского университета,
взорванный оккупантами. 1944 г.

Разрушенный морфокорпус Сталинского (Донецкого)
медицинского института. 1943 г.

Профессор В.М. Архангельский

Профессор Л.Я. Ситерман

Профессор Е.А. Шевалёв

Профессор М.И. Панчишин

Профессор А.А. Савостьянов

Профессор Г.С. Ган

Профессор
Г.С. Махулько-Горбацевич

Профессор М.П. Нещадименко

Профессор К.Ф. Штеппа

ГЛАВА III

МЕДИЦИНСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНАХ РСФСР

3.1. Выживание медицинских учебных заведений в ходе оккупации Европейской части России

В оккупированных районах и в зоне крупных боевых действий на территории РСФСР подготовка врачебных кадров ранее осуществлялась в 8 медицинских вузах. В их числе были Воронежский, Ворошиловский (Ставропольский), Крымский, Кубанский, Курский, Ростовский, Смоленский и Сталинградский медицинские институты.

Смоленский медицинский институт к началу войны был одним из крупнейших на территории РСФСР и обладал мощной материально-технической базой. В качестве самостоятельного вуза он действовал с 1924 года, успев осуществить к началу войны 20 выпусков врачей. К 1941 году на его лечебном и педиатрическом факультетах обучалось более 2600 студентов. С 1936 года на базе вуза действовал Смоленский стоматологический институт³⁶⁴.

Свой 21-й выпуск институт провел уже в условиях начавшейся войны, буквально под вражескими бомбардировками Смоленска. В июле 1941 года, накануне захвата города врагом, наиболее ценное оборудование и библиотека вуза были эвакуированы в Саратов. Многие сотрудники и студенты пополнили ряды Красной Армии, трудились в вузах, эвакуогоспиталях, лечебных учреждениях для населения в тыловых районах страны. Так, в частности, в Ворошиловском (Ставропольском) медицинском институте работала профессор А.Т. Петряева, возглавлявшая кафедру детских болезней³⁶⁵. Через год после начала оккупации в Смоленске действовала на платной основе только одна больница для населения, а среди учреждений образования не работали даже начальные школы, некоторые из которых только готовились к открытию³⁶⁶. Несмотря на длившийся более 2-х лет период оккупации, попыток организовать подготовку медицинских кадров оккупантами не предпринималось. Смоленская область была освобождена от германских войск 25 сентября 1943 года. Разрушение промышленных, социальных, культурных объектов в ходе боев и в результате намеренных действий

оккупантов было почти тотальным и составляло 94%. К моменту освобождения областного центра учебно-материальная база медицинского института, за исключением его главного корпуса, была практически полностью уничтожена³⁶⁷. Оккупантами было сожжено или разрушено учебное и научное оборудование, вузовская библиотека, студенческие общежития, большинство лечебных учреждений города, являвшихся клиническими базами Смоленского медицинститута.

Курский медицинский институт был образован в 1935 году. Первый выпуск врачей состоялся в вузе в 1940 году, второй – летом 1941 года. Новый 1941/42 учебный год на всех курсах института начался 1 августа 1941 года. К занятиям на 1-м курсе приступили 250 студентов, на 2-м – 289, на 3-м – 242, на 4-м – 259, на 5-м – 253. Однако уже с 29 августа начались регулярные налеты на город авиации противника. В начале сентября 1941 года по распоряжению Наркомздрава был осуществлен досрочный выпуск студентов 5 курса, получивших звание зауряд-врача. Почти все выпускники были направлены для прохождения службы в воинские части. В эти же дни в Курск начали практически ежедневно пребывать студенты разных курсов из Смоленского медицинского института, прекратившего к тому времени свою работу³⁶⁸.

4 октября стал последним днем работы вуза в Курске в 1941 году. Несмотря на отсутствие распоряжения Наркомздрава об эвакуации, руководство вуза в ответ на свое обращение получило поддержку от властей города. Институту было выделено для эвакуации 13 товарных вагонов, в которых разместились сотрудники и студенты вуза, а также часть имущества лабораторий, научно-учебной библиотеки, музея, канцелярии. Железнодорожный состав, в котором находилось более 300 сотрудников и студентов, 8 октября 1941 года, в разгар боев на подступах к городу, смог его покинуть³⁶⁹. В числе выехавших из Курска была и группа студентов из Смоленского и Минского медицинских институтов.

С декабря 1941 года по январь 1944 года большинство из них находилось в составе Алма-Атинского медицинского института Казахской ССР, работая в эвакогоспиталях и других лечебных учреждениях города. В Курске в период оккупации власти позволили продолжить на платной основе работу всего двух больниц и одной поликлиники. Остальные учреждения здравоохранения, в том числе отвечавшие за подготовку медицинских кадров, были

закрыты. В помещении института размещался госпиталь для немецких солдат. К моменту освобождения Курска его учебные корпуса, хозяйственные постройки, студенческое общежитие были превращены оккупантами в руины³⁷⁰.

Воронежский медицинский институт в качестве самостоятельного вуза действовал с 1930 года. К началу войны на его лечебном, педиатрическом и санитарно-гигиеническом факультетах обучалось более 2500 студентов. Основной клинической базой вуза с 1937 года являлась Воронежская областная больница. В июне 1941 года состоялся плановый выпуск 437 врачей, а в сентябре и октябре – ускоренные выпуски общим количеством 560 врачей³⁷¹.

В августе 1941 года в Ставропольский мединститут перевелась студентка 3 курса из Воронежа А.Л. Клименко³⁷². В декабре 1941 года состоялась первая эвакуация института в Красноярск. Однако в связи с улучшением обстановки вуз вскоре вернулся в Воронеж. Успев провести в начале июля 1942 года досрочный выпуск 464 студентов, институт в условиях постоянных бомбардировок города прекратил работу. В этот раз организованной эвакуации провести не удалось. Имущество, оборудование и библиотека вуза остались в осажденном городе. Некоторые сотрудники покинули Воронеж в последних эшелонах с ранеными, большинство преподавателей и студентов уходили из города пешком. С 1 октября 1942 года институт смог продолжить свою работу в Ульяновске. Об организации работы вуза оккупантами в Воронеже, через который проходила линия фронта, не могло быть и речи. В результате длительных боев город был разрушен на 95%, став одним из самых пострадавших от оккупации. Из 23-х зданий вуза сохранились лишь три. Библиотека, архивы, ценное оборудование кафедр, уникальный анатомический музей были уничтожены³⁷³.

Сталинградский медицинский институт, основанный в 1935 году, первый выпуск врачей на единственном в тот момент лечебном факультете произвел в 1940 году. Второй выпуск осуществлялся уже во время войны, летом 1941 года. Все 235 выпускников были направлены для дальнейшей работы в военные лечебные учреждения. За период с 1941 по 1942 год в вузе, который пополнился студентами из Одессы, Витебска и других городов, было осуществлено 3 ускоренных выпуска общим количеством более 1000 врачей³⁷⁴. Последний из этих выпусков, когда страна получила 400 врачей, проходил в мае–июне 1942 года. Кроме того,

на базе института вплоть до августа 1942 года проводилась переподготовка и усовершенствование кадров для работы в эвакуационных госпиталях³⁷⁵.

С приближением фронта институт в августе 1942 года должен был эвакуироваться из Сталинграда, объединившись впоследствии в один вуз с Астраханским и Ленинградским педиатрическим медицинскими институтами. Однако в результате мощнейших бомбардировок города, начавшихся 23 августа 1942 года, здания института были разрушены, а его имущество сгорело. Преподаватели и студенты, сумевшие переправиться на левый берег Волги, были эвакуированы в тыл³⁷⁶.

Мероприятия по организации подготовки медицинских кадров в захваченных районах Сталинградской области оккупантами не проводились, а соответствующие учреждения профессионального образования не действовали. После освобождения Сталинграда 1 июня 1943 года в разрушенном городе советские власти открыли фельдшерско-акушерскую школу, в которой на сестринском отделении обучалось около 1000 учащихся. Одновременно в здании школы осуществлялась подготовка к открытию медицинского института. Он начал работу в октябре 1943 года и стал первым из открывшихся вузов города. К учебе на всех пяти курсах приступило 600 студентов³⁷⁷.

Несмотря на то, что город Астрахань в годы Великой Отечественной войны не был оккупирован, приведем некоторые сведения о работе *Астраханского медицинского института*. В августе 1942 года, когда бои между советскими и германскими войсками проходили уже в 150 км, Астрахань стала прифронтовым городом. Медицинский институт, осуществлявший с июня 1941 года досрочные выпуски врачей (всего за время войны их состоялось 8, а количество выпускников превысило 1000 человек³⁷⁸), эвакуировался из Астрахани.

В сентябре 1942 года оборудование вуза, его библиотечный фонд, преподаватели и студенты под вой сирен, гул немецких самолетов и грохот зенитных батарей были погружены на баржу, проследовав по Волге и Каспию в город Гурьев (Казахская ССР, с 1991 года – г. Атырау). Перегрузившись в вагоны, через 2 недели пути по железной дороге в начале октября 1942 года они прибыли в Куйбышев. Проработав некоторое время совместно с местным медицинским вузом на его базе, преподавательский состав и сту-

денты Астраханского мединститута в декабре 1942 года эвакуировались в Барнаул. Здесь, включив в свой состав сотрудников и учащихся других медицинских вузов, Астраханский медицинский институт, имевший лечебный и педиатрический факультеты с общим количеством 457 студентов, проработал вплоть до сентября 1943 года и осуществил выпуск врачей. К концу 1943 года вуз вернулся в Астрахань³⁷⁹.

Крымский государственный медицинский институт имени И.В. Сталина эвакуировался трижды. В качестве самостоятельного вуза он функционировал с 1931 года. До этого, начиная с 1918 года, в составе Таврического университета в Симферополе действовал медицинский факультет. Первоначально Крымский медицинский институт имел в своем составе один факультет – лечебно-профилактический (позднее – лечебный). В 1938 году в вузе был образован второй факультет – педиатрический³⁸⁰.

Накануне войны на 32 кафедрах института работало 15 докторов и 9 кандидатов наук из числа заведующих кафедрами, профессоров кафедр – 1, доцентов – 8, из них кандидатов наук – 3, старших преподавателей и преподавателей – 114, из них кандидатов наук – 7, обучалось 1350 студентов³⁸¹. Осуществив летом 1941 года выпуск пятикурсников, 19 сентября 1941 года вуз был эвакуирован из Симферополя в Армавир. На Кубань прибыло большинство преподавателей, более 500 студентов, а также оборудование, учебные пособия и значительная часть научной библиотеки. Некоторые сотрудники института не эвакуировались, продолжив работу в эвакогоспиталях и других лечебных учреждениях Крыма. Находившийся в Армавире институт в дальнейшем дважды эвакуировался в Казахстан: первый раз – в Джамбул, откуда вскоре вернулся в связи с улучшением обстановки на фронте, второй раз – в Кызыл-Орду, где находился до 1944 года³⁸².

В оккупированном Симферополе была предпринята попытка организовать подготовку медицинских кадров высшей квалификации. В начале 1942 года группа представителей местной интеллигенции сформировала правление и инициировала открытие Крымского университета в составе 5 факультетов – агрономического, естественного, историко-филологического, математического и медицинского. О скором начале работы вуза писали оккупационные газеты, в смету городской управы были заложены средства на его

содержание. Возможности организации работы объединенного учебного заведения способствовало наличие ряда помещений, мебели, преподавателей с учеными степенями и научными званиями, учащихся.

Согласие на работу в университете дали 15 профессоров, 11 доцентов и «достаточное количество младших научных работников», ранее работавших в различных образовательных учреждениях. При этом, по данным врачебно-санитарного отдела городского управления, только в Симферополе находилось не менее 50 студентов медицинского института, перешедших на пятый курс и не завершивших свое образование. Обучение этих студентов планировалось начать в самый кратчайший срок, организовав практические занятия на базе местных клиник и больниц. Правлением университета была образована приемная комиссия для набора учащихся на 5 курс медицинского факультета³⁸³.

Однако попытка открытия университета, в штате которого числилось около 60 сотрудников, вскоре была пресечена германскими властями. 21 марта 1942 года представитель германского командования объявил членам правления вуза о незаконности их действий и запрете работы на полуострове всех образовательных учреждений, за исключением некоторого количества начальных школ, до тех пор, «пока в Крыму останется хоть один красноармеец»³⁸⁴. Принятие такого решения объяснялось как близостью фронта к территории Крыма, фактически находившегося в зоне военного управления, так и поступавшими на полуостров распоряжениями рейхсминистра А. Розенберга и рейхскомиссара Э. Коха, запрещавшими работу большинства учреждений образования. Отметим, что с формальной стороны административная принадлежность полуострова была не совсем определенной. По замыслам руководителей рейха, в будущем Крым должен был стать протекторатом Германии и находиться под прямым контролем Берлина. На деле, несмотря на многие распоряжения руководства рейхскомиссариата «Украина», весь период оккупации реальная власть на полуострове принадлежала командующему войсками вермахта в Крыму³⁸⁵.

В течение 1942 года активисты из числа крымской интеллигенции предпринимали попытки организации различного рода высших учебных курсов, открытие которых допускалось на территории рейхскомиссариата «Украина». Весной 1943 года вновь

активно начали обсуждаться вопросы, связанные с открытием Крымского университета.

3 марта 1943 года на совместном заседании профессорско-преподавательского состава и местных властей выступил городской голова Симферополя профессор Л.С. Севастьянов. Ссылаясь на договоренность с германскими властями, он сообщил о скором открытии вуза в составе трех факультетов – медицинского, инженерного и агрономического. На деканов факультетов возлагались обязанности по составлению учебных программ и планов преподавания, подбору сотрудников, подготовке помещений для теоретических и практических занятий, сбору литературы и учебных пособий, набору студентов. Однако к дате открытия университета, 1 апреля 1943 года, была подготовлена только часть документов инженерного факультета³⁸⁶.

Одной из причин того, что высшее учебное заведение в Крыму в период оккупации так и не приступило к работе, являлась уже явно ощущавшаяся к 1943 году нехватка специалистов для работы в университете. Многие находившиеся в городе сотрудники медицинского института работали в лечебных учреждениях для населения. Бывший заведующий кафедрой глазной клиники Крымского медицинского института профессор Арсений Александрович Бельский (1875 – не ранее 1943) работал в Первой городской больнице Симферополя в качестве специалиста по глазным заболеваниям³⁸⁷. Его дальнейшая судьба остается неизвестной и в наши дни.

Бывший заведующий кафедрой и клиникой психиатрии медицинского института, заслуженный врач РСФСР, профессор Наум Исидорович Балабан (1889–1942) являлся главным врачом (по другим данным – заведующим медицинской частью) психиатрической больницы в Симферополе. С началом оккупации под видом выздоровевших выписывал из больницы пациентов, которые могли быть уничтожены нацистами. Укрывал на территории психиатрической больницы, подделывал документы и выписывал находившихся в городе евреев, сумев спасти в общей сложности несколько сотен человек. Пытаясь воспрепятствовать массовому уничтожению психически больных людей оккупантами, вместе с женой остался со своими пациентами и погиб в марте 1942 года³⁸⁸.

Заведующий кафедрой оториноларингологии профессор Александр Алексеевич Потапов (1894–1944) в период оккупации активно оказывал медицинскую помощь партизанам и подпольщикам

Крыма. Был схвачен и казнен гитлеровцами в марте 1944 года³⁸⁹. Активно помогали местным жителям, спасали советских пленных, были связаны с партизанами и другие сотрудники мединститута, некоторые из которых поплатились за это жизнью. Пострадал от действий оккупантов и сам медицинский вуз: за время оккупации основной учебный корпус и другие его здания были разрушены.

Крымский государственный медицинский институт, эвакуировавшись по маршруту Симферополь – Армавир – Тбилиси – Красноводск – Джамбул – Армавир – Орджоникидзе – Баку – Красноводск – Кзыл-Орда, практически не прекращал своей деятельности. В период с июня 1941 по июль 1944 года институт подготовил 850 врачей. К началу 1944/45 учебного года вуз вернулся в Симферополь. Несмотря на колоссальные трудности, работа института на прежнем месте была восстановлена. После реэвакуации в вузе числилось всего 250 студентов, однако в довольно короткие сроки их количество возросло до 1000. Вернувшиеся из эвакуации сотрудники вуза, к которым добавились остававшиеся в городе специалисты, образовали крепкий коллектив. Весной 1945 года в его составе было 22 профессора, в том числе 20 докторов наук³⁹⁰.

Ростовский медицинский институт осуществил в июне 1941 года плановый выпуск студентов-пятикурсников, а в августе 1941 года после ускоренного курса обучения – выпуск учащихся четвертого курса. Эти два выпуска вошли в летопись вуза как один – «огненный» выпуск, в результате которого дипломы врачей получили около 1360 специалистов, среди которых были выпускники лечебного и педиатрического факультетов³⁹¹. Подавляющее большинство молодых врачей было призвано в ряды Красной Армии. Забегая вперед, отметим, что две трети из них впоследствии были удостоены правительственных наград.

С приближением фронта медицинский институт эвакуировался из Ростова-на-Дону, причем происходило это дважды. В ноябре 1941 года сотрудники и студенты вуза покинули город и направились в Томск. Предписание Наркомздрава об эвакуации было получено с опозданием, и в условиях отсутствия транспорта люди выбиралась из Ростова-на-Дону самостоятельно. Улучшение военной обстановки позволило многим из них вернуться и продолжить работу и учебу в стенах института.

В июле 1942 года началась вторая эвакуация вуза, проходившая в экстремальных условиях. В результате сложившейся об-

становки преподаватели и студенты Ростовского медицинского института оказались в разных городах страны. Так, например, заведующий кафедрой госпитальной хирургии педиатрического факультета профессор Т.Е. Гнилорыбов в период оккупации Ростова-на-Дону работал на Кавказских Минеральных Водах. Вместе с ним находилась воспитанница клиники профессора Н.А. Богораз Р.Ф. Акулова-Руднева³⁹². Значительная часть коллектива вуза добралась до города Куйбышева (ныне – Самара). Осенью 1942 года на базе расформированной военно-медицинской академии был воссоздан Куйбышевский медицинский институт, в составе которого продолжили работу и сотрудники Ростовского вуза. На некоторое время институт был передислоцирован в город Самарканд Узбекской ССР. 1 июля 1943 года Куйбышевский мединститут осуществил первый военный выпуск в количестве 112 врачей. Работа медицинского института в Ростове-на-Дону была прервана на долгих 2 года³⁹³.

В декабре 1942 года, по сообщению оккупационной прессы, в Ростове-на-Дону впервые с момента захвата города врагом «в присутствии членов медицинского и биологического факультетов» состоялось научное заседание Ростовского университета. На нем с докладом о работе Ростовского общества антропологии и анатомии за 25 лет выступил доктор медицинских наук, профессор К.З. Яцута. С докладом о сравнительной анатомии мышц задних конечностей млекопитающих выступил ассистент А.В. Лерхе³⁹⁴.

Константин Захарьевич Яцута (1876–1953) – основоположник Ростовской школы анатомов, возглавлявший в период с 1917 по 1942 год кафедру нормальной анатомии Ростовского медицинского института. В 1924 году входил в состав специальной экспертной комиссии по осмотру и приему тела В.И. Ленина после балъзамирования. С апреля 1942 по апрель 1944 года находился в лагере для перемещенных лиц около Бреслау. Затем проживал в Вене, работая в Анатомическом институте Венского университета, затем перебрался в Мюнхен. Последние годы проживал в Аргентине³⁹⁵.

Попыток открытия медицинского вуза в оккупированном Ростове-на-Дону германскими властями не предпринималось. Причинами этого являлись отсутствие материальной базы, сотрудников и студентов, а также близость фронта. В результате оккупации полному разрушению подвергся теоретический корпус института, было уничтожено имущество многих кафедр. Практически полно-

стью были разрушены клиники вуза, уникальные музеи анатомии и судебной медицины, огромный ущерб нанесен научной библиотеке.

После освобождения Ростова-на-Дону в феврале 1943 года вследствие невозможности быстрого восстановления было решено перевести институт в Орджоникидзе (в настоящее время – Владикавказ), продолжив его работу на базе Северо-Осетинского медицинского института. Возвращение вуза в Ростова-на-Дону состоялось лишь в декабре 1943 года³⁹⁶.

Что касается *учреждений среднего профессионального образования*, осуществлявших подготовку медицинских кадров на территории европейской части РСФСР, подвергшейся вражеской оккупации, то сведений об их деятельности в данный период немного. О географии расположения этих учебных заведений, количество которых составляло несколько десятков, можно судить на основании данных послевоенного времени³⁹⁷. До захвата территории региона противником на базе многих из них продолжала осуществляться подготовка медицинских кадров, а также были развернуты эвакогоспитали по лечению советских воинов. С началом оккупации их функционирование было прервано, возобновившись лишь после освобождения территории войсками Красной Армии.

Так, Брянская фельдшерско-акушерская школа, давшая стране в период с 1923 по 1941 год более 1600 фельдшеров, медицинских сестер, помощников санитарных врачей, в августе 1941 года в ускоренном порядке выпустила 150 молодых специалистов и в связи с приближением фронта прекратила работу. Возобновила свою деятельность она в январе 1944 года, когда были сформированы две группы первокурсников и объединенная группа учащихся, ранее окончивших 1-й и 2-й курсы школы. В 1945 году в ней прошел очередной выпуск учащихся³⁹⁸.

Курская фельдшерско-акушерская школа после начала войны произвела несколько плановых и ускоренных выпусков. Дипломы специалистов получили около 550 выпускников, подавляющее большинство которых ушли на фронт в качестве санинструкторов и военфельдшеров. В период оккупации школа не функционировала, возобновив свою деятельность после освобождения города от врага 1 апреля 1943 года. Долгое время она не имела постоянного здания и неоднократно меняла свое месторасположение. После восстановления Курского медицинского института фельд-

шерско-акушерская школа была переведена в его помещение, где находилась вплоть до 1956 года³⁹⁹. По другим данным, возобновившее свою работу 11 марта 1943 года в Курске медицинское училище функционировало как фельдшерско-зубоврачебная школа. В 1946 году учебное заведение было переименовано в фельдшерско-акушерскую школу⁴⁰⁰.

Находившаяся в городе Льгове Курской области фельдшерская школа, осуществившая свой первый выпуск в 1937 году, готовила специалистов на трех отделениях – акушерском, фельдшерском и отделении ясельных сестер. В октябре 1941 года в связи с оккупацией города германскими войсками была закрыта. В период оккупации, наряду с другими учреждениями образования и социальной сферы, была разрушена. В последующие годы при Льговской районной больнице действовали 1-годичные курсы медицинских сестер. Лишь в 1966 году в городе было открыто медицинское училище⁴⁰¹.

В оккупированном Смоленске в здании фельдшерской школы германские власти устроили «госпиталь» для пленных красноармейцев и местного населения. В переполненных людьми помещениях в антисанитарных условиях, без надлежащего ухода в период с 20 июля 1941 по 25 сентября 1943 года содержались тысячи «пациентов». За это время от ранений, болезней, голода и холода погибло более 25 тысяч человек. После окончания оккупации их тела были обнаружены в непосредственной близости от фельдшерской школы⁴⁰². Местом пыток и расправ в период оккупации являлось здание медицинского училища в городе Болхове Орловской области⁴⁰³.

В построенном в 1941 году здании фельдшерско-акушерской школы в городе Шахты Ростовской области с началом войны размещался эвакогоспиталь. Во время боевых действий здание школы было разрушено, а занятия прерваны. Возобновление работы школы произошло после освобождения территории области от оккупантов⁴⁰⁴.

В то же время некоторые учреждения профессионального образования действовали на территории Крыма. Только в Симферополе к концу 1942 года подготовку медицинских специалистов осуществляли зубоврачебная и химико-фармацевтическая школы⁴⁰⁵.

Таким образом, можно констатировать, что на большей части оккупированной германской армией территории РСФСР работа

медицинских образовательных учреждений налажена не была, а подготовка специалистов высшего и среднего звена для учреждений медицины не производилась. Некоторое исключение составляла территория Крыма, где предпринимались попытки открытия высшего учебного заведения, а также действовали некоторые учреждения среднего медицинского образования.

3.2. Деятельность медицинских вузов и школ на Юге России в период битвы за Кавказ 1942–1943 гг.

Иначе складывалась ситуация в захваченных врагом районах Северного Кавказа. Количество медицинских учебных заведений в этом регионе накануне войны заметно увеличилось. Долгие годы одним из главных центров подготовки врачебных кадров здесь являлся Ростов-на-Дону. С 1915 года в его университете действовал медицинский факультет, ставший в 1930 году отдельным институтом. С 1920 года медицинский вуз действовал в Краснодаре, с 1932 года – в Махачкале, с 1938 года – в Ставрополе, с 1939 года – в Орджоникидзе⁴⁰⁶.

В числе медицинских учебных заведений среднего образования на Северном Кавказе функционировали Краснодарская, Адыгейская, Армавирская, Горская в Орджоникидзе, Дагестанская, Карачаевская, Черкесская и Кисловодская фельдшерско-акушерские школы, фельдшерско-акушерская и фармацевтическая – в Пятигорске, фельдшерско-акушерские и зубоврачебные – в Нальчике и Грозном, фельдшерская – в Кизляре, акушерско-сестринская – в Ейске, школы медицинских сестер в Кропоткине, Новороссийске и др. В результате формирования сети медицинских учебных заведений началось систематическое пополнение лечебных учреждений кадрами, знакомыми с местной спецификой.

С началом войны медицинские образовательные учреждения региона, как правило, приняли в свои ряды сотрудников и студентов учебных заведений с подвергшихся оккупации и прифронтовых территорий. Фронту срочно требовались медицинские специалисты, и срок их обучения был сокращен. Нередко учебные заведения стали центрами научной работы, также осуществлявшейся в интересах фронта. Многие их преподаватели и студенты работали в эвакуогоспиталях Северного Кавказа – сво-

еобразной госпитальной базы Красной Армии. Ситуация кардинально изменилась в августе 1942 года, когда регион подвергся вражеской оккупации.

В отличие от других оккупированных районов России в ряде случаев на Северном Кавказе оккупантами были предприняты попытки открытия медицинских образовательных учреждений. Добиваясь лояльности местного населения, в том числе горских народов, кубанского и терского казачества, руководство нацистской Германии стремилось к скорейшему достижению военно-политических и экономических целей на Кавказе. Богатый разнообразными ресурсами регион в будущем мог стать также туристическим и курортным центром. Наличие подготовленных медицинских кадров не противоречило, а отчасти вполне отвечало всем этим планам.

Вскоре после произошедшего 3 августа 1942 года захвата Ставрополя новые власти сообщили о скором возобновлении работы местного медицинского института. Уже 11 августа 1942 года в оккупационной газете «Русская правда» была размещена информация: «Городское Управление разрешило вопрос о финансировании Ставропольского медицинского института. Учебный год в нем предполагается начать с 1 сентября. Сейчас работники института приводят в порядок оборудование и имущество кафедр и клиник»⁴⁰⁷.

Медицинский институт в Ставрополе, который накануне войны был одним из самых молодых в стране, приступил к занятиям в сентябре 1938 года. К лету 1942 года студенты первого набора завершали обучение на четвертом курсе. С учетом сокращения сроков обучения ввиду военного времени они готовились к сдаче государственных экзаменов и выпуску в августе.

С июля 1941 года институт пополнился сотрудниками и студентами медицинских вузов Украины и западной части России. В августе 1941 года на основании телеграфного распоряжения от 21 августа 1941 года НКЗ СССР и Председателя ВКВШ при СНК СССР в Ставрополь со своей материальной базой был эвакуирован Днепропетровский медицинский институт, в составе которого было 96 сотрудников и около 400 студентов⁴⁰⁸.

В связи с наплывом обучающихся в 1941/42 учебном году на четырех курсах института проходили обучение 1929 студентов, функционировали 33 кафедры⁴⁰⁹. Что касается преподавательско-

го состава института, то непосредственно к моменту эвакуации он состоял из: заведующих кафедрами – 33; профессоров, докторов наук – 28, профессоров кафедр – 7, доцентов кафедр – 16, ассистентов – 78⁴¹⁰. В костяк профессорско-преподавательского состава входили представителями Ворошиловского и Днепропетровского медицинских институтов. Должность директора института сохранил П.В. Полосин, а директор Днепропетровского вуза М.М. Тростанецкий стал его заместителем⁴¹¹.

На первом объединенном заседании ученого совета двух вузов выступил профессор Ф.М. Бриккер: «Мы, днепропетровцы, сегодня явились свидетелями переворота в истории. Мы пришли сюда с тяжелым сердцем, покрытые трауром жертв, не как отдельные граждане, а как коллектив большого крепкого медицинского института для того, чтобы продолжать работу. Мы приехали сюда обремененными, стимулированные помогать государству ковать окончательную победу над общим врагом»⁴¹².

Ворошиловский медицинский институт, испытывавший и до оккупации проблему нехватки учебных площадей, был уплотнен до предела. Вместе с тем, развернутые в городе военные госпитали расширили клиническую базу вуза.

Первый в истории вуза выпуск был осуществлен буквально перед оккупацией города. Согласно справке о состоянии и работе Ставропольского медицинского института во время Великой Отечественной войны за подписью директора института П.В. Полосина, составленной в сентябре 1944 года, первый выпуск врачей институт состоялся без государственных экзаменов накануне эвакуации 2 августа 1942 года в количестве 319 человек⁴¹³. В тексте приказа по Ворошиловскому медицинскому институту № 205-А от 27 июля 1942 года названы имена 342 выпускников. Кроме того, в архиве СтГМУ имеется и дополнительный список лиц, получивших дипломы врачей в 1942 году. С учетом этого общее количество студентов, окончивших институт, составляет 389 человек⁴¹⁴. Отсутствие однозначной информации о количестве выпущенных вузом в 1942 году врачей объясняется тем, что при его эвакуации, согласно акту обследования архива института от 31 мая 1944 года, погибли списки выпускников и картотека студентов⁴¹⁵.

В связи с наступлением немецко-фашистских войск на южном фланге фронта летом 1942 года медицинские вузы юга России и Северного Кавказа подлежали эвакуации в тыловые районы стра-

ны. По решению местных властей Ворошиловский медицинский институт должен был эвакуироваться на станцию Аполлонская Орджоникидзевского (с января 1943 года – Ставропольского) края. По воспоминаниям очевидцев, по плану для эвакуации вуза выделялось два железнодорожных состава. Семьи преподавателей получили соответствующие предписания, однако покинуть город большинству из них не удалось. Вся железнодорожная линия на Баку была переполнена эшелонами с оборудованием эвакуируемых предприятий и беженцами. Образовавшаяся пробка одновременно препятствовала подвозу войск и боеприпасов к линии фронта. Работая с предельным напряжением, железная дорога была не в состоянии пропустить все составы, и они стояли на запасных путях, дожидаясь своей очереди⁴¹⁶.

Первый железнодорожный состав для эвакуации преподавателей института был подан на вокзал 3 августа 1942 года, за несколько часов до захвата Ставрополя врагом. Однако вскоре после отправки эшелон подвергся налету авиации врага и был остановлен под станцией Палагиада в 5 километрах от города. Значительная часть сотрудников института, побросав свои личные вещи, пешком вернулись в город, в который к тому времени уже входили немецкие войска. Некоторые все-таки смогли пробраться за линию фронта, значительной части это не удалось.

На автомобильном транспорте, что соответствовало положению об эвакуации, смогла покинуть город группа руководящих сотрудников института. В ее задачи, помимо прочего, входила организация вывоза документации вуза, а при невозможности – ее уничтожение. Согласно докладной записке директора института П.В. Полосина, составленной после окончания оккупации, из числа профессорско-преподавательского состава эвакуироваться смогли 25 человек: директор института П.В. Полосин, заместитель директора М.М. Тростанецкий, профессора М.Б. Голомб, И.С. Слуцкий, М.Т. Фридман, Б.Г. Векснер, И.С. Мильман, А.В. Заславский, И.Ф. Каплан, И.А. Бейлин, Я.А. Лазарис, Д.А. Цуверкалов, Ю.А. Петровский, С.С. Познанский, Б.М. Шкляр, И.Я. Штрум, доценты В.Л. Гербицкий, М.П. Деревягин, Л.М. Кульберг, Ф.И. Трахтенберг, старшие преподаватели И.С. Файтельсон, И.С. Туркенич, ассистенты Н.Н. Савченко, Н.Г. Кондракова, А.А. Мирская⁴¹⁷. Судя по архивным документам, многие из этих людей находились в упомянутом выше поезде, потеряли там свое

имущество⁴¹⁸, а затем пробирались на неоккупированную территорию пешком.

Изучение биографических данных эвакуировавшихся лиц позволило составить географию тех мест, где оказались представители Ставропольского медицинского института в период оккупации. Так, профессор-эпидемиолог С.С. Познанский работал начальником городской противоэпидемической станции в Ташкенте, профессор М.Б. Голомб был заведующим кафедрой детских болезней в городе Кзыл-Орда в Крымском медицинском институте, а профессор Б.Г. Векснер в звании майора медицинской службы занимал должность старшего инспектора лечебного отделения МЭП № 60, расположенного в Ташкенте. Доцент М.П. Деревягин работал на кафедре патологической физиологии Курского медицинского института, эвакуированного в Алма-Ату, доцент Л.М. Кульберг – на кафедре химии в Челябинске в Киевском медицинском институте. Значительная часть сотрудников обосновалась в Фергане, где они влились в состав 4-го Московского медицинского института. Среди них: директор института П.В. Полосин, заместитель директора М.М. Тростанецкий, профессор Я.А. Лазарис, доцент В.Л. Гербильский и некоторые другие. Кроме того, по словам самого П.В. Полосина, часть сумевших эвакуироваться сотрудников института во время оккупации Ставрополя работала в других институтах СССР и военных госпиталях⁴¹⁹.

Трагедией закончилась попытка выйти из города одной из групп сотрудников института. Эти люди попали в руки оккупантов в Пятигорске и Кисловодске и там были уничтожены. В их числе находились: В.В. Браиловский – профессор кафедры психиатрии с женой и сыном, Р.А. Булгач – доцент по курсу туберкулеза, И.А. Цымбалова – ассистент кафедры инфекционных болезней с ребенком, Р.Р. Варшавская – ассистент кафедры глазных болезней с ребенком, Т.Г. Горовиц – лаборантка кафедры с сестрой, ребенком и отцом⁴²⁰.

Следует отметить, что эвакуация учебно-вспомогательного персонала вуза, судя по всему, организована не была. Так, лаборант кафедры микробиологии О.Н. Мушаилова с двумя сыновьями пыталась эвакуироваться из города на подводе. По воспоминаниям одного из сыновей, из района Невинномысска им пришлось вернуться в Ставрополь, так как там уже были немцы⁴²¹.

Что касается эвакуации студентов и выпускников института, то в сложившихся условиях она спланирована не была. Молодые люди принимали решение о выходе из города самостоятельно. Так, своим ходом покинули Ставрополь студенты С.Я. Шварцман, И.Т. Виленский, выпускник института Х.Н. Хатламаджиев со своим товарищем⁴²². Некоторые из выпускников успели до начала оккупации попасть в ряды РККА, будучи мобилизованными городским военным комиссариатом. Они покинули город в составе воинских команд. Другие, выбравшись из Ставрополя, были призваны уже Моздокским РВК⁴²³. Многие студенты и выпускники, прежде всего – из числа местных жителей, остались в оккупации. Среди них, например, были студенты 4 курса И.Я. Заболотный и С.А. Крылова, студентка 2 курса Н.М. Тер-Нерсисянц (в замужестве – Бегларянц), выпускница С.С. Островская и многие другие.

Данных об эвакуации оборудования медицинского института в архивных документах обнаружить не удалось. Напротив, по информации об убытках, понесенных вузом во время оккупации, можно сделать вывод, что основная часть оборудования на момент захвата города немцами продолжала находиться в институте. 3 августа 1942 года учебный корпус вуза и все вспомогательные служебные помещения, расположенные по адресу: улица Кагановича (ныне Морозова), № 6-8, вместе с прилегающей территорией были заняты немецкими танковыми частями⁴²⁴.

Захватив город, немцы в первую очередь взяли на учет лиц, владевших определенными специальностями, в том числе медицинскими. Утром 5 августа 1942 года в управу для регистрации должны были явиться врачи, фельдшеры, младший медицинский персонал, лица, владевшие немецким языком, а также отвечавшие за сохранность государственного имущества⁴²⁵. Затем немецкие власти обязали всех граждан в возрасте от 18 до 55 лет зарегистрироваться на бирже труда. Имевшим работу предписывалось явиться на свои прежние места⁴²⁶.

Одновременно оккупанты организовали «учёт» еврейского населения, завершившийся проведением нескольких карательных акций. 12 августа 1942 года на Ярмарочной площади недалеко от железнодорожного вокзала по приказу властей было собрано более 3,5 тысячи «иногородних» евреев, прибывших в город после 22 июня 1941 года. Практически все они под видом эвакуации на Украину, «в места, свободные от населения, которые возникли в

связи с военными действиями»⁴²⁷, были вывезены в район Казенного леса и расстреляны. 14 августа нацисты обязали явиться к зданию гестапо для регистрации и получения нарукавных повязок местных евреев. Более 600 собравшихся следующим утром были вывезены в район аэродрома и Таманского леса и расстреляны⁴²⁸.

В результате проведенных гитлеровцами в августе–сентябре 1942 года акций погибли многие сотрудники и студенты медицинского института. Согласно акту комиссии по учету убытков, причиненных немецко-фашистскими оккупантами Ставропольскому медицинскому институту, в числе лиц, уничтоженных при «эвакуации» и «регистрации» еврейского населения, были следующие сотрудники Ставропольского медицинского института: профессор кафедры нормальной анатомии Р.И. Полонская с отцом и матерью, доцент кафедры биологии Л.Б. Каменко с женой П.Г. Каменко – старшим лаборантом кафедры гистологии – и дочерью, доцент кафедры госпитальной терапии Р.М. Майзелиш, ассистент кафедры общей химии Э.А. Блехман с отцом, ассистент кафедры оперативной хирургии С.И. Идашкина, ассистент кафедры факультетской терапии Э.М. Гаркави с мужем и сыном, ассистент кафедры нервных болезней М.И. Лидерман с женой, матерью и ребенком, сестра ассистента кафедры глазных болезней Ц.И. Линецкой, ординатор факультетской терапии Р.М. Гуревич с ребенком, лаборантка кафедры физики Л.И. Жукова с двумя детьми, препаратор кафедры биохимии Э.С. Якобсон. При тех же обстоятельствах погибли члены семей сотрудников института: мать жены профессора И.А. Бейлина; жена, сын, отец и мать ассистента В.М. Левина; жена профессора С.К. Соловьева; жена ассистента С.Г. Горовиц с ребенком и матерью; мать доцента В.Л. Гербильского; отец преподавателя И.С. Туркенич. Несколько человек, не явившихся на «регистрацию», скрывались в окрестностях города, но позже были схвачены гестапо и уничтожены: профессор кафедры глазных болезней Я.Г. Замковский, ассистент кафедры терапии М.М. Гойхман, доцент кафедры биохимии Я.И. Бляхер, ассистент кафедры гинекологии А.И. Равикович, председатель студенческого профкома института И.Я. Заболотный.

Некоторые сотрудники вуза не погибли вместе с другими евреями в августе 1942 года. В их числе были заведующий кафедрой патологической физиологии профессор Ф.М. Бриккер, заведующий кафедрой факультетской терапии профессор Я.С. Шварц-

ман, заведующий кафедрой микробиологии профессор Г.С. Барг, профессор кафедры общей терапии Н.М. Безчинская, профессор кафедры госпитальной хирургии А.Б. Френкель, доцент кафедры факультетской хирургии И.М. Фишельсон, доцент кафедры психиатрии Т.М. Виленский, доцент кафедры кожно-венерических болезней И.А. Люблинский, ассистент кафедры госпитальной терапии Х.А. Люблинская. Некоторым из перечисленных научных работников было предложено продолжить исследовательскую работу под надзором оккупантов. Позже вся группа уцелевших сотрудников вуза и их родственников была уничтожена ядовитыми газами в машинах-«душегубках». Общее число жертв составило 72 человека, в том числе 33 сотрудника вуза, а также члены их семей и студенты⁴²⁹.

Повышенное внимание германские власти проявили к работам профессоров Ф.М. Бриккера и Я.С. Шварцмана. В них исследовались вопросы лечения онкологических заболеваний и изготовления миоля – лекарства для лечения болезней сердца. Временное сохранение гитлеровцами жизни нескольким ученым-евреям с целью продолжения ими научной работы в интересах Германии получило в кругах исследователей название «случай Ставропольского мединститута»⁴³⁰. Ввиду важности исследований патофизиолога профессора Ф.М. Бриккера 4 мая 1943 года в вузе была создана комиссия, целью работы которой было сохранение оставшегося после его смерти научного наследия. Изучив сохранившиеся материалы, комиссия предложила кафедре патологической физиологии продолжить работу, начатую профессором Бриккером в области изготовления препарата селезенки «Спленин», всесторонне проверив действие данного препарата в клинических условиях при участии других кафедр вуза⁴³¹. В целом следует признать, что многие результаты научной деятельности этих ученых были утрачены для отечественной науки.

Согласно письменному заявлению жителя города Ставрополя Л.И. Виленского, которое хранится в музее истории Ставропольского государственного медицинского университета, вместе с его дедушкой Т.М. Виленским погибла и бабушка – М.З. Виленская, ассистент кафедры психиатрии, а также их младший сын⁴³². В акте комиссии по учету убытков, причиненных Ставропольскому медицинскому институту, отсутствовали фамилии и некоторых погибших студентов. Изучение других источников позволило выя-

вить гибель студентки вуза М.Г. Штилер с семьей⁴³³, выпускницы 1942 года С.С. Островской с матерью⁴³⁴. Несколько студенток института, по свидетельству очевидцев, погибли от разрыва бомбы во время захвата города германской армией⁴³⁵, правда, их имена остались неизвестными. В значительной мере следствием войны и оккупации региона стала смерть в захваченном врагом Ставрополе заведующего кафедрой пропедевтики внутренних болезней профессора Д.Ф. Окунева⁴³⁶, а также эвакуировавшегося в Среднюю Азию заведующего кафедрой общей хирургии профессора М.Т. Фридмана⁴³⁷.

В то же время, несмотря на массовое уничтожение еврейского населения, некоторым сотрудникам института удалось спастись. Избежала гибели доцент кафедры гистологии П.С. Ревуцкая⁴³⁸. Проявив смелость и взаимовыручку, в течение нескольких месяцев ее прятала у себя дома лаборант кафедры Е.Д. Дурниченко. Около двух месяцев скрывался со своей семьей в селе Михайловском ассистент кафедры физики В.М. Левин. Однако 12 октября 1942 года его жена, сын, отец и мать были схвачены гитлеровцами и расстреляны, в то время как сам Левин находился на работах по строительству шоссейной дороги. При задержании он выдал себя за военнопленного, скрыл свою национальность и уцелел⁴³⁹.

Некоторое время погибшей считалась ассистент кафедры гигиены Ц.И. Линецкая⁴⁴⁰. В действительности во время карательной акции погибла ее старшая сестра, работавшая врачом. Сама Ц.И. Линецкая находилась в период оккупации на территории края и после его освобождения продолжила работать в вузе⁴⁴¹. Позднее, 7 июля 1943 года, она была арестована «за проведение антисоветской агитации в период временной оккупации» края и в течение 8 лет отбывала наказание в ИТЛ. Заключение прокуратуры края от 3 марта 1993 года Ц.И. Линецкая была реабилитирована⁴⁴².

Уничтожение нацистами большого количества сотрудников медицинского института явилось основной причиной того, что намеченное на сентябрь 1942 года открытие вуза не состоялось. В числе погибших было 8 профессоров, 7 доцентов, 18 ассистентов, а также ряд других сотрудников⁴⁴³. На 33-х действовавших до оккупации кафедрах института оставалось лишь 7 заведующих кафедрами, 3 доцента и старших преподавателя, 40 преподавателей и ассистентов⁴⁴⁴. Этого количества было явно недостаточно для восстановления в короткий срок учебного процесса в вузе. В ре-

зультате подготовительный период вместо нескольких недель занял несколько месяцев.

Для подготовки института к работе в августе 1942 года исполняющим обязанности директора был назначен профессор Алексей Николаевич Полонский, ранее заведовавший кафедрой общей химии. Под его руководством в вузе работали канцелярия, инвентаризационная комиссия, а позднее – медико-аналитическая лаборатория. Канцелярия осуществляла документооборот, что подтверждается рядом сохранившихся документов кадрового характера, представляющих собой заявления сотрудников и студентов вуза. Первый из них датирован 29 августа 1942 года⁴⁴⁵, последний – 2 января 1943 года⁴⁴⁶.

В задачи инвентаризационной комиссии входил учет материальных активов вуза. При этом оккупанты преследовали две цели. Во-первых, ими осуществлялся отбор наиболее ценного оборудования, литературы, научной документации для вывоза в Германию. Такая возможность у немцев появилась уже 15 августа 1942 года, когда из Германии в Ставрополь стали прибывать немецкие эшелоны по отремонтированной железной дороге⁴⁴⁷. Во-вторых, инвентаризация была необходима для организации будущего учебного процесса.

Медико-аналитическая производственная лаборатория приступила к работе в конце сентября – начале октября 1942 года. До ее открытия, в начале сентября 1942 года, сотрудники института предлагали открыть на его базе поликлинику⁴⁴⁸, но это предложение не было реализовано. Производственная лаборатория принимала заявки лечебных учреждений, предприятий и отдельных граждан, осуществляя на возмездной основе проведение медицинских, санитарно-гигиенических и химических анализов воды, продуктов, материалов, сырья. Кроме того, в лаборатории намечалось организовать выпуск витаминных экстрактов и лекарств⁴⁴⁹. Функционирование в вузе медико-аналитической лаборатории подтверждает Н.М. Бегларянц, выпускница Ставропольского медицинского института 1945 года. Устроившись в лабораторию препаратором, в течение двух месяцев она занималась мытьем пробирок. За работу она получила мизерную плату, которой хватило, по ее словам, на покупку куска мыла⁴⁵⁰.

Сотрудниками инвентаризационной комиссии, а также медико-аналитической лаборатории, которым были положены хлебные

карточки по 4-й категории, по состоянию на ноябрь 1942 года, помимо профессора А.Н. Полонского, были профессора М.И. Захаров (старший инвентаризатор), Е.М. Скублевский (старший инвентаризатор), М.В. Дониц (заместитель директора), А.Т. Петряева (профессор), доценты Г.Е. Батрак (инвентаризатор), И.Н. Сухотеплый (инвентаризатор), Т.А. Лобова (доцент лаборатории), А.Ф. Платонова-Петровская (доцент лаборатории), А.Т. Салата (доцент лаборатории). После гибели профессора А.Н. Полонского лабораторию возглавил профессор М.В. Дониц⁴⁵¹.

Судьба профессора Алексея Николаевича Полонского трагична. Пытаясь спасти ассистента своей кафедры И.И. Эрлих и ее мать С.Я. Эрлих от уничтожения как лиц еврейской национальности, А.Н. Полонский перешел жить в их семью в качестве фиктивного мужа Ирины Иосифовны Эрлих. Однако через некоторое время обман раскрылся. Все трое были арестованы и расстреляны. Информацию о смерти профессора А.Н. Полонского после освобождения города сообщили его настоящей семье люди, работавшие в похоронной команде. 31 марта 1943 года родственникам профессора Полонского в связи с его гибелью была выдана справка за подписью директора института П.В. Полосина: «Настоящим Мединститут подтверждает, что, по имеющимся в Мединституте сведениям, исполнявший обязанности Директора Мединститута во время немецкой оккупации с 3-го августа 1942 года по 21 января 1943 года профессор Полонский Алексей Николаевич погиб от фашистских зверств»⁴⁵².

Среди сотрудников и учащихся вуза были и другие жертвы. Студент 3 курса Ф.Е. Скублевский работал в период оккупации переводчиком. При отступлении немцев, став ненужным свидетелем, он был расстрелян. Его тело среди других уничтоженных нацистами граждан обнаружили родители, сотрудники института⁴⁵³. До оккупации – ассистент кафедры терапии, после оккупации – доцент, и.о. завкафедрой пропедевтики внутренних болезней, заведующая терапевтическим отделением городской больницы М.В. Скублевская участвовала в восстановлении лечебных учреждений⁴⁵⁴, вносила средства на строительство танковой колонны⁴⁵⁵. На общем собрании сотрудников и студентов вуза она пыталась оправдать сотрудничество сына с оккупантами необходимостью помощи партизанам. Но, не встретив поддержки у коллектива института, супруги Скублевские, «в связи со сложившейся для них

обстановкой в результате оккупации», в октябре 1943 года уволились из института и уехали из города⁴⁵⁶.

В научном журнале «Известия СОИГСИ» опубликован документ из фондов ЦГА ИПД РСО-А, подготовленный И.Т. Цотиевой, из которого следует, что супруги Скублевские после войны работали в г. Орджоникидзе: М.В. Скублевская – заведующей кафедрой внутренних болезней Северо-Осетинского мединститута, а Е.М. Скублевский – заведующим кафедрой физики горно-металлургического института. В документе выдвинуто обвинение против Ефима Михайловича, который, будучи на оккупированной территории, «работал на немцев, печатал научные труды в фашистской прессе»⁴⁵⁷. Других преступлений с его стороны против советской власти, кроме публикации научных работ, не отмечено, видимо, поэтому Скублевский продолжал работать в вузе.

Ворошиловская городская больница, являвшаяся основной клинической базой института, во время оккупации продолжала работать. Хирургическое отделение больницы возглавлял заведующий кафедрой общей хирургии института профессор П.М. Ковалевский⁴⁵⁸. Ее терапевтическим отделением заведовал ассистент терапевтической клиники медицинского института Е.Ф. Симфоров⁴⁵⁹. Работали также операционное, инфекционное, родильное и другие отделения больницы. В ортопедическом отделении детского интерната продолжал работать выдающийся ставропольский врач М.С. Макаров – будущий заведующий кафедрой ортопедии и травматологии, доктор медицинских наук, профессор, удостоенный в 1966 году ордена Ленина⁴⁶⁰.

В то же время в условиях отсутствия занятий в институте некоторые его сотрудники и студенты самостоятельно покинули регион и вернулись на прежнее место жительства в другие захваченные врагом районы страны. В оккупированный Днепропетровск выехали заведующий кафедрой акушерства и гинекологии профессор А.В. Хохлов, профессор кафедры микробиологии С.М. Минервин, доцент кафедры общей терапии Д.Н. Куцыгин, ассистент кафедры патологической анатомии Е.А. Снегуровская, ассистенты кафедры физики А.А. Новицкий и В.Т. Антонов. В Киев уехали заведующий кафедрой патологической анатомии профессор В.В. Лауэр, заведующий кафедрой инфекционных болезней профессор Б.Я. Падалка. В города Украины вернулись некоторые студенты, в частности, Е. Солдатова и К. Бутко⁴⁶¹.

В течение осени 1942 года институт в Ставрополе готовился к возобновлению занятий. Об этом факте со всей очевидностью свидетельствует заметка в оккупационной газете «Утро Кавказа» за 11 декабря 1942 года: «В начале будущего года, по распоряжению Германского Командования возобновляет свою работу Ставропольский медицинский институт. В институте приведены в порядок библиотека, анатомический музей и ряд научных кабинетов. Производится учет оставшихся студентов на первый курс»⁴⁶².

Во второй половине декабря 1942 года в нескольких номерах той же газеты были помещены объявления о возобновлении занятий в вузе и приглашении для регистрации студентов всех курсов, в том числе желающих поступить на 1-й курс. Одновременно приглашались сотрудники для работы в институте как из числа бывших сотрудников, так и ранее в нем не служившие⁴⁶³. В личных делах ряда сотрудников и студентов сохранились заявления этого периода с просьбой о приеме на работу и учебу. В их числе заявление Р.А. Поморцевой о приеме на службу преподавателем английского языка⁴⁶⁴, заявление Т.Г. Волковой о приеме на работу в качестве лаборанта⁴⁶⁵, заявление О.Е. Гаглазовой о приеме на работу на должность лаборанта или библиотекаря⁴⁶⁶, заявление А.И. Суровикиной о приеме на работу в качестве технички⁴⁶⁷, заявление З.С. Леперт с просьбой зачислить ее в число студентов для продолжения образования⁴⁶⁸.

Несмотря на объявленное оккупационными властями начало работы вуза, занятия и в январе 1943 года возобновлены не были. 1 января 1943 года советские войска, перейдя в наступление силами Южного и Закавказского фронтов, заставили гитлеровское командование начать вывод своих войск с Северного Кавказа. 21 января 1943 года город был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. В связи с переименованием Ворошиловска в Ставрополь с января 1943 года институт стал официально именоваться Ставропольским. Открывшись уже 8 февраля 1943 года, он стал первым медицинским вузом на Северном Кавказе, возобновившим свою деятельность после оккупации и принявшим в своих стенах студентов и преподавателей из многих регионов страны.

Уходя из города, оккупанты грабили имущество предприятий и учреждений, личное имущество граждан, поджигали и взрывали здания, обеспечивавшие жизнь в городе. Ими были предприняты

попытки разграбления и уничтожения имущества и помещений медицинского института.

Общий ущерб, нанесенный в период оккупации Ставропольскому медицинскому институту, составил 3 401 100 руб. Стоимость уничтоженного хозяйственного инвентаря и оборудования составила 1 890 025 руб., учебного оборудования и аппаратуры – 279 300 руб., стоимость похищенного личного имущества научных работников – 1 231 680 руб.⁴⁶⁹ По уточненным данным, общие материальные потери института за вычетом потерь Днепропетровского вуза, эвакуация которого состоялась в 1944 году, составили 1 143 550 руб.⁴⁷⁰ Большой ущерб был нанесен клинической базе института. Полному разрушению подверглось здание родильного дома, где размещались клиники акушерства и гинекологии, нервных болезней и факультетской терапии. Частично было расхищено специальное имущество хирургических и терапевтических клиник, располагавшихся в городской больнице, отмечалась пропажа бумаги, наглядных пособий, учебников и учебных пособий.

Ряд сотрудников и студентов института покинул Ставрополь с оккупантами. Выехали из города со своими семьями доцент кафедры оперативной хирургии М.И. Захаров, работавший в инвентаризационной комиссии, старший лаборант кафедры общей химии М.С. Раковская, муж которой работал при немцах в исследовательском институте, преподаватель иностранного языка Е.Ф. Дубенская, немка по национальности, работавшая переводчиком в редакции газеты. Доцент М.И. Захаров позднее был арестован, обвинен в антисоветской агитации и пропаганде, в 1946 году осужден сроком на 7 лет лишения свободы⁴⁷¹.

Покинули город с немцами около 20 студентов 1–3 курсов, которые каким-либо образом сотрудничали с оккупантами: работали медсестрами в немецком госпитале и воинской части, переводчиками в управе и полиции, официантками при немецком штабе, дикторами радиоузла⁴⁷². В то же время покинувший Ставрополь во время оккупации студент 3 курса, член ВЛКСМ Г.Я. Сабадаш, вернувшись в родную Ростовскую область, уже 2 февраля 1943 года был призван в ряды Красной Армии. Старший военфельдшер 4 дивизиона 105 гвардейской артиллерийской бригады лейтенант медицинской службы Григорий Сабадаш с честью выполнял свой долг, был награжден орденами и медалями⁴⁷³.

В период, предшествовавший оккупации Ставропольского края, на его территорию были эвакуированы медицинские вузы Ленинграда, Днепропетровска и других городов. В Кисловодске к лету 1942 года открылся *филиал 1-го Ленинградского медицинского института (ЛМИ)*.

Находясь в блокадном Ленинграде, студенты 1-го ЛМИ с началом 1941/42 учебного года на практике постигали профессию медицинских работников. По воспоминаниям выпускницы вуза М.А. Эстриной, учащиеся 1–2 курсов работали в лечебных учреждениях Ленинграда санитарями, 3-курсники – медсестрами, а старшекурсники трудились в поликлиниках и больницах на правах врачей⁴⁷⁴. Первое время, согласно распоряжению уполномоченного ГКО в Ленинграде А.Н. Косыгина, из перечня эвакуируемых вузов были исключены медицинские. Сотрудники и студенты-медики были зарезервированы для нужд фронта, а также на случай возникновения в Ленинграде эпидемий.

С конца ноября 1941 года стало резко возрастать число больных алиментарной дистрофией. Зимой 1941/42 года они составляли 90–95% поступавших в стационары пациентов. При этом смертность к марту 1942 года достигла почти 38 процентов. К примеру, среди студентов 2 ЛМИ к этому времени восемь человек из десяти страдали дистрофией, десятки сотрудников погибли от бомбежек и умерли от голода⁴⁷⁵.

В сложившейся обстановке остро встал вопрос срочной эвакуации самих студентов и преподавателей медицинских вузов. 31 марта 1942 года было принято решение о частичной эвакуации 1 ЛМИ на Северный Кавказ. В соответствии с распоряжением заместителя председателя СНК СССР Р.С. Землячки из Ленинграда было решено срочно эвакуировать профессорско-преподавательский состав и студентов 1–2 курсов. При этом в городе, согласно решению Ленсовета, были оставлены сотрудники клинических кафедр. В виде исключения, наряду с сотрудниками теоретических кафедр, блокадный город покидали видные ученые и клиницисты, профессора, заслуженные деятели науки РСФСР В.А. Шаак – заведующий кафедрой факультетской хирургии, В.В. Чирковский – заведующий кафедрой глазных болезней, П.А. Останков – заведующий кафедрой психиатрии. Среди студентов были и старшекурсники, ослабленные дистрофией.

В эвакуацию ехали сотрудники и студенты пяти медицинских вузов Ленинграда – 1 и 2 ЛМИ, педиатрического, стоматологического, фармацевтического институтов. Из 1 ЛМИ эвакуировалось 49 человек профессорско-преподавательского состава, 410 студентов и 285 членов их семей⁴⁷⁶. Из 2 ЛМИ эвакуировалось 12 профессоров и преподавателей, а также 320 студентов 1 и 2 курсов⁴⁷⁷. Со студентами Ленинградского педиатрического института эвакуировались профессора В.М. Карасик, М.Н. Вишняков, П.Н. Ласточкин, В.А. Павлов, М.Г. Данилевич, Ю.Л. Кривский, П.О. Эфрусси, доценты З.О. Мичник, И.И. Гутнер, А.И. Савшинский, М.Г. Закс, Е.М. Силаева, М.Я. Слуцкий и ряд преподавателей⁴⁷⁸. В результате начатой 8 апреля 1942 года эвакуации, проходившей сначала по Дороге жизни через Ладожское озеро, а затем по железной дороге, 2 мая 1942 года в Кисловодск прибыл эшелон с сотрудниками и студентами ленинградских медицинских вузов⁴⁷⁹.

Вскоре после прибытия в Кисловодск преподаватели и студенты инициировали вопрос об организации здесь медицинского института. Этому способствовало наличие в городах Кавказских Минеральных Вод преподавателей и студентов медицинских вузов не только из Ленинграда, но и Ростова-на-Дону, Симферополя, Краснодара, Одессы. Согласно постановлению правительства и НКЗ СССР, в Кисловодске было разрешено создать филиал 1 Ленинградского медицинского института. Директором филиала был назначен профессор Н.И. Озерецкий, его заместителем – профессор М.Г. Привес.

К середине июня 1942 года начались занятия со студентами 4 и 5 курсов. В июле к занятиям приступил 3 курс, а также был объявлен набор на 1-й курс⁴⁸⁰. От абитуриентов, большинство из которых не были ленинградцами, было принято 300 заявлений. Группа студентов в количестве более 150 человек была направлена на сельскохозяйственные работы на поля Ставрополя. Значительная часть преподавателей и студентов была привлечена к работе в эвакуогоспиталях. Практически полностью ими был укомплектован эвакуогоспиталь на базе бывшего санатория «Пикет», работали они и в госпиталях на базе бывших санаториев имени Красных партизан, «Горняк», «10 лет Октября» и др. Фронт приближался к Северному Кавказу, и тыловые эвакуогоспитали фактически становились прифронтовыми. По свидетельству не-

мецких источников, эвакуированные в город студенты «учились в чем-то наподобие летнего университета»⁴⁸¹. Это говорит о том, что к моменту захвата гитлеровцами Кисловодска процесс организации филиала до конца не был завершен.

В конце июля 1942 года обстановка на южном крыле советско-германского фронта резко ухудшилась. Заняв Ростов-на-Дону, противник устремился на юг, к кавказской нефти, захватывая при этом плодородные земли Кубани и Ставрополя. Несмотря на складывающуюся ситуацию, полномасштабную эвакуацию предприятий, учреждений, населения и, что весьма немаловажно, госпитальной базы Кавказских Минеральных Вод провести не удалось⁴⁸².

В значительной мере это коснулось медицинского института, его сотрудников и студентов, многие из которых не смогли покинуть регион до его захвата врагом. Причин тому было несколько. Во-первых, сама необходимость эвакуации первоначально отрицалась центральными и местными властями, в результате чего время для ее проведения было упущено. Во-вторых, разрушение противником в ходе авианалетов транспортной инфраструктуры не позволило наладить вывоз людей, оборудования, имущества по железнодорожной дороге. При этом автомобильного транспорта для решения задач подобного масштаба было явно недостаточно. В-третьих, сотрудники и студенты вуза, работавшие в эвакогоспиталях, не могли бросить своих пациентов и оставались в городах Кавминвод во время их захвата германской армией. Наконец, многие из ленинградцев, пережив блокаду и не сумев восстановить здоровье, были еще слишком слабы, чтобы выдержать длительный пеший переход в безопасные районы. Прибывая в Кисловодск несколькими месяцами ранее, некоторые из них были настолько слабы, что их переносили на носилках⁴⁸³.

По разным причинам в городе остался ряд известных специалистов, в том числе профессора П.А. Останков, В.Н. Космодамианский, В.В. Чирковский, С.М. Токмачев, В.А. Шаак, а также много других сотрудников института. Среди них были доцент А.Г. Рзянкин, преподаватель К.В. Арндт, ассистенты В.И. Львова, М.Е. Гонтарев, В.А. Цвилленева, Ю.И. Лаврентьева, А.М. Ушакова, А.С. Кугельберг, Земцова и др. Немало осталось в захваченном врагом городе и студентов вуза⁴⁸⁴. У профессора

В.Н. Космодамианского была серьезно больна жена, у ассистента В.А. Цвиленовой и студентки М. Флигельман – матери. Супруги И.С. Скобло и В.И. Львова имели двух малолетних детей, с ними также проживала племянница главы семьи⁴⁸⁵.

Одна из групп преподавателей и студентов 1 ЛМИ под руководством профессора Ш.Д. Галустяна, ушедших из Кисловодска пешком, была вынуждена вернуться. В ее составе находились доцент И.С. Скобло, ассистент Г.А. Невмывака и 8 студентов⁴⁸⁶. Не выдержав высокого темпа, люди выбились из сил, дальнейшее движение было бессмысленно – в ближайших районах уже появились немцы. Несколько других групп, используя при возможности попутный транспорт, покинули регион. Различными маршрутами, в частности, через Нальчик, Тбилиси, Баку, а затем через Среднюю Азию, они смогли добраться до Красноярска, где в ноябре 1942 года по решению правительства был организован Красноярский медицинский институт⁴⁸⁷. Его директором стал профессор Н.И. Озерецкий, возглавлявший одну из групп преподавателей и студентов, выбравшихся из Кисловодска.

14 августа 1942 года в город вошли немецкие войска, началась оккупация. 16 августа в Кисловодске, в отличие от большинства других оккупированных территорий РСФСР, был создан так называемый «Еврейский комитет» под председательством зубного врача М.С. Бенинсона. По указанию нацистов комитет, надеясь на спасение евреям жизни, занялся сбором принадлежащих им ценностей. Однако за этим последовал приказ о сборе евреев для переселения в малонаселенные районы Украины⁴⁸⁸. 9 сентября 1942 года собранные на товарной станции в Кисловодске евреи были убиты в районе стекольного завода около города Минеральные Воды⁴⁸⁹. Другим местом расправы над еврейским населением стали окрестности горы Кольцо на окраине Кисловодска. В общей сложности в городе было уничтожено более 2000 евреев.

В числе уничтоженных нацистами были сотрудники медицинского института – доцент И.С. Скобло, ассистент В.И. Львова и ее мать Х.М. Львова, а также студенты вуза Ф. Гилевич, Б. Бойрох, Ц. Беккерман, Е. Гильденштейн, И. Головчинер, С. Шаунович, Р. Гуревич, С. Абросимова, Г. Абросимова, С. Гуревич, Г. Гуревич, Р. Гуревич, Б. Звягина, Ф. Белоцерковская, И. Карповская, Р. Загвязинская, Г. Кривенко, К. Зубак, Е. Горина, Н. Верещагин,

Л. Ерохимович, В. Сухарев. Точное количество жертв среди сотрудников и студентов института установить сложно. Многие из них, наряду с работой или учебой в вузе, являлись медицинскими сестрами, лаборантами, врачами санаториев и госпиталей Кавминвод. При этом в списках погибших могли быть указаны именно эти места их работы. Так, упомянутая выше студентка М. Флигельман указана в них как медсестра санатория «X лет Октября»⁴⁹⁰.

От рук нацистов погибла и З.О. Мичник – доктор медицинских наук, доцент Ленинградского педиатрического института, также прибывшая 2 мая 1942 года из Ленинграда и участвовавшая в создании филиала медицинского института в Кисловодске. Вместе с ней погибла ее сестра П.О. Эфрусси – психолог и педагог, доктор философских наук, профессор ленинградского Института по изучению мозга и психической деятельности. Обеим женщинам было в это время уже далеко за 60. Предвидя свою участь, они безуспешно пытались покончить жизнь самоубийством, приняв морфий, но выжили⁴⁹¹. Не попав в первую группу уничтоженных евреев, находившихся в Ессентуках, в течение полутора месяцев они размещались в здании местной школы. Сюда были согнаны оставшиеся в городе евреи, которых оккупанты использовали на принудительных работах по очистке и уборке госпиталей. После окончания работ, 29 октября 1942 года, эта группа евреев в количестве 483 человек была расстреляна⁴⁹².

В числе погибших жителей города Ессентуки были и сотрудники Ленинградского педиатрического института – кандидат медицинских наук, ассистент Р.Г. Лейбсон, врач-педиатр Ц.П. Неманова с двумя дочерьми⁴⁹³, биолог М.И. Шрифтзецер. Погиб и находившийся в Ессентуках доцент Ростовского медицинского института врач-терапевт Л.С. Тинкер⁴⁹⁴.

В октябре 1942 года гитлеровцами был арестован доцент кафедры физики 1 ЛМИ А.Г. Рзянкин, у которого был обнаружен радиоприемник. В 1920-х годах лаборант-практикант знаменитой Нижегородской радиолаборатории, студент Ленинградского политехнического института Алексей Рзянкин был дважды осужден за осуществление анархической деятельности и распространение контрреволюционной литературы⁴⁹⁵. Согласно собранным сведениям⁴⁹⁶, талантливый физик, имевший основания быть недовольным советской властью, отказался сотрудничать с оккупантами и был ими расстрелян⁴⁹⁷.

Несмотря на эвакуацию и гибель многих сотрудников и студентов ленинградских вузов, отдел просвещения городской управы разрешил открыть в Кисловодске медицинский институт. Инициатива во многом исходила от самих сотрудников и студентов вуза, практически сформированного в предыдущие месяцы. Профессорско-преподавательский состав, от имени которого переговоры с германским командованием и городской управой вел профессор В.А. Шаак, пытался отстоять сформированный в непростых условиях коллектив и продолжить работу вуза. В результате проводившихся в течение сентября 1942 года переговоров разрешение властей на продолжение работы института было получено. Профессор В.А. Шаак был назначен директором учебного заведения, профессор Ш.Д. Галустян – его заместителем. С октября 1942 года в институте начались занятия.

Давая согласие на открытие медицинского вуза, германские власти, характерной чертой оккупационной политики которых на Северном Кавказе являлось широкое социальное маневрирование⁴⁹⁸, демонстрировали местному населению свою лояльность. Кроме того, подготовка медицинских специалистов в Кисловодске вполне соответствовала планам оккупационного командования сделать город эталоном «нового порядка» в регионе, уникальные особенности которого рекламировались в Германии и других странах Европы⁴⁹⁹.

Безусловно, при принятии властями решения об открытии вуза определенную роль сыграли происхождение и биография профессора В.А. Шака. Вильгельм Адольфович Шаак (1880–1957) – этнический немец, после окончания Императорской Военно-медицинской академии в течение нескольких лет стажировался в клиниках Германии и Австрии. Долгие годы, в том числе уже при советской власти, являлся прихожанином лютеранской церкви Святого Михаила в Ленинграде, был членом так называемой «церковной двадцатки». В период с 1930 по 1937 год дважды подвергался аресту, был обвинен, помимо прочего, в шпионаже в пользу Германии, однако через некоторое время отпущен на свободу. К началу войны В.А. Шаак являлся опытным специалистом, плодотворно занимавшимся врачебной, научной и педагогической деятельностью. В разное время заведовал кафедрой факультетской хирургии и кафедрой детской хирургии 1 ЛМИ, хирургическим отделением больницы имени Эрисмана⁵⁰⁰.

Желание сотрудников и студентов продолжить учебный процесс в вузе было во многом продиктовано тем, что новые власти вскоре после начала оккупации инициировали процесс вывоза населения в Германию. В источниках советского периода зафиксирован факт отправки «на каторжные работы» в Германию 800 человек из Пятигорска в октябре 1942 года⁵⁰¹. В современных исследованиях отмечается, что первые эшелоны с советскими людьми ушли из Кисловодска 6 ноября 1942 года⁵⁰². Основная масса студентов и сотрудников 1 ЛМИ была включена в следующие списки и избежала этой участи⁵⁰³.

Однако повезло далеко не всем. Эвакуированная из Ленинграда студентка педиатрического института Г.А. Лепинг⁵⁰⁴ с группой других студентов ленинградских медицинских вузов осенью 1942 года была отправлена в Германию. Вплоть до окончания войны работала в качестве прислуги в доме зажиточных немцев. Впоследствии проживала во Франции. Еще в начале войны погиб ее отец, кадровый советский офицер. Мать, этническая немка, умерла в марте 1942 года в блокадном Ленинграде. В советском фильтрационном лагере Гильда Лепинг встретила с пленным французом, с которым связала свою судьбу. В 1946 они поженились. По словам их сына, другие студенты, вывезенные немцами из Кисловодска, вернулись в Советский Союз⁵⁰⁵.

О планах германского командования по отправке безработных врачей на работу в Германию свидетельствовал судмедэксперт Пятигорска Д.В. Хованский. В начале ноября 1942 года он присутствовал при соответствующем разговоре представителей германского командования с главным врачом города. В случае отказа от добровольной записи для отправки в Германию не имевшие работы врачи в дальнейшем подлежали принудительной высылке, но уже на более жестких условиях⁵⁰⁶.

Примечательно, что приблизительно в это время, в ноябре 1942 года, оккупационные власти сообщили профессору В.А. Шааку, что дальнейшее существование института допущено быть не может. Однако учебный семестр было разрешено довести до конца, завершив его до 1 февраля 1943 года⁵⁰⁷.

Принятие властями решения о закрытии института могло быть продиктовано как внешними факторами – в частности, изменяющейся не в пользу германской армии обстановкой на фронте, так и внутренними причинами. К ним можно отнести не-

довольство оккупационного командования самим фактом работы вуза, открытие которого первоначально не планировалось новыми властями, и, как следствие, их желанием отправить студентов и преподавателей на принудительные работы в Германию. Возможно, определенное влияние на отношение к продолжению работы института со стороны германского командования со временем стал оказывать и тот факт, что 1 января 1943 года ими планировалось открыть аналогичный вуз в Ставрополе⁵⁰⁸.

Существенных замечаний к самой организации деятельности института в Кисловодске у оккупантов возникнуть не могло. Необходимые для обеспечения учебного процесса вуза 24 кафедры были укомплектованы персоналом, его коллектив состоял из 68 человек. Число преподавателей с учетом принятых на работу специалистов из других вузов и практикующих врачей достигло 47 человек, среди которых было 16 докторов и 12 кандидатов наук, еще 5 врачей-клиницистов безвозмездно участвовали в проведении занятий в качестве ассистентов. Некоторые преподаватели, в частности, профессора Я.И. Периханянц и М.Г. Данилевич, для чтения лекций по фармакологии и педиатрии ходили пешком из Ессентуков в Кисловодск.

По словам профессора Ш.Д. Галустяна, курсы лекций читались в соответствии с программами, утвержденными ВКВШ при СНК СССР. Понятно, что при этом общественно-политические дисциплины были исключены из учебного процесса. В течение семестра учебный план по всем дисциплинам был выполнен. Исключение составлял курс судебной медицины, занятия по которому были отложены в связи с отсутствием преподавателя⁵⁰⁹.

Что касается финансовой стороны вопроса, то здесь у оккупационных властей также не должно было возникнуть претензий, так как вуз из бюджета не финансировался, со студентов взималась плата за обучение в размере 300 руб. за триместр⁵¹⁰. Из собранных таким образом средств в октябре 1942 года была выплачена заработная плата из расчета 500 руб. – профессорам, 200 руб. – ассистентам. В ноябре и декабре эти суммы возросли до 700 и 300 рублей соответственно. Хозяйственные расходы вуза были сведены к минимуму, почти все необходимое для организации учебного процесса делалось руками его сотрудников и студентов⁵¹¹.

В то же время ассистент В.А. Цвилленева, описывая этот период истории 1 ЛМИ, отмечала, что во время оккупации сотрудники на-

чали «создавать некую видимость оставшегося мединститута», что позволило им выжить, «не попав в первые же эшелоны, отправлявшиеся в Германию»⁵¹². Показательно, что сама Варвара Цвиленева и многие студенты института были внесены немцами в списки лиц, подлежащих отправке в Германию следующими эшелонами.

С 1 января 1943 года в институте проходил зачетно-экзаменационный период. Несмотря на достаточно высокие требования, 90 процентов студентов успешно прошли проверку знаний. При этом средняя оценка составляла не ниже 4 баллов. Кроме того, на протяжении семестра и в период сессии многие студенты 2–5 курсов ликвидировали имевшуюся у них задолженность за предыдущие периоды.

Попытка организации учебного процесса во время оккупации в «этом эфемерном институте», как охарактеризовала его в своих воспоминаниях В.А. Цвиленева⁵¹³, во многом обеспечила довольно быстрое восстановление его работоспособности после освобождения Кисловодска частями Красной Армии⁵¹⁴.

При отступлении оккупантов из Кисловодска выехали несколько студентов медицинского института, работавшие во время оккупации переводчиками в комендатуре, в пригородных хозяйствах у немцев. Покинули город с отступающими германскими войсками и несколько сотрудников вуза. Среди них были имевшие немецкое происхождение преподаватель К.В. Арндт и старший лаборант Н.А. Вагер, а также ассистент Ю.И. Лаврентьева, лаборант Евдокимова, доцент Н.А. Целуйко, профессор С.М. Токмачев. Некоторые из сотрудников, в том числе возглавлявший вуз профессор В.А. Шаак, были вывезены немцами в Германию насильно.

Тяжелые испытания выпали на долю профессора В.А. Шаака. Два года ему пришлось работать в Германии в условиях нацистского режима, а после освобождения ее территории в 1945 году доказывать свою преданность Родине и ждать разрешения на возвращение в Ленинград. Вернувшись в родной город только в сентябре 1946 года, он не смог занять свое прежнее рабочее место в 1 ЛМИ. Профессор В.А. Шаак продолжил работу в качестве заведующего хирургическим отделением Центрального рентгенологического, радиологического и ракового института, одновременно являлся консультантом в Институте хирургического туберкулеза⁵¹⁵.

Ходатайствуя перед советскими властями о продолжении работы медицинского вуза в Кисловодске, профессор Ш.Д. Галустян отмечал, что «работа института налажена, необходимые условия для работы имеются»⁵¹⁶. Занятия в филиале 1 ЛМИ было разрешено продолжить. Исполняющим обязанности директора в нём стал профессор Ш.Д. Галустян. В это время в вузе насчитывалось около 600 студентов: на 1-м курсе – около 400, на 2-м – 43, на 3-м – 75, на 4-м – 51, на 5-м – 21. Из этого числа около 400 учащихся были местными жителями, 200 являлись эвакуированными, в том числе 136 – из Ленинграда. Количество студентов на старших курсах постепенно увеличивалось. Вскоре был осуществлен выпуск 29 студентов, окончивших 5 курс⁵¹⁷.

После освобождения региона многие сотрудники и студенты принимали участие в опознании жертв нацистской карательной политики, подготовке материалов для ЧГК. К этой работе были привлечены профессора П.А. Останков, В.Н. Космодамианский, Ш.Д. Галустян, П.Н. Ласточкин, Т.Е. Гнилорыбов, доцент А.М. Мельникова-Разведенкова, ассистенты А.И. Мальцев, С.В. Маторина, М.Е. Гонтарев⁵¹⁸. Акты и сообщения ЧГК, в том числе материалы о преступлениях нацистов в городах Кавказских Минеральных Вод⁵¹⁹, стали одними из важнейших доказательств обвинения на Нюрнбергском процессе.

Следует отметить, что ряд сотрудников института, в частности, профессор П.А. Останков, ассистент М.Е. Гонтарев, в период оккупации Кисловодска работал в так называемой «больнице Красного Креста», разместившейся в санатории имени Н.А. Семашко⁵²⁰. В этой больнице, в которой размещалась клиника госпитальной хирургии филиала 1 ЛМИ, с разрешения оккупантов оказывалась помощь раненым бойцам и командирам Красной Армии. Рискуя жизнью, медики подделывали документы, изменяли истории болезней, выдавали фиктивные справки и выписывали раненых из больницы, чем спасли жизни нескольких сотен советских воинов.

Дальнейшая судьба филиала 1 ЛМИ в Кисловодске сложилась следующим образом. 26 апреля 1944 года в соответствии с приказом НКЗ СССР он был переименован в Кисловодский медицинский институт. Однако через полтора года на основании приказа от 31 августа 1945 года он был переведен в Кишинев, где в октябре 1945 года было образовано первое на территории

Молдавской ССР высшее медицинское учебное заведение. По мнению некоторых специалистов, одной из причин расформирования института и перевода его сотрудников и студентов в Кишинев явилась работа вуза в Кисловодске во время оккупации, в то время как героический Ленинград продолжал сражаться, находясь в блокаде⁵²¹. Свою роль сыграл и тот факт, что к моменту окончания Великой Отечественной войны на Юге России была практически полностью восстановлена работа медицинских вузов, действовавших в довоенный период.

Незадолго до своего закрытия, 14 августа 1945 года, Кисловодский медицинский институт осуществил последний в своей истории выпуск студентов. Среди немногих врачей, получивших диплом этого вуза, была А.М. Мазурова, работавшая позже в Ставрополе. Окончив Ленинградскую фельдшерскую школу и поступив в 1939 году в 1 ЛМИ, она одновременно работала сначала медицинской сестрой Василеостровского родильного дома, а затем – фельдшером завода имени Жданова. В апреле 1942 года вместе с другими студентами и преподавателями была эвакуирована в Кисловодск. В августе 1942 года смогла покинуть город, добралась до Красноярска, продолжив учебу в образованном там медицинском институте. В октябре 1943 года вернулась в Кисловодск, где и завершила свою учебу, с отличием окончив Кисловодский мединститут в августе 1945 года. Одновременно с этим Анна Матвеевна работала медицинской сестрой, затем ординатором одного из эвакогоспиталей, позже – врачом скорой помощи. Впоследствии А.М. Мазурова, переехав по семейным обстоятельствам в Ставрополь, заведовала районным отделом здравоохранения, позже стала главным врачом поликлиники № 2. Долгие годы работала ассистентом, затем доцентом кафедры факультетской терапии Ставропольского медицинского института⁵²².

В августе 1941 года *в Пятигорск был эвакуирован Днепропетровский фармацевтический институт*. По данным, приведенным профессором Н.В. Вавиловым, эвакуация не была полномасштабной – в город в незначительном количестве прибыли студенты вуза (10–12 человек), ряд преподавателей и некоторое оборудование, которое было пополнено за счет имущества местного зоотехнического института⁵²³.

По другим сведениям, в Пятигорск эвакуировались значительная часть материальной базы Днепропетровского вуза и

около 100 сотрудников во главе с директором института, профессором М.Б. Волынской⁵²⁴. В непростых условиях она сделала все необходимое для сохранения научных и учебных традиций вуза. Уже 1 сентября 1941 года фармацевтический институт приступил к занятиям, осуществив набор сначала 200, а затем, в ходе зимнего набора, еще 160 первокурсников и 70–75 студентов 2 курса, ранее обучавшихся в различных вузах⁵²⁵. В число преподавателей института в это время входили профессора Н.В. Вавилов (фармацевтическая химия), А.И. Муликов (фармакология), Л.В. Рейнгардт (зоология и анатомия), А.В. Рейнгардт (кафедра ботаники), Д.Н. Монастырский (кафедра аналитической химии), доценты А.Л. Шинкаренко (судебная химия), Г.Г. Скробанский (органическая химия)⁵²⁶.

Занятия проводились в здании бывшего Азово-Донского банка на Советском проспекте (в настоящее время – проспект Кирова), где и сейчас расположен один из корпусов фармацевтического вуза в Пятигорске. В мае 1942 года в состав сотрудников и учащихся вошли небольшое количество преподавателей, а также студенты 2 ЛМИ и фармацевтического института, прибывших из блокадного Ленинграда⁵²⁷.

Занятия в институте продолжались вплоть до начала августа 1942 года. Пятигорск смогла покинуть небольшая группа сотрудников вуза во главе с директором М.Б. Волынской и 10–15 студентов. Профессор Мария Борисовна Волынская (1900–1974) возглавляла Днепропетровский фармацевтический институт с 1931 года. В городе Семипалатинске, куда были эвакуированы часть Днепропетровского и часть Харьковского фармацевтических институтов, в период с 1942 по 1944 год она руководила работой объединенного вуза. После реэвакуации родного вуза в Днепропетровск в 1944 году возглавила его работу.

Ответственным за сохранность институтского имущества, оставшегося в Пятигорске к моменту его захвата врагом в августе 1942 года, был назначен профессор Н.В. Вавилов. Николай Владимирович Вавилов (1882 – не ранее 1944) с сентября 1941 года заведовал кафедрой фармацевтической химии действовавшего в Пятигорске Днепропетровского фармацевтического института, а впоследствии, в 1942–1943 годах, возглавил его работу. По его данным, в оккупации оказались 16 преподавателей и большинство студентов вуза. Из состава 2 ЛМИ в Пятигорске находились

12 его сотрудников, преимущественно связанных с лечебной работой в эвакогоспиталях. В связи с отсутствием транспорта и невозможностью эвакуации раненых они не смогли покинуть регион. Трое из них были убиты нацистами, одна покончила жизнь самоубийством⁵²⁸.

Стремясь выжить, избежать отправки сотрудников и студентов на принудительные работы в Германию, сохранить потенциал вуза, действовавшего в Пятигорске в непростых условиях первого года войны, его коллектив выступил с предложением продолжить работу института. Учитывая фармацевтическое направление подготовки специалистов, германские власти не возражали против возобновления занятий в вузе, поставив при этом определенные условия. Во-первых, институт должен был доукомплектовать преподавательский и студенческий состав. Во-вторых, вузу необходимо было самостоятельно изыскивать необходимые для его функционирования средства.

Решение этих вопросов заняло довольно длительное время. Запланированное первоначально на 1 сентября 1942 года возобновление занятий было отложено. Недостаток преподавателей был компенсирован за счет оставшихся в городе сотрудников 2 ЛМИ и Ленинградского фармацевтического института. Одновременно осуществлялся дополнительный набор студентов, которых по состоянию на конец августа 1942 года было всего 150 человек⁵²⁹. Стимулом к поступлению в институт был официальный путь избежать отправки на работы в Германию, молодые люди подавали заявления для приема их в фармацевтический институт. К моменту начала занятий в вузе, которые удалось возобновить лишь в начале декабря 1942 года, в институте было уже 420 студентов⁵³⁰. Всего планировалось набрать до 500 учащихся⁵³¹.

Накануне открытия фармацевтического института оккупационная газета «Пятигорское эхо» опубликовала ряд посвященных этому событию материалов. В них, в частности, отмечалось, что в учебном плане вуза намечены новые направления подготовки специалистов, такие как химия пищевых продуктов, агрохимия, производство кислот, щелочей и солей, бальнеохимия, гидрохимия⁵³². Прием заявлений и взнос платы за обучение от вновь принятых и бывших студентов всех курсов осуществлялся до 5 декабря 1942 года в канцелярии вуза по адресу Советский проспект, 33⁵³³.

Занятия в институте возобновились 7 декабря 1942 года. Перед этим, 1 декабря 1942 года, фармацевтический и Бальнеологический (научно-исследовательский – *авт.*) институты были переданы в ведение управления главного врача Пятигорска⁵³⁴. Что касается финансирования вуза, который до оккупации содержался за счет бюджета, то теперь он должен был существовать на деньги, собранные со студентов за обучение, а также на средства, вырученные от выполнения заказов аптекоуправления и от изготовления и продажи спичек⁵³⁵.

Выполнение вузом подобной практической работы и явилось одной из причин того, что оккупационные власти позволили возобновить его работу. На их решение повлияла сложившаяся в регионе в период оккупации ситуация, связанная с нехваткой лекарственных препаратов. Кроме того, интерес германских властей также привлекли довольно успешные научно-исследовательские работы ставропольских ученых, в том числе сотрудников Пятигорского вуза, по получению витаминизированных препаратов⁵³⁶.

Помимо практических вопросов, решаемых лабораториями вуза, открытие института, по задумке оккупантов, должно было обеспечить выполнение важной идеологической миссии. На торжественном мероприятии по поводу начала работы института, прошедшем 6 декабря 1942 года и подробно освещавшемся на страницах оккупационной прессы, присутствовали представители германского командования, гражданской администрации, православной церкви, профессора и студенты. Бургомистр Пятигорска М.Н. Орлов и главный врач города В.А. Азлецкий, выступивший с речью на немецком языке, поблагодарили немецкие власти за деятельность по открытию института, отметили необходимость воспитания учащихся «в духе понимания задач нового порядка». Представители духовенства отслужили молебен, провозгласивший «многолетие фюреру», по окончании официальной части «в обстановке дружеской беседы» состоялся праздничный банкет⁵³⁷.

Газеты оккупационных властей, посвящавшие материалы открытию института, отмечая важность начала работы в Пятигорске высшего учебного заведения, характеризовали это событие как большой культурный праздник. Одной из главных задач учреждения «новой высшей школы» определялось искоренение

«навыков большевистского мышления, большевистского подхода к великим вопросам мира и жизни»⁵³⁸. Организованные оккупантами торжества по поводу открытия вуза были направлены на завоевание симпатий местного населения. Решая одновременно идеологические задачи, германские власти определяли ориентиры в направлении воспитания молодежи.

Фармацевтический институт проработал в период оккупации около одного месяца. Отступая, немцы попытались уничтожить здание института. Результатом неудавшейся попытки его полного подрыва явился сильный пожар, в ходе которого получили повреждения помещения ряда кафедр. Полностью был уничтожен склад для хранения препаратов и реактивов, пострадало имущество вуза – мебель, инвентарь, белье. Более масштабных разрушений удалось избежать благодаря самоотверженности коллектива вуза, не допустившего распространения пожара. Кроме того, оккупанты вывезли 116 тыс. руб. из собранных вузом 128 тыс. рублей⁵³⁹.

Тем не менее, в результате слияния нескольких вузов еще до захвата региона германскими войсками была сформирована материальная база, и собран сильный преподавательский коллектив. Эти факторы заложили основу для организации в Пятигорске самостоятельного института для подготовки фармацевтов и инженеров-химиков.

Пятигорск был освобожден от оккупантов 11 января 1943 года. На прошедшем 23 января заседании Ученого совета вуза констатировалось, что большинство его кафедр, несмотря на причиненный ущерб и необходимость пополнения штата некоторых из них, готовы продолжить работу. На основании полученного 27 января 1943 года предписания Пятигорского горсовета в институте 8 февраля 1943 года были возобновлены занятия на старших курсах, а 10 февраля – на первом курсе. К учебе приступили 350 студентов под руководством 50 преподавателей⁵⁴⁰.

В докладе профессора Н.В. Вавилова от 7 марта 1943 года отмечено, что в число преподавателей института входили 9 профессоров, 15 доцентов и 16 ассистентов, контингент обучающихся составлял 477 студентов. Среди преподавателей были профессор М.Н. Вишняков (кафедра аналитической химии), Ф.А. Сацыперов (кафедра фармакогнозии), Н.В. Вавилов (кафедра фармацевтической химии), А.С. Грибоедов (кафедра гигиены),

кандидаты наук И.А. Муравьев (кафедра технологии лекарств и галеновых препаратов), Е.П. Землякова (кафедра фармацевтической химии)⁵⁴¹.

Распоряжением Совета народных комиссаров № 6597-р от 27 марта 1943 года Наркомздраву СССР было разрешено объединить находящиеся в Пятигорске части Ленинградского и Днепропетровского фармацевтических институтов в один Пятигорский фармацевтический институт⁵⁴². Исполняющим обязанности директора вуза был назначен профессор Н.В. Вавилов, заместителем директора по учебной и научной работе и одновременно заведующим кафедрой гигиены – профессор А.С. Грибоедов.

Адриан Сергеевич Грибоедов (1875–1944) – один из основателей ленинградской школы детских медицинских психологов, невролог, дефектолог, доктор медицинских наук, профессор. Эвакуировавшись из Ленинграда на Северный Кавказ, принял активное участие в организации работы фармацевтического института в Пятигорске. В начале августа 1942 года занимался вопросами эвакуации вуза, организовав выезд из Пятигорска 3-х групп сотрудников и студентов, при этом сам выехать из города не успел. С воодушевлением встретил освобождение региона советскими войсками. Внес большой вклад в становление Пятигорского фармацевтического института. Вернуться в Ленинград после снятия блокады не успел, скоропостижно скончавшись в июне 1944 года. Похоронен в Пятигорске⁵⁴³.

С апреля 1943 года в институте работали все 11 кафедр. Лаборатории Пятигорского фармацевтического вуза и Бальнеологического института наладили выпуск различных препаратов, необходимых, в первую очередь, для лечения раненых в местных эвакуогоспиталях. Большая заслуга в этом принадлежала кандидату химических наук, доценту А.Л. Шинкаренко⁵⁴⁴. Анна Лукьяновна Шинкаренко (1907–1985) вскоре возглавила кафедру судебной химии Пятигорского фармацевтического института⁵⁴⁵. Позднее, в период с 1952 по 1964 год, доктор фармацевтических наук, профессор А.Л. Шинкаренко была ректором института, затем возглавляла кафедру органической химии.

К первой сессии в молодом вузе было допущено 307 студентов разных курсов. В сентябре 1943 года был осуществлен первый выпуск провизоров Пятигорского фармацевтического института в количестве 47 человек. Они были направлены в

действующую армию, на предприятия оборонной и химико-фармацевтической промышленности. В это же время на 1-й курс было принято 166 абитуриентов, а общее количество студентов достигло 501. В 1944 году институт окончили 99 провизоров⁵⁴⁶. К 1945 году в составе вуза действовали 14 кафедр и 5 отделов⁵⁴⁷. Более 50 лет учебное заведение функционировало в качестве института. В 1994 году было переименовано в Пятигорскую государственную фармацевтическую академию, а в 2012 году получило статус филиала в составе Волгоградского государственного медицинского университета.

Кубанский медицинский институт имени Красной Армии с началом Великой Отечественной войны эвакуировался из Краснодара дважды, успев провести до начала оккупации несколько ускоренных выпусков. Эвакуация института в Ереван в ноябре 1941 года, последовавшая вскоре за первым военным выпуском врачей, завершилась возвращением вуза в Краснодар в апреле и выпуском в мае 1942 года еще одной группы студентов 5 курса. Кроме того, в конце июля 1942 года были направлены на фронт в качестве медицинских работников среднего звена перешедшие на 4 курс студенты. Всего в течение первого года войны в военные и гражданские лечебные учреждения вузом было направлено 847 врачей⁵⁴⁸.

В июне 1941 года в Краснодаре были сформированы эвакуогоспитали (ЭГ) №№ 1605 и 1606, укомплектованные сотрудниками кафедр и клиник Кубанского медицинского института. В ЭГ № 1605 трудились известные хирурги профессор В.К. Красовитов и доцент Я.И. Липский, начальником госпиталя был ассистент кафедры акушерства и гинекологии М.Н. Киреевский. Начальниками отделений, ординаторами, заведующими лабораторий служили многие другие сотрудники мединститута. Начальником ЭГ № 1606 был начальник военной кафедры вуза, военврач 1 ранга А.А. Фролов. Ведущими хирургами госпиталя были сотрудники института И.А. Агеенко, В.К. Красовитов, В.Д. Бантов, обучение хирургов проводили профессора Г.Н. Лукьянов, К.С. Керопьян, Н.П. Пятницкий⁵⁴⁹.

В связи со стремительным приближением фронта 1 августа 1942 года началась вторая эвакуация института. Преподаватели и студенты во главе с директором вуза А.Н. Мотненко покидали Краснодар на машинах и подводах, в которые была погружена часть

имущества. В городе, занятом немцами 9 августа 1942 года, под присмотром работников вуза осталась богатая научная библиотека. До конечного пункта эвакуации, Тюмени, добрались 57 сотрудников и около 100 студентов⁵⁵⁰. Сотрудники института, работавшие в ЭГ №№ 1605 и 1606, эвакуировались в составе этих лечебных учреждений сначала в Грозный, затем в другие районы страны.

Выезд из Краснодара многих сотрудников Кубанского медицинского института и частичная эвакуация имущества являлись одними из причин того, что в период оккупации серьезных попыток его открытия новыми властями не предпринималось. Кроме того, в связи с закрытием многих учреждений здравоохранения и наличием эвакуированных медицинских специалистов из других регионов, в Краснодарском крае, а в особенности в Краснодаре, не ощущалось острой нехватки врачебного персонала.

В период оккупации в городе находился бывший заведующий кафедрой патологической анатомии Кубанского медицинского института профессор И.М. Малинин. Незадолго до начала оккупации, в июле 1942 года, он был арестован советскими органами безопасности и отправлен этапом в другой город. Однако его эшелон подвергся бомбардировке, после чего профессор И.М. Малинин покинул его и вернулся в занятый германскими войсками Краснодар. Здесь в течение непродолжительного времени он возглавлял отдел образования городской управы. Но, убедившись в нежелании оккупантов налаживать процесс обучения детей славян – «недочеловеков», отказался от этой должности. В конце оккупации профессор И.М. Малинин вместе с членами своей семьи покинул Краснодар. С отступающими немцами они выехали в Ростов-на-Дону, а в феврале 1943 года добрались до занятой немцами Винницы⁵⁵¹.

Одной из первых попыток использования материальной базы Кубанского вуза явилось открытие с 25 августа 1942 года при управлении главного врача Краснодара медицинского музея. В нем имелись отделы нормальной анатомии, детских, инфекционных, кожно-венерических и других болезней. В музее, который по заявлению оккупационных властей ежедневно посещало более 100 человек, был оборудован лекционный зал для проведения директором музея врачом Булгаковой бесед с посетителями на актуальные медицинские темы с демонстрацией имеющихся экспонатов⁵⁵².

Кроме того, оккупанты проявили интерес и попытались использовать ресурсы фундаментальной научной библиотеки кубанского вуза. После пересмотра книжного фонда и перехода в новые помещения библиотека, насчитывавшая к тому моменту, по данным германских властей, около 100 тыс. экземпляров научно-методической литературы на многих языках мира, с 10 декабря 1942 года открылась для посетителей. Разрешение на ее открытие было получено отделом культуры местной управы от штаба рейхсминистра А. Розенберга. Преследуя пропагандистские цели, власти заявляли, что теперь книжные богатства станут «достоянием широких медицинских кругов города и районов края», тогда как раньше ими пользовались только научные сотрудники института. В действительности постоянными клиентами библиотеки стали представители оккупационных властей – профессор Кенигсбергского университета Пегос, профессора Шварц-Лейнбах и Сарториус, шеф госпиталя Кюзеров. Пользование библиотекой для обычных посетителей было платным⁵⁵³. Сохранением библиотеки, в фондах которой к началу войны имелось около 200 тыс. экземпляров, занималась сотрудники института Р.В. Седина, Н.В. Таранова, Т.Я. Кистестурова, А.И. Румянцева во главе с хранителем С.Г. Тер-Оганян⁵⁵⁴.

Некоторые из оставшихся в Краснодаре сотрудников вуза в период оккупации работали в органах здравоохранения. Заведующий кафедрой патологической физиологии профессор А.А. Мелких в соответствии с приказом германского командования от 12 августа 1942 года был назначен главным врачом Краснодарского края⁵⁵⁵. Заведующая отделом кадров вуза В.К. Попова работала машинисткой управления здравоохранения края, ассистент кафедры судебной медицины В.К. Черная – судмедэкспертом отдела здравоохранения Краснодара, а с 1 января 1943 года – по совместительству и краевого управления⁵⁵⁶. Позднее врач В.К. Черная привлекалась к работе ЧГК в качестве судмедэксперта, участвуя в осмотре и вскрытии тел замученных врагом советских граждан⁵⁵⁷.

Некоторые специалисты клинических кафедр работали в лечебных учреждениях Краснодара. Ординаторами в 3-й городской больнице были ассистент кафедры госпитальной хирургии П.И. Соболев и сотрудник вуза Г.В. Пичко, заведующим хирургическим отделением больницы – профессор Н.Н. Соколов⁵⁵⁸.

Доктор медицинских наук, профессор Н.Н. Соколов заведовал I хирургической клиникой Одесского медицинского института и челюстно-лицевой клиникой республиканского института стоматологии в Одессе. В 1941 году эвакуировался вместе с Одесским вузом в Ростов-на-Дону, а затем – в Краснодар. Накануне оккупации он работал главным хирургом военного госпиталя и профессором общей хирургии и урологии Кубанского медицинского института, не успев эвакуироваться из города до его захвата германской армией⁵⁵⁹.

Не смог покинуть Краснодар и доцент кафедры общей хирургии Савва Маркиянович Ряднов, которого власти привлекали к работе в хирургической клинике при 3-й городской больнице в качестве консультанта. Неоднократно его пациентами были раненные советские воины⁵⁶⁰. Впоследствии профессор С.М. Ряднов заведовал кафедрой хирургии Кубанского медицинского вуза.

С октября 1942 года работал гельминтологом в краевой малярийной станции заведующий кафедрой биологии медицинского института доцент Ю.А. Динник⁵⁶¹. Судя по всему, сотрудники кафедры биологии Ю.А. Динник и Н.Н. Динник покинули Краснодар вместе с отступающими оккупантами. В послевоенные годы они работали в Восточноафриканской ветеринарной исследовательской организации (EAVRO), регулярно публикуя в 1950–60-е годы статьи в иностранных научных журналах⁵⁶².

Многие оставшиеся в городе сотрудники Кубанского медицинского института, преимущественно из числа ассистентов и лаборантов, считались безработными. Среди них были ассистенты и лаборанты Е.З. Пушкарева (кафедра биохимии), В.А. Латышев, В.П. Сотникова, Л.В. Войцеховская, В.П. Григоренко, Н.А. Манаенкова, И.И. Жуковская, А.А. Сердюкова (кафедра неорганической химии), Е.А. Балабас (кафедра биологии), П.В. Милославская (кафедра патологической физиологии), П. Левицкая, А. Медяников⁵⁶³.

Были среди сотрудников медицинского института и жертвы. За связь с партизанами перед освобождением Краснодара был казнен ассистент кафедры факультетской хирургии Кубанского медицинского института М.Н. Булгаков⁵⁶⁴. По другим данным, Булгаков был убит за отказ выполнять приказы гитлеровского командования⁵⁶⁵. Насильно был вывезен немцами при отступлении из Краснодара сначала в Николаев, а затем в Одессу заведующий

хирургическим отделением 3-й городской больницы профессор Кубанского медицинского института Н.Н. Соколов. Из Одессы в конце 1943 года он был депортирован оккупантами в Тимишоару (Румыния), где работал в местных госпиталях. В конце 1950 года Н.Н. Соколов подал прошение о возвращении на Родину, поддержанное и его коллегами-хирургами, которое было удовлетворено. До конца жизни профессор Н.Н. Соколов жил в городе Пушкино Ленинградской области, работал в качестве хирурга и профессора-консультанта в больнице имени Н.А. Семашко⁵⁶⁶.

Серьезно пострадала во время оккупации учебно-материальная база Кубанского медицинского института. Часть его имущества не была эвакуирована и, оставаясь в здании института, подвергалась расхищению. Предписание германских властей бургомистру Краснодара от 4 декабря 1942 года об изъятии ценных материалов и документов медицинского института вместе со шкафами, в которых они хранились, стало поводом для неприкрытого разграбления вуза⁵⁶⁷. К моменту освобождения города лабораторное оборудование, инструментарий, мебель, наглядные пособия и другое имущество были практически полностью расхищены, а его учебный корпус разрушен оккупантами.

Несмотря на это, уже в апреле 1943 года в Кубанском медицинском институте было организовано отделение для занятий с выпускными курсами, хотя сам вуз смог вернуться из эвакуации только в ноябре 1943 года. При этом количество выпускаемых вузом после оккупации специалистов заметно уменьшилось. В августе 1943 года и в 1944 году Кубанский медицинский институт произвел выпуски врачей в количестве 38 и 203 человек соответственно⁵⁶⁸. Занятия со студентами вплоть до 1954 года, когда полностью был восстановлен главный корпус, проводились в расчищенных подвальных помещениях, частично сохранившихся аудиториях 1-го этажа и в уцелевшем здании Краснодарской фельдшерско-акушерской школы⁵⁶⁹.

В период оккупации значительно пострадали фонды фундаментальной научной библиотеки вуза. Во время оккупации Краснодара бывшее помещение библиотеки использовалось под офицерскую гостиницу, а библиотечный фонд по указанию германских властей был переведен в другое здание. Около половины фонда, что составило порядка 100 тыс. томов, было расхищено оккупантами. Сотрудникам вуза во главе с хранителем библио-

теки С.Г. Тер-Оганян, которые с риском для жизни замаскировали наиболее ценные книги и уничтожили в каталоге карточки на них, удалось спасти около 100 тыс. книг⁵⁷⁰.

Медицинские учебные заведения среднего профессионально-го образования действовали в регионе практически до самой его оккупации, хотя условия подготовки ими специалистов в условиях войны существенно изменились. К примеру, в Пятигорской фельдшерско-акушерской школе срок обучения на фельдшерском отделении в 1942 году составлял 1,5 года (ранее – 3 года), а на медсестринском – 1 год (ранее – 2 года)⁵⁷¹. В течение первого года войны отделения произвели несколько выпусков учащихся. В Краснодарской фельдшерско-акушерской школе, имевшей к началу войны в 25 учебных группах свыше 800 юношей и девушек под руководством 70 преподавателей, в 1941–1942 гг. был проведен ряд досрочных выпусков, последний из которых состоялся в начале августа 1942 года⁵⁷². В июле 1942 года осуществила выпуск специалистов Адыгейская областная фельдшерско-акушерская школа в Майкопе, несколько выпусков провела Карачаевская фельдшерско-акушерская школа в Микоян-Шахаре⁵⁷³.

В период оккупации по решению германских властей в регионе открылись некоторые учебные заведения среднего медицинского образования. В ряде случаев инициаторами организации новых или продолжения деятельности прежних учебных заведений были оставшиеся без работы медицинские специалисты. В Черкесске с 1 сентября 1942 года возобновились занятия в двухгодичной медицинской школе, директором которой был назначен этнический немец Йогансон. С 1939 года это учебное заведение было трехгодичным и выпускало фельдшеров и акушеров. После проведения цикла занятий, продлившихся менее двух месяцев, в конце октября 1942 года в школе был произведен выпуск медицинских сестер 2-го курса. Выпускницам был зачтен 1-й год обучения, а также в торжественной обстановке выданы свидетельства об окончании учреждения. Действия властей, преимущественно носившие пропагандистский характер, были направлены на повышение доверия со стороны местных жителей. При этом оккупанты изначально не планировали использовать выпускниц школы для работы в лечебных учреждениях для населения. Выпускницы Черкесской медицинской школы через неко-

торое время были отправлены в Германию, где работали разнорабочими на паровозно-ремонтном заводе в Мюнхене⁵⁷⁴.

В Ессентуках 25 сентября 1942 года начала работу фельдшерская школа, организованная коллективом преподавателей ленинградских медицинских вузов. В ней намечалось готовить фельдшеров различных специальностей, а также техников по санитарии и эпидемиологии. Срок обучения в школе составлял от 6 месяцев до 1,5 года. За обучение взималась плата в размере 125 руб. в месяц. Располагалась школа в помещениях клинического отделения Бальнеологического института (бывший санаторий «Вера», позже – курортная поликлиника) по адресу ул. Кисловодская, 16⁵⁷⁵.

Действовавшая в городе после восстановления советской власти Ессентукская фельдшерская школа не являлась преемником школы, образованной в период оккупации. Согласно архивным документам, она была создана в январе 1943 года на базе нескольких медицинских учреждений – городской поликлиники, городской больницы, роддома, инфекционной больницы и санитарно-эпидемической станции вместо прекратившей свою работу фельдшерской школы в Кизляре⁵⁷⁶.

Также по инициативе не успевших эвакуироваться преподавателей и с разрешения германских властей с 9 ноября 1942 года были возобновлены занятия в Пятигорской фельдшерско-акушерской школе. Ее директором был доктор Н.К. Кузнецов. Набор учащихся на платной основе проводился по 3-м отделениям – фельдшерско-акушерскому, зубоврачебному и фармацевтическому, прием на которое в связи с наличием свободных мест был продлен⁵⁷⁷.

Согласно другим источникам, направлений обучения в школе было 5: фельдшерско-акушерское, санитарно-фельдшерское, сестринское, зубоврачебное и фармацевтическое. Она располагала хорошей библиотекой и необходимыми наглядными пособиями. В период оккупации школа, преподавание в которой вели 13 врачей, успела осуществить выпуск 60 фельдшеров. После освобождения Пятигорска советскими войсками они прошли повторную сдачу экзаменов⁵⁷⁸.

Несмотря на наличие на территории курортного региона ряда средних медицинских образовательных учреждений, в декабре 1942 года была открыта медицинская школа в Георгиевске (го-

род расположен неподалеку от городов Кавмингруппы и по географической принадлежности относится к региону КМВ, хотя и не является курортным). Она находилась в ведении отдела народного образования местной управы. Учебное заведение, срок обучения в котором составлял 3 года, имело 3 отделения – фельдшерское, акушерское и фармацевтическое. Зубоврачебное отделение предполагалось открыть позднее⁵⁷⁹. Открытие этих учреждений, широко освещавшееся в прессе, использовалось властями как дополнительный фактор укрепления оккупационного режима.

Согласно имеющимся данным, Кисловодская школа медицинских сестер, действовавшая в городе с 1932 года и подчинявшаяся краевому отделу здравоохранения, в период оккупации не работала. Возобновила она свое функционирование 11 января 1943 года, но уже в качестве Кисловодской фельдшерской школы Главного управления курортов и санаториев⁵⁸⁰.

Достоверной информации о функционировании на оккупированной территории Кубани учреждений среднего профессионального образования медицинского профиля обнаружить не удалось. Однако упоминание одного из таких учебных заведений, действовавших в период оккупации, встречается в написанной в сентябре 1943 года автобиографии студентки Ставропольского медицинского института, уроженки Армавира Л.И. Арзумановой. Поступив в 1941 году в Кубанский медицинский институт, она перевелась в эвакуированный в Армавир Крымский институт. При его эвакуации из Армавира летом 1942 года Арзуманова осталась в городе с родителями, а в период оккупации, по ее словам, училась на 3-м курсе в Армавирской фельдшерско-акушерской школе. После освобождения региона она продолжила обучение в ближайшем из открывшихся вузов – Ставропольском медицинском институте⁵⁸¹.

Большой урон во время оккупации был нанесен медицинским учреждениям среднего профессионального образования. Здание фельдшерско-акушерской школы в Краснодаре с началом оккупации заняла одна из немецких воинских частей, имущество школы было частично разграблено и вывезено оккупантами на машинах. В ночь на 8 февраля 1943 года здание школы с оставшимся имуществом было сожжено⁵⁸². В Армавирской фельдшерско-акушерской школе оккупантами была сожжена обширная библиотека,

имевшая около 25 тыс. томов литературы, разграблено медицинское оборудование. Общий ущерб составил 757 246 руб.⁵⁸³ В Ейске практически оккупантами было разграблено и уничтожено все имущество акушерско-сестринской школы⁵⁸⁴.

В Пятигорске оккупанты сожгли со всем оборудованием помещение фармацевтической школы, выделенной в предвоенный период из состава фельдшерско-акушерской школы. После оккупации занятия с учащимися фармшколы длительное время проводились в помещениях фельдшерской школы с использованием ее уцелевшего оборудования⁵⁸⁵.

Пострадали от действий гитлеровцев сотрудники и учащиеся Армавирской фельдшерско-акушерской школы. Еще до оккупации во время бомбежки погиб инициатор создания школы А.М. Зайс, с 1929 года заведовавший ее учебной частью. Во время оккупации были расстреляны один из старейших в городе специалистов, врач и преподаватель А.Н. Данциг с женой, а также Е. Сычева⁵⁸⁶.

В заключение коснемся вопроса, связанного с некоторыми последствиями трудовой деятельности сотрудников образовательных медицинских учреждений в период немецко-фашистской оккупации. В ряде случаев выход на работу и даже само нахождение на оккупированной территории относились к числу отрицательных моментов их биографии. Так, при сокращении штатов в Ставропольском медицинском институте в начале 1950-х годов, по воспоминаниям Ю.Л. Альтшулер, наряду с прочими критериями учитывалось пребывание сотрудника на оккупированной территории⁵⁸⁷. Подобные ситуации возникали при назначении на должность доцента кафедры госпитальной хирургии М.С. Макарова⁵⁸⁸, наборе выпускников вуза в аспирантуру профессором П.М. Ковалевским⁵⁸⁹. В то же время многие другие сотрудники образовательных медицинских учреждений в этом отношении существенных проблем не испытывали. Так, профессора С.М. Минервин и Б.Я. Падалка, находившиеся в Ставрополе в период подготовки открытия оккупантами медицинского института и вернувшиеся осенью 1942 года в оккупированные Днепропетровск и Киев, после войны в течение длительного времени продолжали плодотворную преподавательскую и научную деятельность, заведую соответствующими кафедрами медицинских вузов в Одессе и Киеве.

Подводя итог, следует отметить, что в отличие от других оккупированных территорий РСФСР на Северном Кавказе германские власти позволили продолжить работу отдельных медицинских образовательных учреждений. Это объяснялось стремлением оккупантов проявить расположение по отношению к населению региона. Кроме того, реализация планов по использованию санаторно-курортного и туристического потенциала региона предполагала наличие подготовленных медицинских специалистов.

В то же время, позволив продолжить из идеологических и практических соображений работу отдельных высших и средних медицинских учебных заведений, германские власти не оказали им поддержки, достаточной для нормального функционирования. Финансовые и материальные ресурсы эти учреждения вынуждены были изыскивать самостоятельно, их ведомственная подчиненность была неопределенной. Непоследовательность позиции оккупантов в отношении деятельности медицинских образовательных учреждений проявилась в принятии решений о закрытии ранее открытых учебных заведений, их разграблении, попытках отправки в Германию и уничтожении их сотрудников и учащихся. В результате процесс подготовки на территории региона медицинских кадров оккупантами налажен не был.

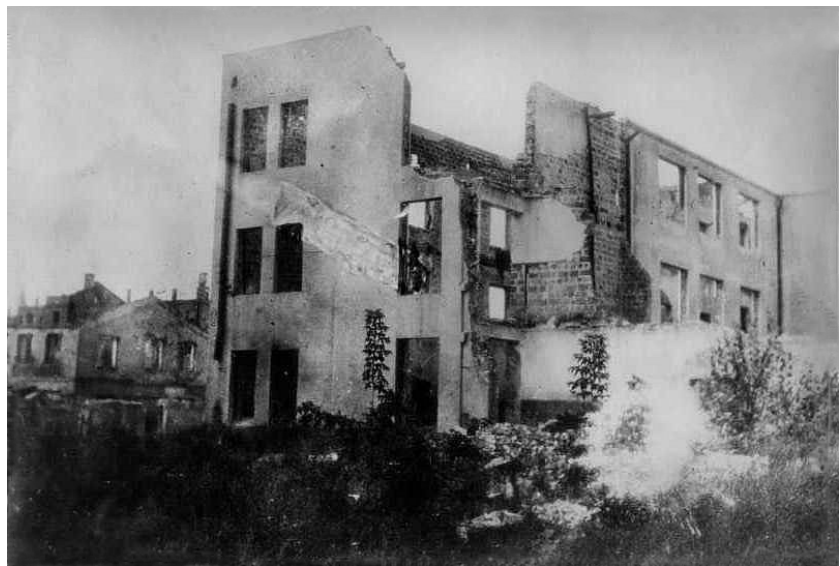
Немецкий госпиталь в помещениях Курского медицинского института. 1942 г.

Развалины здания Курского мединститута, взорванного оккупантами. 1943 г.

Разрушенное здание Кубанского медицинского института. Краснодар, 1943 г.

Руины корпуса Воронежского медицинского института. 1943 г.

Профессор Н.И. Балабан. 1940 г.

Студенты Белгородского
медицинского училища. Август 1941 г.

Выпуск врачей Сталинградского мединститута. Май 1942 г.

Кисловодск. Студенты медицинского института. Март 1944 г.

Студенты Ессентукской фельдшерской школы. 1945 г.

Выпуск Краснодарской краевой зубоврачебной школы. 1941 г.

Выпуск Карачаевской фельдшерско-акушерской школы.
Микоян-Шахар, 1940 г.

Профессор Я.С. Шварцман

Профессор Ф.М. Бриккер с дочерью

Доцент Т.М. Виленский с женой М.З. Виленской

Профессор А.Н. Полонский

Ассистент И.И. Эрлих

Ассистент В.А. Цвиленева

Профессор В.А. Шаак

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отношение гитлеровских оккупационных властей к вопросам подготовки медицинских кадров на захваченных территориях СССР вытекало из общих и частных моментов их политики в том или ином регионе. По национальному составу население оккупированных республик СССР было крайне неоднородным: это были русские, украинцы, белорусы, латыши, литовцы, эстонцы, евреи и другие народности. В первую очередь именно вопрос о расовой принадлежности играл для оккупантов ключевую роль, когда речь заходила о медицинской помощи местному населению: достоин тот или иной народ права на дальнейшее существование или нет? Планируя длительный контакт с местным населением, гитлеровцы были вынуждены разрешить подготовку врачей, среднего и младшего медицинского персонала во многих местах. Однако все принимавшиеся нацистами меры отличались крайней непоследовательностью и бессистемностью. Достаточно сказать о том, что, сокращая объем обучения в средней школе, оккупационные власти делали невозможным поступление выпускников в вузы по образовательному цензу, хотя в целом систему высшего образования не отвергали.

Вопрос подготовки медицинских кадров целиком зависел от той роли, которая отводилась германскими властями здравоохранению в тех или иных оккупированных районах, а также от состояния, в котором оказалась там медицинская сфера.

Проведенный анализ позволил выявить различие в подходах германского командования к проблеме подготовки медицинских кадров на различных оккупированных территориях в разные периоды своего пребывания на советской земле. Так, опасаясь риска распространения инфекционных заболеваний, германские власти, отступив от своих первоначальных установок, разрешили продолжить работу части лечебных учреждений на оккупированных территориях. Не препятствуя устремлениям различных этнических групп, они позволили возобновить деятельность ряда медицинских образовательных заведений на территории прибалтийских республик и Украины.

Спустя некоторое время, посчитав опасным поддержку националистических элементов, а также приступив к массовому вывозу трудоспособного населения на работы в Германию, окку-

панты запретили на этих территориях деятельность большинства учреждений высшего и среднего образования. Лишь в отдельных случаях, когда на местах ощущалась явная нехватка медицинских кадров, они допустили возобновление работы институтов и школ медицинского профиля. При этом зачастую их статус был понижен, а деятельность существенно осложнилась.

Из функционировавших в течение всего периода оккупации учреждений высшего образования следует отметить университет в Одессе и университет Эстонского самоуправления в Тарту, в составе которых действовали факультеты, осуществлявшие подготовку врачей. Подготовка среднего медицинского персонала осуществлялась местечковым образом на краткосрочных курсах, зачастую организованных при больницах и аптеках. Подобная практика отмечалась на территории не только Украины, но и Белоруссии, где наиболее остро ощущалась нехватка медицинских кадров. Открытие здесь медицинского института состоялось только весной 1943 года, в то время как в соседних республиках Прибалтики и Украине образовательные учреждения подверглись массовому закрытию. Могилевский медицинский институт проработал в период оккупации всего несколько месяцев, после чего в связи с наступлением Красной Армии был эвакуирован.

Попыток открытия медицинских образовательных учреждений в захваченных районах России оккупантами практически не предпринималось. Исключение составил Северный Кавказ, где германские власти всего за несколько месяцев своего пребывания позволили открыть медицинский институт в Кисловодске, фармацевтический вуз в Пятигорске и разрешили возобновить работу медицинского института в Ставрополе. Одновременно ими были открыты несколько медицинских школ в регионе Кавказских Минеральных Вод. Этому способствовало наличие материальной базы учреждений медицинского образования, а также квалифицированных преподавателей, многие из которых прибыли из других оккупированных и прифронтовых районов. На принятие оккупантами решения об открытии медицинских учебных заведений оказывало влияние стремление завоевать симпатии жителей Северного Кавказа, представлявшего стратегический интерес для германского командования в качестве туристического региона и курортной здравницы.

Судьбы сотрудников и студентов образовательных медицинских учреждений, действовавших на оккупированных территориях, складывались по-разному. Массовому уничтожению подверглись сотрудники и учащиеся еврейской национальности. Многие преподаватели, в особенности с западных территорий страны (Западная Украина, республики Прибалтики), при отступлении германских войск добровольно выехали с вместе с ними на Запад, некоторые были вывезены принудительно. Большинство сотрудников продолжило свою трудовую деятельность в учреждениях образования и медицины после восстановления на этих территориях советской власти. Некоторые из них привлекались советскими властями к уголовной ответственности за сотрудничество с оккупантами, но в целом эти случаи носили единичный характер.

Пребывание немецко-фашистских захватчиков и их союзников на территории советских союзных республик нанесло серьезный ущерб медицинским образовательным учреждениям. Научный потенциал вузов был подорван в результате Холокоста и оттока кадров за рубеж, материальная база во многом оказалась разграблена или уничтожена, пострадала клиническая база. Возобновлению их работы после освобождения советской территории способствовало то, что часть коллективов все же выжила как в оккупации, так и в эвакуации. В обескровленные коллективы пришли преподаватели из других учреждений, находившихся в тылу страны.

В представленной работе рассмотрен широкий спектр проблем, связанных с деятельностью медицинских образовательных учреждений, оказавшихся на оккупированной врагом территории Советского Союза. В то же время ряд вопросов, таких как содержание учебного процесса, количественные показатели подготовки кадров, дальнейшие судьбы сотрудников и учащихся, требует дополнительных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

Государственный архив Российской Федерации

1. Фонд Р-7021. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР. Оп. 9. Д. 50; Оп. 16. Д. 144; Оп. 17. Д. 1, Д. 3–5, Д. 7–8; Оп. 40. Д. 844; Оп. 93. Д. 21, Д. 52;

Российский государственный архив социально-политической истории

2. Фонд 269. Толстой Алексей Николаевич (1883–1945). Оп. 1. Д. 26.

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

3. Фонд 33. Наградные документы Главного управления кадров. Оп. 682525. Д. 169; Оп. 690155. Д. 4378; Оп. 690306. Д. 2426.

Государственный архив Волгоградской области

4. Фонд Р-6088. Сталинградская областная комиссия содействия в работе Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, г. Сталинград. Оп. 1. Д. 612.

Государственный архив Краснодарского края

5. Фонд Р-418. Управление главного врача Краснодарской области. Оп. 1. Д. 1, Д. 7, Д. 17, Д. 26.

6. Фонд Р-505. Ейская городская больница. Оп. 1. Д. 4.

7. Фонд Р-897. Краснодарская краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками. Оп. 1. Д. 1, Д. 2.

**Центр документации новейшей истории
Краснодарского края**

8. Фонд Р-4372. Краснодарский (Южный) штаб партизанского движения. Оп. 1. Д. 29.

Государственный архив Ставропольского края

9. Научно-справочная библиотека. Инв. № 6633.

10. Фонд Р-1053. Городские и районные отделы и учреждения здравоохранения Ставропольского края. Оп. 1. Д. 1, Д. 116.

11. Фонд Р-1059. Коллекция документальных материалов, отражающих период немецко-фашистской оккупации Орджоникидзевского края. Оп. 1. Д. 8.

12. Фонд Р-1368. Ставропольская краевая комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Оп. 1. Д. 84.

13. Фонд Р-1686. Исполнительный комитет Ставропольского городского Совета народных депутатов. Оп. 1. Д. 8.

14. Фонд Р-1852. Исполнительный комитет Ставропольского краевого Совета народных депутатов (крайисполком). Оп. 12. Д. 22.

15. Фонд Р-2174. Управление народного образования исполнительного комитета Ставропольского краевого Совета народных депутатов. Оп. 1. Д. 6.

16. Фонд Р-2431. Ставропольский государственный медицинский институт Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. Оп. 1. Д. 26, Д. 243; Оп. 3. Д. 6, Д. 858, Д. 862; Оп. 4 Д. 13.

17. Фонд Р-4063. Ессентукское медицинское училище Ставропольского краевого отдела здравоохранения г. Ессентуки. Оп. 1.

18. Фонд Р-4120. Медицинское училище Министерства здравоохранения СССР, с 1955 г. – Ставропольского краевого отдела здравоохранения г. Кисловодск. Оп. 1.

19. Фонд Р-5161. Пятигорский государственный фармацевтический институт (ПГФИ) Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. Оп. 1. Д. 1, Д. 3.

20. Фонд Р-5859. Клиническая больница № 1 краевого отдела здравоохранения. Оп. 2. Д. 26.

**Государственный архив новейшей истории
Ставропольского края**

21. Фонд 1. Ставропольский краевой комитет КПСС. Оп. 1. Д. 672; Оп. 2. Д. 74, Д. 586.

22. Фонд 23. Ставропольский городской комитет КПСС. Оп. 1. Д. 1069.

23. Фонд 4339. Первичная организация КПСС Пятигорского медицинского училища. Оп. 1. Д. 1.

**Архив Ставропольского государственного
медицинского университета**

24. Фонд Р-2431. Ставропольский государственный медицинский институт Народного комиссариата здравоохранения РСФСР. Оп. 2. Д. 8; Оп. 2а. Д. 70, Д. 74, Д. 92, Д. 123, Д. 134, Д. 163, Д. 170, Д. 516, Д. 980, Д. 1680, Д. 3553, Д. 3803; Оп. 3. Д. 1, Д. 33, Д. 350, Д. 500.

**Архив Управления Федеральной службы безопасности
России по Ставропольскому краю**

25. Архивно-следственное дело № 29665-пф.

Кисловодский историко-краеведческий музей «Крепость»

26. Документы и фотоматериалы о работе Кисловодского медицинского института.

**Музей истории Ставропольского государственного
медицинского университета Первого Санкт-Петербургского
государственного медицинского университета
имени академика И.П. Павлова**

27. Научно-вспомогательный фонд № 2. Докладная записка и.о. директора филиала 1-го Ленинградского медицинского института в Кисловодске Ш.Д. Галустяна от 18 февраля 1943 г.

**Музей истории Кубанского государственного
медицинского университета**

28. Фотоматериалы об истории Кубанского государственного медицинского университета.

**Музей истории Ставропольского государственного
медицинского университета**

29. Фонд 1. История Ставропольского государственного медицинского университета. 1941–1945 гг.

Опубликованные документы и материалы

30. ...Все судьбы в единую слиты... : По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков. – Смоленск: Маджента, 2003. – 152 с.

31. Генеральный план «Ост» // Военно-исторический журнал. – 1960. – № 1. – С. 83–98.

32. Главные документы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / авт.-сост. В. Долматов. – М. : Комсомольская правда, 2017. – 400 с.

33. Дашичев, В. И. Банкротство стратегии германского фашизма : Исторические очерки, документы и материалы / В. И. Дашичев. – Т. 1–2. – М. : Наука, 1973.

34. Документы обвиняют : сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. – М. : Госполитиздат, 1943. – Выпуск I. – 250 с.

35. Документы обвиняют : сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. – М. : Госполитиздат, 1945. – Выпуск II. – 392 с.

36. Дополнительные данные о Генеральном плане «Ост» // Военно-исторический журнал. – 1964. – № 7. – С. 119–122.

37. Жизнь в оккупации. Винницкая область, 1941–1944. – М.: РОССПЭН, 2010. – 856 с.

38. Жизнь и творчество профессора М.С. Макарова в документах и воспоминаниях : сборник исторических материалов / под ред. А. В. Карташева. – Ставрополь : Изд-во СтГМУ, 2016. – 200 с.

39. Зильберман, Д. «И Ты это видел» / Д. Зильберман. – М.: Полимед, 2012. – 320 с.

40. Київський процес. Документи та матеріали. – Київ: Либідь, 1995. – 208 с.

41. Книга памяти. Российская Федерация, Орловская область. Т. 12. – Орел: Орелиздат, 1998. – 480 с.

42. Латвия под игом нацизма : сборник архивных документов. – М.: Европа, 2006. – 339 с.

43. Насильство над цивільним населенням. Вінницька область. Документи органів держбезпеки. 1941–1944. – Київ: В. Захаренко, 2020. – 564 с.

44. Неизвестная «Черная книга». Материалы к «Черной книге» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга / сост. Илья Альтман. – Москва: АСТ: CORPUS, 2015. – 416 с.

45. Нюрнбергский процесс : сборник материалов. В 8 т. – М. : Юридическая литература, 1987–1999.

46. Нюрнбергский процесс : сборник материалов. В 2 т. / под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) и др. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Госюриздат, 1954.

47. О злодеяниях гитлеровцев на советской земле. Записка рейхслейтера М. Бормана рейхслейтеру А. Розенбергу // Военно-исторический журнал. – 1965. – № 1. – С. 82–83.

48. О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. – М. : Госполитиздат, 1943. – 31 с.

49. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне : сборник документов. – Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. – М. : Русь, 2000. – 724 с.

50. Под немцами : Воспоминания, свидетельства, документы / сост. К. М. Александров. – СПб. : Скрипториум, 2011. – 608 с.

51. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. – Минск: Беларусь, 1965. – 464 с.

52. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). – М. : Политиздат, 1968. – 383 с.

53. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. – М.: ОГИЗ, 1946. – 457 с.

54. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве. – М. : Госполитиздат, 1944. – 15 с.

55. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. О разрушениях и злодеяниях, произведенных немец-

ко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и в Новгородском районе Ленинградской области. – М. : Госполитиздат, 1944. – 12 с.

56. Специальное сообщение о положении в гор. Киеве после оккупации его противником. Секретарю ЦК КП(б)У Хрущеву Н.С. // Источник. Документы русской истории. – 1995. – № 3. – С. 137–142.

57. Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная в документах и исследованиях / науч. ред. проф. Т. А. Булыгина; сост.: В. В. Белоконов, Т. Н. Колпикова и др. – Ставрополь : Изд-во СГУ, 2005. – 608 с.

58. Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): Документы и материалы / сост. В. А. Водолажская. – Ставрополь : Кн. изд-во, 2000. – 175 с.

59. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года). – Минск: Госполитиздат, 1947. – 472 с.

60. Эльконин Д.Б. «...Нет меры, могущей измерить чувство дружбы моей» (фронтовые письма А.Н. Леонтьеву) / К печати подготовили: А. А. Леонтьев, Д. А. Леонтьев; Примечания: Т. О. Гиневская, А. А. Леонтьев, Т. А. Нежнова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1989. – № 4. – С. 10–20.

61. Эстония. Кровавый след нацизма: 1941–1944 годы : Сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. – М.: Европа, 2006. – 268 с.

Законодательно-нормативные акты

62. О подготовке средних медицинских, зубоврачебных и фармацевтических кадров. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР // Известия. – 1936. – 9 сентября. – С. 3.

63. Постановление СНК СССР от 03.10.1938 г. № 1057 «О Положении и структуре Народного Комиссариата Здравоохранения Союза ССР» // Собрание законов и распоряжений СНК СССР. – 1938. – № 1057. – Ст. 267.

Периодическая печать

Газеты

64. Вісті. Еженедельник для украинских рабочих Генерал-губернаторства (вместе с Галичиной). 1943 г.

65. Голос Крыма. Орган Симферопольского городского управления. 1942 г.

66. Голос Ростова. Орган управления бургомистра г. Ростова-на-Дону. 1942 г.

67. Голос Сарненщины. Орган Сарненского района. 1942 г.

68. Заря. Орган городского управления г. Ессентуки. 1942 г.

69. За Родину. Орган отдела пропаганды штаба «Норд». 1942 г.

70. Известия. Орган Советов депутатов трудящихся СССР. 1936–1943 гг.

71. Кавказский вестник. Газета краевого управления Ставрополя. 1942–1943 гг.

72. Краківські вісті: народний часопис для Генерал-Губернаторства. Ежедневная газета Украинского издательства. 1942 г.

73. Красная Звезда. Центральный орган Народного комиссариата обороны Союза ССР. 1941–1944 гг.

74. Кубань. Орган управления бургомистра города Краснодара. 1942–1943 гг.

75. Молва. Ежедневная информационная газета, город Одесса. 1942 г.

76. Нове Українське Слово. Київське Народне Видавництво. 1942 г.

77. Новочеркасский вестник. Орган городской управы Новочеркасска. 1943 г.

78. Орджоникидзевская правда. Орган Орджоникидзевского крайкома ВКП(б), краевого Совета депутатов трудящихся и Ворошиловского горкома ВКП(б). 1941–1942 гг.

79. Правда. Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). 1943–1946 гг.

80. Прикумский вестник. Газета Прикумского городского и районного управления. 1942 г.

81. Пятигорское эхо. Орган управления бургомистра г. Пятигорска. 1942 г.

82. Русская правда. Газета городского управления г. Ставрополя. 1942 г.

83. Ставропольская правда. Орган Ставропольского крайкома ВКП(б), исполкома Крайсовета депутатов трудящихся и Ставропольского горкома ВКП(б). 1943 г.

84. Ставропольское слово. Газета городского управления г. Ставрополя. 1942 г.

85. Тижневик Барської округи. Видання Барського Гебітскомісара. 1942 г.

86. Утро Кавказа. Газета городского управления г. Ставрополя. 1942–1943 гг.

Источники личного происхождения

87. Личный архив авторов. Переписка с Ж. Шевалье, сыном Г.А. Лепинг.

Мемуары и воспоминания

88. Беликов, Г. А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943 / Г. А. Беликов. – Ставрополь : Фонд духовного просвещения, 1998. – 151 с.

89. Галембо Мария Борисовна. По закоулкам воспоминаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/avtor/galembomb> (дата обращения: 09.02.2023).

90. Гальдер, Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Том 3. Книга 1 / Ф. Гальдер. – М. : Воениздат, 1971. – 403 с.

91. Ионов, Ю. В. Оккупация: до и после (записки старого краснодарского врача) / Ю. В. Ионов. – Краснодар : Экоинвест, 2014. – 213 с.

92. Мемуары Юдифь Альтшулер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bernshtam.name/?page_id=596 (дата обращения: 22.07.2019).

93. Труфанова, В. Ф. Так поступали советские медики / В. Ф. Труфанова // В боях за Харьковщину : воспоминания участников Великой Отечественной войны. – Харьков: Прапор, 1973. – 438 с.

94. Тюленев, И. В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945 / И. В. Тюленев. – М. : Центрполиграф, 2007. – 399 с.

95. Юнгер, Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / Э. Юнгер. – СПб. : Владимир Даль, 2002. – 784 с.

Публицистика

96. Бехтерев, Л. И. Бой без выстрелов: Быль военных лет / Л. И. Бехтерев. – М.: Воениздат, 1968. – 157 с.

97. Мирошник, Т. Крымский лекарь. Литературный очерк / Т. Мирошник // Место встречи. – 2017. – С. 1–5.

98. Михайлов, И. В. Оккупация, или 160 дней по германскому времени / И. В. Михайлов. – Ставрополь : Сервисшкола, 2007. – 132 с.

99. Цуприкова, О. Эпидемии прошлого / О. Цуприкова // Жизнь Луганска. – 2009. – № 49. – С.10.

Литература

Монографии, научные статьи, сборники научных трудов

100. «Рутения» в Риге и на чужбине / составители Е. А. Осипов, Г. Г. Гроссен, Д. А. Левицкий. – Вашингтон-Рига: Латвийское общество русской культуры, 2005. – 263 с.

101. XX век: история одной семьи (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. VIII) / под ред. А. В. Попова. – М.: Изд-во «РУСАКИ», 2003. – 272 с.

102. Абраменко, М. Е. Здравоохранение Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : учебно-методическое пособие / М. Е. Абраменко. – Гомель : Изд-во ГГМУ, 2010. – 112 с.

103. Абраменко, М. Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944)» / М. Е. Абраменко // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 13–19.

104. Адашкевич, В. П. Дерматовенерология / В. П. Адашкевич. – М.: Медицинская литература, 2019. – 408 с.

105. Алексеенко, С. Н. Медицинская наука на Кубани: этапы большого пути / С. Н. Алексеенко // Кубанский научный медицинский вестник. – 2010. – № 5. – С. 5–8.

106. Алексеенко, С. Н. Кубанский государственный медицинский университет в годы Великой Отечественной войны / С. Н. Алексеенко, А. Г. Ковальская // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 3–4. – С. 492–495.

107. Альтман, И. А. Жертвы ненависти. Холокост в СССР, 1941–1945 гг. / И. А. Альтман. – М. : Фонд «Ковчег», 2002. – 543 с.

108. Амбарцумян, А. А. Ленинград – Кисловодск – Кишинев: эпизод из жизни Кисловодского медицинского института / А. А. Амбарцумян // Медицина и курорты Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны : сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. – Ставрополь: СтГМУ, 2015. – С. 199–204.

109. Анастасьин, Д. Начало трех национальных академий / Д. Анастасьин, И. Вознесенский // Память: Исторический сборник. – Париж, 1982. – Вып. 5. – С. 162–225.

110. Безугольный, А. Ю. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения / А. Ю. Безугольный, Н. Ф. Бугай, Е. Ф. Кринко. – М. : Центрполиграф, 2012. – 479 с.

111. Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями, 1940–1991 / ред. Ю. Эннусте и др.; пер. с эстонск. А. Бабаджана и др. – Таллинн, 2005. – 174 с.

112. Беликов, М. А. Особенности подготовки врачебных кадров в 1941–1943 гг. (по материалам Кубанского медицинского института им. Красной Армии) / М. А. Беликов // Великая Отечественная война в контексте истории XX века : материалы международной научно-практической конференции (Адлер, 27–31 мая 2005 г.). – Краснодар, 2005. – С. 18–20.

113. Боган, С. М. Стан медичного та ветеринарного обслуговування населення Півдня України в період німецької окупації в 1941–1944 роках / С. М. Боган // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер.: Історія. – 2011. – Т. 147. – Вип. 134. – С. 34–36.

114. Богов, В. Материалы о преступной деятельности научных институтов СС во время Второй мировой войны на территории Латвии / В. Богов // Альманах «Русский мир и Латвия». – Вып. XIX. – 2009. – С. 149–153.

115. Боляновський, А. В. Розстріли польських професорів у Львові в липні 1941 року: історичні факти, юридичні звинувачення, політичні інсинуації / А. В. Боляновський // Україна-Польща: історична спадщина і суспільна свідомість. – 2010–2011. – Вип. 3–4. – С. 107–146.

116. Бугай, Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР

в 30–40-х годах / Н. Ф. Бугай // История СССР. – 1989. – № 6. – С. 135–143.

117. Бякина, В. П. 1-й ЛМИ в годы блокады: «Цель № 89» / В. П. Бякина, И. В. Зимин // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова. – 2008. – № 4. – С. 5–10.

118. Варава, Г. Н. История института стоматологии АМН Украины за 80 лет / Г. Н. Варава, К. Н. Косенко // Вестник стоматологии. – 2010. – № 2. – С. 128–136.

119. Варивода, К. С. Науково-організаційна робота і педагогічна діяльність академіка Д.С. Воронцова в галузі електрофізіології (перша половина ХХ століття) / К. С. Варивода // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. Вип. 37. С. 77–81.

120. Васильев, К. К. Участник Великой Отечественной войны Михаил Александрович Ясиновский (1899–1972) / К. К. Васильев, Ю. К. Васильев // Материалы X Всероссийской конференции с международным участием «Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» – М.: МГМСУ, 2014. – С. 42–44.

121. Великая Отечественная Война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. – М.: Воениздат, 1967. – 623 с.

122. Верба, І. В. Історик Кость Штеппа: людина, вчений, педагог / І. В. Верба, М. О. Самофалов. – Киев, 2010. – 195 с.

123. Вишневский, С. А. Функционирование Одесского университета в годы немецко-румынской оккупации Юга УССР (1941–1944 гг.) / С. А. Вишневский, А. Ю. Гуменюк // Гуманитарные науки. – 2020. – № 1. – С. 20–24.

124. Воронкова, И. Ю. Гитлеровская оккупация и начало антифашистской борьбы в Белоруссии в 1941 году / И. Ю. Воронкова, В. И. Кузьменко // Новая и новейшая история. – 2011. – № 5. – С. 101–138.

125. Галимова, Ю. Ш. Офтальмолог А. А. Бельский: жизнь и деятельность / Ю. Ш. Галимова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2019. – № 3. – С. 25–34.

126. Ганіткевич, Я. В. До історії становлення української вищої медичної школи (Медичний інститут в окупованому гітлерівцями Києві у 1941–1943 рр.) / Я. В. Ганіткевич // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. – 2010. – № 3. – С. 47–54.

127. Ганіткевич, Я. В. Історичні етапи розвитку Львівського національного медичного університету імені Данила Галицького / Я. В. Ганіткевич // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. – 2012. – № 3. – С. 106–116.

128. Ганіткевич, Я. В. Марко Нещадименко – засновник української школи мікробіологів та епідеміологів: До 130-річчя від дня народження / Я. В. Ганіткевич // Львівський мед. часопис. – 1999. – Т. 5. – № 2. – С. 103–107.

129. Генерал Власов: история предательства: В 2 т., в 3 кн. Т. 1. Нацистский проект «Aktion Wlassow». – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 1160 с.

130. Гінда, В. В. Освітня політика нацистів в райхскомісаріаті Україна / В. В. Гінда // Сторінки воєнної історії України: зб. наук. статей. – Київ, 2012. – № 15. – С. 61–75.

131. Гичка, А. И. Состояние медицинского обслуживания сельского населения Украины в 1943–1945 гг. / А. И. Гичка // Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science, I(2). – Issue: 12, 2013. – С. 42–46.

132. Гребень, Е. А. Проблема медицинского обслуживания в период нацистской оккупации Беларуси / Е. А. Гребень // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». – 2012. – Т. 14. – С. 23–30.

133. Даллин, А. Захваченные территории СССР под контролем нацистов. Оккупационная политика Третьего рейха 1941–1945 / А. Даллин. – М. : Центрполиграф, 2019. – 640 с.

134. Данилюк, М. В. Положение и значение Минского государственного медицинского института в ходе Великой Отечественной войны / М. В. Данилюк // Молодой ученый. – 2015. – № 14. – С. 395–397.

135. Дейкало, В. П. К 75-летию учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» / В. П. Дейкало, С. А. Сушков, В. С. Глушанко, Т. Л. Петрище // Вестник Витебского государственного медицинского университета. – 2009. – Т. 8. – № 4. – С. 178–189.

136. Довжик, А. Життєвий шлях викладача, вченого Валентини Василівни Радзимовської / А. Довжик // Емінак. – 2016. – № 3. – Т. 3. – С. 98–108.

137. Доронина, Н. В. Культурная политика в контексте нацистской пропаганды на оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942–1943 гг. / Н. В. Доронина // Манускрипт. – 2018. – № 7. – С. 34–38.

138. Ерегина, Н.Т. Высшая медицинская школа России, 1917–1953 / Н. Т. Ерегина. – Ярославль : Индиго, 2010. – 640 с.

139. Ерегина, Н.Т. Ярославская медицинская академия: от истоков до наших дней / Н. Т. Ерегина. – Ярославль : Индиго, 2013. – 640 с.

140. Ермак, Е. И. Попытка введения медицинского страхования в Беларуси в 1943 г. / Е. И. Ермак, Е. М. Тищенко // Материалы 10-й Республиканской конференции по истории медицины и здравоохранения. – Минск : Изд-во РНМБ, 2004. – С. 13–14.

141. Ермолов, И. Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944 / И. Г. Ермолов. – М. : Центрполиграф, 2010. – 383 с.

142. Есауленко, И. Э. Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко – от истоков до сегодняшнего дня / И. Э. Есауленко, В. И. Попов // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. – 2015. – № 4. – С. 240–248.

143. Журавлев, Е. И. Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашистской оккупации (1941–1943 годы): на материалах Юга России / Е. И. Журавлев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 16. – С. 66–73.

144. Журавлев, Е. И. Оккупационная политика фашистской Германии на Юге России (1941–1943 гг.): цели, содержание, причины краха / Е. И. Журавлев // Научная мысль Кавказа. – 2001. – № 1. – С. 36–43.

145. Завадский, А. В. 80 лет кафедре оториноларингологии Крымского университета им. В.И. Вернадского / А. В. Завадский // Вестник оториноларингологии. – 2016. – Т. 81. – № 3. – С. 81–83.

146. Зимин, И. В. Разные дни войны... Профессор В.А. Шаак: Ленинград – Кисловодск – Берлин – Ленинград (1941–1974) / И. В. Зимин // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И.П. Павлова в годы Первой и Второй мировых войн: сборник статей. – СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2015. – С. 49–61.

147. Иванов, Д. О. Объект 708: подвиг ленинградских педиатров / Д. О. Иванов, Г. Л. Микиртичан, И. А. Савина, И. Д. Ляхов, Ю. В. Петренко, И. А. Победимова, Л. А. Титова. – СПб.: СПбГПМУ, 2021. – 176 с.

148. Инамова, С. Т. Высшее медицинское образование в Крыму: опыт ретроспективного анализа / С. Т. Инамова, М. Э. Абдул-

лаева, М. Ш. Ганиева, А. Г. Арзыбеков, Д. А. Сеница // *Sciences of Europe*. – 2019. – № 40. – С. 18–24.

149. История Великой Отечественной Войны Советского Союза. 1941–1945. В 6 т. – М. : Воениздат, 1960–1965.

150. История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. – М. : Воениздат, 1973–1982.

151. Кабакова, Т. И. 70 лет высшему фармацевтическому образованию в Пятигорске / Т. И. Кабакова // *Фармация*. – 2013. – № 3. – С. 4–8.

152. Кантор, Ю. З. Прибалтика: война без правил (1939–1945) / Ю. З. Кантор. – СПб.: Журнал «Звезда», 2011. – 336 с.

153. Карташев, А. В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны / А. В. Карташев // *Гуманитарные и юридические исследования*. – 2016. – № 2. – С. 73–80.

154. Карташев, А. В. Ставропольский медицинский: история науки (1938–2013 гг.) / А. В. Карташев, Е. В. Щетинин. – Ставрополь : Изд-во СтГМУ, 2014. – 164 с.

155. Карташев, А. В. Ставропольский медицинский институт в годы войны // На рубежах Кавказа : сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне / А. В. Карташев, В. Н. Пахомов. – Ставрополь : Изд-во СтГМА, 2010. – С. 69–85.

156. Карташев, А. В. Становление высшего медицинского образования на Северном Кавказе (1915–1945) / А. В. Карташев, Р. С. Спевак, Е. К. Скларова [и др.]. – Ставрополь : Изд-во СтГМУ, 2018. – 192 с.

157. Карташев, И. В. Здравоохранение Кубани и Ставрополья в период немецко-фашистской оккупации (1942–1943 гг.): проблемы источниковедения / И. В. Карташев // *Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал*. – 2019. – №.2. – С. 32–40.

158. Карташев, И. В. Здравоохранение на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. / И. В. Карташев. – Ставрополь : Изд-во СтГМУ, 2022. – 292 с.

159. Карташев, И. В. К вопросу о работе Ворошиловского (Ставропольского) медицинского института в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.) / И. В. Карташев // *Гуманитарные и*

юридические исследования: научно-теоретический журнал. – 2018. – № 2. – С. 63–74.

160. Карташев, И. В. К вопросу о судьбах преподавателей и студентов 1-го Ленинградского медицинского института в годы Великой Отечественной войны / И. В. Карташев, А. В. Карташев // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова. – 2021. – Т. 28. – № 1. – С. 9–16.

161. Карташев, И. В. Курорты Северного Кавказа в планах гитлеровского командования (по материалам оккупационных газет) / И. В. Карташев // Медицина и курорты Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: сборник научных трудов, посвященных 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. – Ставрополь : Изд-во СтГМУ, 2020. – С. 93–99.

162. Карташев, И. В. Особенности организации медицинского обслуживания населения на оккупированных территориях СССР в период Великой Отечественной войны / И. В. Карташев // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. – 2020. – № 1. – С. 22–32.

163. Карташев, И. В. Работа эвакогоспиталей в Ставрополе в период Великой Отечественной войны / И. В. Карташев // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 12. – С. 40–47.

164. Каширская, Е. И. Трудный путь Астраханского медицинского института в годы Великой Отечественной войны. Памяти уникальных, грамотных и сильных духом медицинских специалистов / Е. И. Каширская, У. А. Озорнина // StatusPraesens. Педиатрия и неонатология. – 2020. – № 3–4. – С. 39–44.

165. Кіпель, Я. Епізоди / Я. Кіпель. – Нью Їрк: Видавництва газети «Беларус», 1998. – 305 с.

166. Ключникова, Л. Г. Ставропольский медицинский институт в годы войны // На рубежах Кавказа : сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне / Л. Г. Ключникова. – Ставрополь : Изд-во СтГМА, 2010. – С. 86–87.

167. Ковалев, Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944 / Б. Н. Ковалев. – М. : АСТ, Транзиткнига, 2004. – 544 с.

168. Ковалев, Б. Н. Повседневная жизнь населения России

в период нацистской оккупации / Б. Н. Ковалев. – М. : Молодая гвардия, 2011. – 656 с.

169. Кривошей, Д. А. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944 г.) / Д. А. Кривошей. – М. : Фонд «Историческая память», 2017. – 315 с.

170. Кринко, Е. Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) / Е. Ф. Кринко // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2015. – № 2. – С. 40–50.

171. Кринко, Е. Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.) / Е. Ф. Кринко. – Майкоп : Изд-во АГУ, 2000. – 242 с.

172. Крыкляс, Г. Г. 120 лет со дня рождения проф. Николая Николаевича Соколова / Г. Г. Крыкляс, Г. Н. Варава // Вестник стоматологии. – 2010. – № 4. – С. 109–112.

173. Кузнецов, И. С. Первый Ленинградский медицинский институт в оккупированном Кисловодске / И. С. Кузнецов, Д. Д. Платонов // Уроки Холокоста и оккупации: судьбы медицинских работников и практики выживания на территориях СССР : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2019. – С. 113–119.

174. Кузьменко, Т. В. Медицинская помощь в оккупированном Витебске в рассказах очевидцев и документах / Т. В. Кузьменко, А. П. Шмаков, Н. Н. Зуев // Вестник Витебского государственного медицинского университета. – 2012. – Т. 11. – № 4. – С. 112–117.

175. Куликов, В. Я. Оккупация Винницы (18.07.1941 – 20.03.1944): свидетельство очевидца / В. Я. Куликов. – Киев: Паррапан, 2012. – 383 с.

176. Куницкий, М. П. Социально-бытовые аспекты повседневной жизни украинского населения в рейхскомиссариате «Украина» (1941–1944 гг.) / М. П. Куницкий // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 12-1. – С. 171–175.

177. Кутя, С. А. Юбилейные даты в истории морфологии в 2012 году / С. А. Кутя // Морфология. – 2012. – Т. 6. – № 1. – С. 65–68.

178. Лазарев, А. М., Друговская, А. Ю. Курский медицинский институт в годы войны / А. М. Лазарев, А. Ю. Друговская // Высшее образование в России. – 2005. – № 5. – С. 67–75.

179. Лазаренко, В. А. Курский государственный медицинский университет: прошлое и настоящее / В. А. Лазаренко // Высшее образование в России. – 2015. – № 1. – С. 97–103.

180. Латвийскому государственному университету им. Петра Стучки – 60 лет : Сборник материалов / сост. Я. Порietис. – Рига: Авотс, 1984. – 215 с.

181. Линец, С. И. Город во мгле... (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации: август 1942 г. – январь 1943 г.) / С. И. Линец. – Пятигорск : Изд-во ПГЛУ, 2010. – 138 с.

182. Линченко, С. Н. Военная кафедра Кубанского медицинского института им. Красной Армии: вместе с народом к Великой Победе / С. Н. Линченко, И. В. Щимаева, И. И. Горина [и др.] // Славный юбилей Великой Победы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону : Изд. РостГМУ, 2015. – С. 26–28.

183. Ломагин, Н. А. Неизвестная блокада / Н. А. Ломагин. – СПб: Издательский Дом «Нева», М.: Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. – 960 с.

184. Львівський національний медичний університет імені Данила Галицького / редкол.: Зименковский Б.С. (голова), Гжегоцький М.Р., Магльований А.В. – Київ: Логос Україна, 2014. – 296 с.

185. Мазурицкий, А. М. Как спасали книги в годы Великой Отечественной войны: рассказы о забытых героях / А. М. Мазурицкий // Научные и технические библиотеки. – 2017. – № 12. – С. 109–122.

186. Маркевич, А. В. 140 лет кафедре нормальной анатомии Ростовского государственного медицинского университета / А. В. Маркевич, О. А. Каплунова // Медицинский вестник Юга России. – 2010. – № 1. – С. 69–79.

187. Масальский, В. І. Політика освітянського геноциду в період окупації Донбасу фашистською Німеччиною/ В. І. Масальський, А. В. Савенко // Донбасс: прошлое, настоящее, будущее: К 160-летию известного педагога и мыслителя Н.А. Корфа: Тезисы докладов и сообщений III региональной научно-практической конференции (22 декабря 1994 г.). – Донецк: Лебедь, 1995. – С. 109–110.

188. Мацук, А. М. Медицинские училища Министерства здравоохранения РСФСР в начале 1950-х годов. География расположения / А. М. Мацук // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2019. – № 1. – С. 7–32.

189. Медицина и курорты Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны : сборник материалов Межрегиональной на-

учно-практической конференции / гл. ред. А. В. Карташев. – Ставрополь : Изд-во СтГМУ, 2015. – 256 с.

190. Мельник, В. В. Кафедра мікробіології Київського медичного інституту у 20-х – 30-х роках ХХ століття: події, факти, документи / В. В. Мельник, В. П. Широбоков, О. П. Яворовський // Науковий вісник Національного медичного університету імені О.О. Богомольця. 2012. Вип. 4. С. 202–210.

191. Мирошниченко, А. В. Влияние немецкой оккупационной политики на состояние образования в Украине в 1941–1944 гг. / А. В. Мирошниченко // Вісник НТУУ «КПІ». Філософія. Психологія. Педагогіка : збірник наукових праць. – 2009. – № 3. – Ч. 2. – С. 133–137.

192. Молодова, И. Ю. Организация здравоохранения в условиях нацистской оккупации (по материалам региональных архивов Калужской, Брянской и Смоленской областей) / И. Ю. Молодова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 21. – С. 195–197.

193. Мурзова, О. А. Герои-астраханцы, спасавшие от смерти / О. А. Мурзова, Г. Р. Сагитова, Е. М. Ищенко, Р. В. Гарянин, А. И. Отто, Д. М. Фараджова // Медицина и организация здравоохранения. – 2020. – Т. 5. – № 3. – С. 63–69.

194. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944) / под ред. Е. А. Болтина. – М. : Политиздат, 1965. – 388 с.

195. Непомнящий, А. А. «Преодолевая нечеловеческие трудности»: Крымский государственный медицинский институт имени И.В. Сталина в годы Великой Отечественной войны (по документам из Государственного архива Российской Федерации) / А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25. – № 2. – С. 103–127.

196. Нестеренко, В. А. Политика немецких оккупантов в сфере обеспечения населения предметами первой необходимости (на примере областей военной зоны Украины 1941–1943 гг.) / В. А. Нестеренко // Русин. – 2015. – № 2. – С. 133–147.

197. Никулина, Е. Л. Кубанский медицинский институт, его сотрудники и выпускники в годы Великой Отечественной войны / Е. Л. Никулина // Кубанский научный медицинский вестник. – 2016. – № 2. – С. 165–168.

198. Новик, Н. Е. Профессиональные учебные заведения Могил-

лева во второй половине XIX – начале XX вв. / Н. Е. Новик // *Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 25–26 чэрвеня 2015 г.* – Могилев, 2015. – С. 401–407.

199. Ованесов, Б. Т. Здравоохранение Ставрополя (1918–2005 гг.) / Б. Т. Ованесов, Н. Д. Судаев. – Ставрополь : Стройиздат-Грантстрой, 2007. – 544 с.

200. Овчаров, В. К. К истории развития высшего медицинского образования в СССР / В. К. Овчаров. – М., 1957. – 126 с.

201. Огневщиков, В. В. Средние специальные учебные заведения Курской области в послевоенный период / В. В. Огневщиков // *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета.* – 2012. – № 4. – Т. 1. – С. 29–36.

202. Отвагин, И. В. Смоленская государственная медицинская академия – прошлое и настоящее / И. В. Отвагин, О. А. Козырев // *Вестник Смоленской государственной медицинской академии.* – 2015. – Т. 14. – № 1. – С. 7–13.

203. Очерки истории / под ред. академика РАМН В.И. Петрова. – Волгоград : изд-во ВолГМУ, 2005. – 368 с.

204. Павлова, Н. В. Героическая страница жизни 1 ЛМИ во время эвакуации (1942–1945) / Н. В. Павлова // *Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И.П. Павлова в годы Первой и Второй мировых войн: сборник статей.* – СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2015. – С. 61–68.

205. Панарина, Е. В. Социальная политика советского государства и военная повседневность населения Северного Кавказа в 1941–1945 гг. / Е. В. Панарина. – Армавир : РИО АГПУ, 2017. – 380 с.

206. Петрюк, П. Т. Психиатрия при нацизме: последствия дегуманизации психиатрической практики на временно оккупированных территориях СССР. Сообщение 7 / П. Т. Петрюк, А. П. Петрюк // *Психічне здоров'я.* – 2012. – № 2. – С. 77–89.

207. Пикер, Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И.В. Розанова / Г. Пикер. – Смоленск: Русич, 1993. – 496 с.

208. Попов, А. В. XX век: история одной семьи / А. В. Попов // *Материалы к истории русской политической эмиграции.* – Вып. 8. – 2003. – С. 15–138.

209. Потильчак, О. Нацистська політика у сфері підготовки спеціалістів із середньою та вищою спеціальною освітою в Україні

(1942–1944 pp.) / О. Потильчак // Архіви окупації 1941–1944. – Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2006. – С. 782–790.

210. Пушкаренко, Е. А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Беларусь в 1941–1944 годах / Е. А. Пушкаренко // Известия Саратовского университета. – 2021. – Т. 21. – № 2. – С. 167–174.

211. Пушкин, И. А. Першая вышэйшая навучальная ўстанова на Беларусі падчас гітлераўскай акупацыі / И. А. Пушкин // Магілёўская даўніна. – Магілёў: Магілёўская друкарня, 2001. – С. 123–128.

212. Пушкин, И. А. Тыловой район группы армий «Центр»: Деятельность медицинских учреждений в условиях гитлеровской оккупации Белорусско-российского пограничья (на примере города Могилева) / И. А. Пушкин // Западный регион России в международных отношениях X–XX вв. : материалы IV международной научной конференции. – Брянск : БГУ, 2015. – С. 336–343.

213. Реброва, И. В. Забытые жертвы нацизма? / И. В. Реброва // Уроки Холокоста и оккупации: судьбы медицинских работников и практики выживания на территориях СССР : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2019. – С. 26–35.

214. Ревегук, В. Я. Полтавщина в роки рдянсько-німецької війни (1941–1945) / В. Я. Ревегук. – Полтава : Дивосвіт, 2010. – 292 с.

215. Різничок, С. В. Євген Вертипорох як організатор фармацевтичної освіти у Львові у 40-х роках XX ст. / С. В. Різничок // Вісник Львівського університету. Серія «Педагогічна». – 2011. – Вип. 27. – С. 208–215.

216. Романько, О. В. Крым в период немецкой оккупации (1941–1944). Органы управления, их структуры и функции / О. В. Романько // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2017. – № 4. – С. 54–68.

217. Романько, О. В. Органы управления на оккупированной территории Крыма (1941–1944) / О. В. Романько // Историческое наследие Крыма. – 2005. – № 11. – С. 5–14.

218. Рудюк, М. П. Акушерство и гинекология / М. П. Рудюк, М. К. Венцовский. – М.: Медицина, 1964. – 280 с.

219. Рыблова, М. А. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) / М. А. Рыблова, Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина и др. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБ ВО РАНХиГС, 2015. – 336 с.

220. Рюмина, Т. О. В. А. Шаак – немец, лютеранин и врач. Незнакомый праведник народов мира / Т. О. Рюмина // Уроки Холокоста и оккупации: судьбы медицинских работников и практики выживания на территориях СССР : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2019. – С. 123–131.

221. Селютин, В. Н. О системе образования на оккупированной территории Орловской области / В. Н. Селютин // Пространство и время. – 2011. – № 3. – С. 93–95.

222. Сизых, Т. П. Истоки Красноярского медицинского института – академии – университета (к 67-летию КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого) / Т. П. Сизых // Сибирское медицинское обозрение. – 2009. – № 1. – С. 97–103.

223. Складорова, Е. К. Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны / Е. К. Складорова, М. А. Гутиева, А. В. Карташев [и др.]. – Ростов н/Д : Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2016. – 122 с.

224. Смирнов, В. А. Реквием XX века: в 5-ти ч. Ч. 1. / В. А. Смирнов. – Одесса: Астропринт, 2009. – 680 с.

225. Сорокин, А. На направлении главного удара / А. Сорокин // Родина. – 2013. – № 9. – С. 126–131.

226. Сорокина, М. Ю. Меж двух диктатур: советские ученые на оккупированных территориях СССР в годы Второй мировой войны (к постановке проблемы) / М. Ю. Сорокина // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. – М.: Дом Русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2012. – С. 146–203.

227. Сорокина, О. Л. Школы в условиях войны и оккупации / О. Л. Сорокина // Российские регионы: взгляд в будущее. – 2015. – № 2. – С. 138–162.

228. Спевак, Р. С. Работа медицинских вузов на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны / Р. С. Спевак, А. В. Карташев // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2015. – № 3. – С. 63–68.

229. Сперанский, А. В. Высшая школа СССР в 1941–1945 гг.: экзамены войны / А. В. Сперанский // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 33–38.

230. Сталинградский государственный медицинский институт в Сталинградской битве : монография / О. С. Киценко, Р. Н. Киценко, Е. В. Комиссарова, И. А. Петрова. – Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2018. – 171 с.

231. Судавцов, Н. Д. Бой без выстрелов: кисловодские медицинские учреждения в период немецкой оккупации / Н. Д. Судавцов // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 4. – С. 23–27.

232. Теремов, Д. Д. Из истории Смоленского государственного стоматологического института (1936–1941 гг.) / Д. Д. Теремов, С. В. Нагорная, В. М. Остапенко, К. А. Пашков, О. Р. Паренькова // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. – 2018. – Т. 17. – № 4. – С. 171–181.

233. Тищенко, Е. М. Медицина партизанских зон Беларуси / Е. М. Тищенко // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. – 2010. – № 2. – С. 178–180.

234. Толстой, А. Н. Коричневый дурман / А. Н. Толстой. – Молотов: ОГИЗ, 1943. – 11 с.

235. Туронак, Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Минск : Беларусь, 1993. – 236 с.

236. Улащик, В. С. Максим Львович Выдрин (1870–1951) / В. С. Улащик // Здравоохранение. – 2014. – № 3. – С. 78–81.

237. Федотов, Д. Д. О гибели душевнобольных на территории СССР, временно оккупированной фашистскими захватчиками, в годы Великой Отечественной войны / Д. Д. Федотов // Вопросы социальной и клинической психоневрологии. – 1965. – Т. 12. – С. 443–459.

238. Филоненко, С. И. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943) / С. И. Филоненко, Н. В. Филоненко. – Воронеж : Изд-во ВГАУ, 2005. – 256 с.

239. Хильмончик, Н. Е. Средний медицинский персонал Белоруссии в годы фашистской оккупации / Н. Е. Хильмончик // Военно-медицинский журнал. – 2014. – № 5. – С. 72–74.

240. Циделко, Т. А. Праведники народов мира: семья Шевалевых / Т. А. Циделко // Вестник морской медицины. – 2019. – № 3. – С. 106–110.

241. Чабан, М. П. Вчений-фізіолог Василь Михайлович Архангельський: від асистента до ректора / М. П. Чабан, З. І. Шевцова, В. В. Гапонов // Гастроентерология. – Vol. 53. – № 3. – 2019. – С. 210–217.

242. Часнык, Г. А. Краснодарская фельдшерско-акушерская школа: война и судьбы / Г. А. Часнык // Великая Отечественная война: история, документы и факты : материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию окончания Великой Отечественной войны (23–27 мая 2005 г.). – Краснодар : Периодика Кубани, 2005. – С. 163–168.

243. Чегутаева, Л. Ф. Летопись города-курорта Пятигорска. Раздел 8. / Л. Ф. Чегутаева. – Ставрополь: Печатный Двор, 2021. – 128 с.

244. Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. – Иерусалим : Тарбут, 1980. – 547 с.

245. Черняков, Д. И. Состояние школьного образования в оккупированном Брянске (октябрь 1941 – сентябрь 1943 гг.) / Д. И. Черняков // Наш край в судьбе Отечества: Материалы научно-практической конференции. – Брянск, 2008. – С. 71–86.

246. Шабров, А. В. 2-й Ленинградский медицинский институт (ныне – Санкт-Петербургская государственная медицинская Академия им. И.И. Мечникова) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / А. В. Шабров, В. П. Романюк // Вестник СПбГМА им. И.И. Мечникова. – 2005. – № 1. – С. 216–220.

247. Шевяков, А. А. Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны / А. А. Шевяков // Социологические исследования. – 1992. – № 11. – С. 3–17. – С. 4.

248. Шкляр, Б. М. Последствия фашистской оккупации в Ставропольском крае в области здравоохранения / Б. М. Шкляр // Гигиена и санитария. – 1944. – № 4–5. – С. 38–43.

249. Юдин, И. Следы фашистского зверя на Кубани / И. Юдин. – М. : Госполитиздат, 1943. – 30 с.

250. Яковлев, Е. Н. Война на уничтожение: что готовил Третий рейх для России / Е. Н. Яковлев. – СПб : Питер, 2017. – 352 с.

251. Історія Дніпропетровського національного університету / Голова редколегії проф. М. В. Поляков. – Дніпропетровськ: Видво ДНУ, 2008. – 308 с.

252. Liekis, Š. 1939: The Year that Changed Everything in Lithuania's History / Š. Liekis. – Amsterdam, 2010. – 386 p.

253. Ostaufgaben der Wissenschaft. Vorträge auf der Osttagung deutscher Wissenschaftler. – München : Hoheneichen Verl., 1943. – 152 p.

254. Sauka, L. Mykolas Biržiška ir lietuvių dainos 125-ąsias gimimo metines paminint / L. Sauka // Tautosakos darbai. – T. XXXIV. – 2007. – 312 p.

Справочная и энциклопедическая литература

255. Большая Медицинская Энциклопедия / гл. ред. Б. В. Петровский. 3-е издание. Том 10. – М. : Советская энциклопедия, 1979. – 528 с.

256. Большая Медицинская Энциклопедия / гл. ред. Б. В. Петровский. 3-е издание. Том 13. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – 552 с.

257. Большая Медицинская Энциклопедия / гл. ред. Б. В. Петровский. 3-е издание. Том 14. – М. : Советская энциклопедия, 1980. – 496 с.

258. Большая Медицинская Энциклопедия / гл. ред. Б. В. Петровский. 3-е издание. Том 15. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – 576 с.

259. Большая Медицинская Энциклопедия / гл. ред. Б. В. Петровский. 3-е издание. Том 22. – М. : Советская энциклопедия, 1984. – 544 с.

260. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. Второе издание. Том 28. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1954. – 664 с.

261. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. Второе издание. Том 48. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1957. – 672 с.

262. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. Второе издание. Том 50. – М. : Большая Советская энциклопедия, 1957. – 764 с.

263. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. – М. : Кучково поле, 2011–2015.

264. Вахрушев, В. Н. Солдаты в белых халатах. 1941–1945 / В. Н. Вахрушев. – Минск, 2001. – 243 с.

265. Кто есть кто в патологической анатомии в России. Биографический справочник / ред.-сост. А. Н. Зубрицкий. – М.: Астрей-Центр, 2015. – 237 с.

266. Народное хозяйство СССР в 1968 г. Статистический ежегодник. – М.: Статистика, 1969. – 831 с.

267. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. : статистический сборник. – М. : Госкомстат СССР, 1990. – 235 с.

268. Ставропольский медицинский: дорогами войны. Биографический справочник / сост.: А. В. Карташев, А. К. Курьянов, С. М. Дугинец [и др.]. – Ставрополь : Изд-во СтГМУ, 2015. – 232 с.

Авторефераты и диссертации

269. Баринов, И. И. Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941–1944 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Баринов Игорь Игоревич. – М., 2013. – 29 с.

270. Блюмфельд, Э. А. Гитлеровский оккупационный режим в Латвии (1941–1945 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00 / Блюмфельд Эдгар Августович. – Рига, 1967. – 291 с.

271. Бочкарева, З. В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Бочкарева Зоя Васильевна. – Краснодар, 1992. – 242 с.

272. Василенко, В. Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе: XIX в. – 1940 г. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Василенко Виктория Густавовна. – Краснодар, 2006. – 27 с.

273. Ветров, І. Г. Економічна експансія «третього рейху» та промисловість України в роки Другої світової війни : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Ветров Ігор Георгійович. – Київ, 1999. – 26 с.

274. Войтенко, Е. А. Холокост на Юге России в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Войтенко Елена Александровна. – Ставрополь, 2005. – 236 с.

275. Доронина, Н. В. Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942–1943 гг.: цели, особенности, крах : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Доронина Наталия Викторовна. – Ставрополь, 2005. – 181 с.

276. Карташев, И. В. Состояние здравоохранения на Северном Кавказе в условиях немецко-фашистской оккупации 1942–1943 гг. (на материалах Кубани и Ставрополья) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Карташев Игорь Владимирович. – Ставрополь, 2020. – 265 с.

277. Кицак, Б. В. Медичне забезпечення населення в райхскомісаріаті «Україна» в 1941–1944 рр. : дис. ...канд. іст. наук : 07.00.01 / Кицак Богдан Вікторович. – Житомир, 2018. – 242 с.

278. Кононенко, В. М. Развитие высшего образования на Юге России (20–90-е годы XX века) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Кононенко Виктор Михайлович. – Ставрополь, 2006. – 619 с.

279. Косик, В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні / В. Косик. – Париж – Нью-Йорк – Львів: Наукове Товариство ім. Т.Шевченка, 1993. – 685 с.

280. Кринко, Е. Ф. Оккупационный режим на Кубани (1942–1943 гг.) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Кринко Евгений Федорович. – М., 1997. – 247 с.

281. Линец, С. И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Линец Сергей Иванович. – Пятигорск, 2003. – 657 с.

282. Молодова, И. Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Молодова Ирина Юрьевна. – Брянск, 2010. – 25 с.

283. Романовский, В. Ф. Немецко-фашистская оккупационная политика и ее крах в Белоруссии (1941–1944 гг.): дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Романовский Василий Филиппович. – Минск, 1974. – 515 с.

284. Рукшенас, К. А. Политика гитлеровцев в Литве в 1941–1944 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00 / Рукшенас Казимерас Адольфович. – Вильнюс, 1970. – 429 с.

285. Салбиева, С. З. Здравоохранение республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : автореф. дис. ... канд. мед. наук : 07.00.10 / Салбиева Светлана Зелымхановна. – М., 2009. – 24 с.

286. Тищенко, Е. М. Здравоохранение Белоруссии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореферат дис. ... канд. мед. наук: 07.00.10 / Тищенко Евгений Михайлович. – М., 1991. – 20 с.

287. Якутин, А. В. Организация оккупационного режима на территории Смоленской области: июль 1941 г. – сентябрь 1943 г. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Якутин Александр Владимирович. – Смоленск, 2009. – 212 с.

Интернет-ресурсы

288. Бессмертный Сталинград. Улица Первой Пятилетки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://бессмертныйсталинград.рф/kraevedcheskaya-progulka-po-stalingradu-1943-goda/> (дата обращения: 23.09.2022).

289. Блокада Ленинграда. Эвакуация. Ленинг Гильда Андреевна [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://evacuation.spbarchives.ru> (дата обращения: 18.11.2022).

290. Вайнштейн С.Г. Винницкий медицинский институт. Забытый учебный год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2015/02/16/1176> (дата обращения: 08.05.2021).

291. Вайнштейн С.Г. Образование в оккупированной Украине 1941–1944 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://proza.ru/2016/10/14/788> (дата обращения: 10.03.2022).

292. Евангелическо-Лютеранская Церковь Святого Михаила (г. Санкт-Петербург). Медики и аптекари прихода Св. Михаила. Вильгельм Адольфович Шаак [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spbstmihail.jimdo.com/музей/прихожане/медики/> (дата обращения: 06.07.2019).

293. Ионов, А. Ю. Военная эпопея Кубанского вуза / А. Ю. Ионов, А. Г. Ковальская // Медицинский вестник. – 2010. – № 12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lib.medvestnik.ru/articles/Voennaya-epopeya-kubanskogo-vuza.html> (дата обращения: 25.07.2019).

294. История кафедры хирургии Винницкого национального медицинского университета имени М.И. Пирогова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://surgery.at.ua/index/pro_sajt/0-5 (дата обращения: 18.06.2022).

295. История Могилева. Оккупация Могилева [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mogilev.biz/spravka/history/okup/> (дата обращения: 21.09.2022).

296. История развития детской хирургии в Одессе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dropdoc.ru/doc/561117/istoriya-razvitiya-detskoj-hirurgii-v-odesse> (дата обращения: 21.06.2021).

297. Кохан А.А. Научные кадры Крыма в период оккупации (1941–1944) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2017. Т. 14. Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-kadry-kryma-v-period-okkupatsii-1941-1944> (дата обращения: 23.03.2022).

298. Медицинские вузы России. Пятигорская государственная фармацевтическая академия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://medvuz.info/publ/medicinskie_vuzy_rossii/4-1-0-75 (дата обращения: 11.12.2022).

299. Национальный медицинский университет имени А.А. Богомольца. Киевская медицина и медицинский университет во времена немецкой оккупации 1941–1943 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://business.facebook.com/pg/nmu.official/posts/> (дата обращения: 15.07.2021).

300. Новости Пятигорска и Ставропольского края. Всю жизнь посвятил медицине и детям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pyatigorsk.bezformata.com/listnews/zhizn-posvyatil-meditsine-i-detyam/69395014/> (дата обращения: 11.12.2022).

301. Открытый список [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 25.12.2019).

302. Официальный сайт Литовского университета наук о здоровье. Ветеринарная академия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lsmuni.lt/lt/struktura/veterinarijos-akademija/> (дата обращения: 05.08.2022).

303. Официальный сайт Медицинской академии имени С.И. Георгиевского ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского». Крымский медицинский и медики-подпольщики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ma.cfuv.ru/site/page/show/docid/5967> (дата обращения: 27.06.2019).

304. Официальный сайт ГАПОУ «Брянский медико-социальный техникум имени академика Н.М. Амосова». История и достижения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://amosov32.ru/o-tehnikume/istoriya-dostijeniya/> (дата обращения: 30.09.2022).

305. Официальный сайт ГБПОУ «Армавирский медицинский колледж». Музей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mkarm.ru/muzej> (дата обращения: 16.07.2019).

306. Официальный сайт ГБПОУ «Ейский медицинский колледж». История [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.goukkemk.ru/main/history> (дата обращения: 08.07.2019).

307. Официальный сайт ГБПОУ Ростовской области «Шахтинский медицинский колледж имени Г.В. Кузнецовой». И это

все о нас... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shamedcol.ru/aboute-colledge> (дата обращения: 27.09.2022).

308. Официальный сайт издательства Кембриджского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cambridge.org/core/journals/parasitology/listing?q=J.A.+Dinnik> (дата обращения: 28.12.2019).

309. Официальный сайт Львовского филиала ОБПОУ «Курский базовый медицинский колледж». История колледжа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://львовский-медколледж.рф/svedeniya-ob-obrazovatelnoj-organizatsii/osnovnye-svedeniya/istoriya-medkolledzha> (дата обращения: 30.09.2022).

310. Официальный сайт ОБПОУ «Курский базовый медицинский колледж». История Курского базового медицинского колледжа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kurskmk.ru/grazhdanam/istorija-kurskogo-br-bazovogo-medicinskogo-kolledzha/> (дата обращения: 30.09.2022).

311. Официальный сайт УЗ «Могилевская городская больница скорой медицинской помощи». История учреждения здравоохранения «Могилевская городская больница скорой медицинской помощи» год 1941–1945 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mgbsmp.by/informatsiya/novosti/vse-novosti/638-2022-god-god-istoricheskoy-pamyati-istoriya-uchrezhdeniya-zdravookhraneniya-mogilevskaya-gorodskaya-bolnitsa-skoroj-meditsinskoj-pomoshchi-god-1941-1945> (дата обращения: 21.09.2022).

312. Официальный сайт ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет». Сталинградский медицинский институт в Великой Отечественной войне и в послевоенные годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://old.volgmed.ru/ru/news/content/2015/05/12/4311/> (дата обращения: 22.09.2022).

313. Официальный сайт ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко». Об ускоренных выпусках врачей ВГМИ в 1941–1942 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vrngmu.ru/membook/20951/> (дата обращения: 22.09.2022).

314. Официальный сайт ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет». Страницы истории – Новочеркасский зооветеринарный институт и Азово-Черноморский сельскохозяйственный институт в годы Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dongau.ru/>

novosti-universiteta/День%20Победы/k-yubileyu-velikoy-pobedy-kniga-pamyati-donskogo-gau.php (дата обращения: 16.03.2022).

315. Официальный сайт ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет». История РостГМУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rostgmu.ru/об-университете/ростгму-85-лет/юр-адрес-и-схема-проезда> (дата обращения: 08.04.2022).

316. Партизаны Беларуси. Дурихин Василий Иванович. Личный листок по учету кадров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://partizany.by/partisans/210612/> (дата обращения: 15.09.2022).

317. Первый Ленинградский медицинский институт: Городу и фронту [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goroduifrontu.tilda.ws/> (дата обращения: 02.11.2022).

318. Полезное о медицине. Андриевский Борис Юрьевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://info-farm.ru/alphabet_index/a/andrievskijj-boris-yurevich.html (дата обращения: 22.06.2022).

319. Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал ВолгГМУ. История вуза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pmedpharm.ru/info_inst/history_inst/ (дата обращения: 08.12.2022).

320. Равдин Б. Мама мыла пилораму? Стабильный учебник времен оккупации 1941–1945 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/ravdin-pilorama/> (дата обращения: 11.03.2022).

321. Семейное дело: акушеры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.buro247.ua/lifestyle/strong/family-doctors.html> (дата обращения: 29.06.2022).

322. Универсальная литовская энциклопедия. Юозас Мотеюнас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vle.lt/straipsnis/juozas-motiejunas/> (дата обращения: 05.08.2022).

323. Холокост в Ставропольском крае [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.holocaust.su/holocaust-stavropolskiy-kray> (дата обращения: 04.11.2022).

324. Черкасов А.А. Одесса встречала освободителей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mysliwiec.livejournal.com/509154.html> (дата обращения: 22.08.2019).

325. Шахтинский краеведческий музей. Окно в историю [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: <https://культура-шахты.рф/map/museum/okno-v-istoriyu.php> (дата обращения: 27.09.2022).

326. Berezauskienė A. Iš Amerikos į gimtinę atkeliavo tautiečio biblioteka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mokslolietuva.lt/2018/02/is-amerikos-i-gimtaine-atkeliavo-tautiecio-biblioteka/> (дата обращения: 05.08.2022).

327. Яд Вашем – Мемориальный комплекс истории Холокоста. Из показаний Александры (Ляли) Кытмановой (урожденной Скобло), 4 апреля, 1996 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yadvashem.org/ru/righteous/stories/tsvileneva/skoblo-testimony.html> (дата обращения: 04.07.2019).

328. Яд Вашем – Мемориальный комплекс истории Холокоста. Праведники. Варвара Цвиленева (Россия). Многие знали, но не выдали [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://netzulim.org/R/Const/Yad/75righteous/content/stories_tsvileneva.htm (дата обращения: 11.07.2019).

1. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. Второе издание. Т. 50. М., 1957. С. 406.
2. Сперанский А.В. Высшая школа СССР в 1941–1945 гг.: экзамены войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 3. С. 33.
3. Генеральный план «Ост». Документ № 3. Замечания и предложения по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС // Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 89–98.
4. Даллин А. Захваченные территории СССР под контролем нацистов. Оккупационная политика Третьего рейха 1941–1945. М., 2019. С. 34.
5. Генеральный план «Ост». Документ № 3. Замечания и предложения по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС // Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 96.
6. Генеральный план «Ост». Документ № 2. Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей // Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 88–89.
7. О злодеяниях гитлеровцев на советской земле. Записка рейхслейтера М. Бормана рейхслейтеру А. Розенбергу // Военно-исторический журнал. 1965. № 1. С. 82–83.
8. Яковлев Е.Н. Война на уничтожение: что готовил Третий рейх для России. СПб: Питер, 2017. С. 320.
9. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. Т. 2. М.: Наука, 1973. С. 6, 194.
10. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 2012. С. 289–290.
11. Дополнительные данные о Генеральном плане «Ост». Из докладной записки оберфюрера СС К. Мейер-Хетлинга рейхсфюреру СС Г. Гиммлеру «Генеральный план «Ост» – правовые, экономические и территориальные основы строительства на Востоке» // Военно-исторический журнал. 1964. № 7. С. 122.
12. Объявление // Новочеркасский вестник. 1943. 19 января. С. 2.

13. Даллин А. Захваченные территории СССР под контролем нацистов. Оккупационная политика Третьего рейха 1941–1945. М., 2019. С. 98.

14. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки, документы и материалы. Т. 2. М.: Наука, 1973. С. 193–194.

15. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: статистический сборник. М., 1990. С. 20.

16. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск: Беларусь, 1993. С. 65, 69, 162.

17. Абраменко М.Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944)» // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 13.

18. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 151.

19. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск: Беларусь, 1993. С. 77.

20. Воронкова И.Ю., Кузьменко В.И. Гитлеровская оккупация и начало антифашистской борьбы в Белоруссии в 1941 году // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 115–116.

21. Кривошей Д.А. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944 г.). М., 2017. С. 118, 157.

22. Абраменко М.Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944)» // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 16.

23. Пушкаренко Е.А. Немецкая политика и пропаганда в области культуры на территории Генерального округа Беларусь в 1941–1944 годах // Известия Саратовского университета. 2021. Т. 21. № 2. С. 167–174.

24. Кривошей Д.А. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944 г.) М., 2017. С. 11, 118, 127.

25. Баринов И.И. Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941–1944 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 4.

26. Нестеренко В.А. Политика немецких оккупантов в сфере обеспечения населения предметами первой необходимости (на

примере областей военной зоны Украины 1941–1943 гг.) // Русин. 2015. № 2. С. 135.

27. Баринов И.И. Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941–1944 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 17.

28. Ветров І.Г. Економічна експансія «третього рейху» та промисловість України в роки Другої світової війни: автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ, 1999. С. 19.

29. Нестеренко В.А. Политика немецких оккупантов в сфере обеспечения населения предметами первой необходимости (на примере областей военной зоны Украины 1941–1943 гг.) // Русин. 2015. № 2. С. 139.

30. Куницкий М.П. Социально-бытовые аспекты повседневной жизни украинского населения в рейхскомиссариате «Украина» (1941–1944 гг.) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12-1. С. 174.

31. К работе комиссий по назначению пенсий // Молва. 1942. 2 декабря. С. 3.

32. Нестеренко В.А. Политика немецких оккупантов в сфере обеспечения населения предметами первой необходимости (на примере областей военной зоны Украины 1941–1943 гг.) // Русин. 2015. № 2. С. 135.

33. Баринов И.И. Оккупационный режим нацистской Германии на территории Украины, 1941–1944 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 20.

34. Ганіткевич Я.В. До історії становлення української вищої медичної школи (Медичний інститут в окупованому гітлерівцями Києві у 1941–1943 рр.) // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. 2010. № 3. С. 50.

35. Мирошниченко А.В. Влияние немецкой оккупационной политики на состояние образования в Украине в 1941–1944 гг. // Вісник НТУУ«КПІ». Філософія. Психологія. Педагогіка: збірник наукових праць. 2009. № 3. С. 135.

36. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 364–365.

37. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 27–31.

38. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские

граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 101.

39. Там же. С. 99.

40. Молодова И.Ю. Нацистский оккупационный режим на территории Западного региона РСФСР: власть и население: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2010. С. 15–17.

41. Насущные вопросы школы и учителя // За Родину. 1942. 3 ноября. С. 3.

42. Задачи новой школы // За Родину. 1942. 4 ноября. С. 2.

43. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 550, 565.

44. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 87, 103.

45. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 9, 43.

46. Ostaufgaben der Wissenschaft. Vorträge auf der Osttagung deutscher Wissenschaftler. München: Hoheneichen Verl., 1943. 152 p.

47. Абраменко М.Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 14.

48. Кузьменко Т.В., Шмаков А.П. Зуев Н.Н. Медицинская помощь в оккупированном Витебске в рассказах очевидцев и документах // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2012. Т. 11. № 4. С. 113.

49. Молодова И.Ю. Организация здравоохранения в условиях нацистской оккупации (по материалам региональных архивов Калужской, Брянской и Смоленской областей) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 195–197.

50. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М., 2011. С. 25.

51. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. Минск, 1965. С. 81–82.

52. Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. С. 181.

53. Абраменко М.Е. Здравоохранение Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): учебно-методическое пособие. Гомель, 2010. С. 70.

54. Ганіткевич Я.В. Історичні етапи розвитку Львівського національного медичного університету імені Данила Галицького // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. 2012. № 3. С. 110.

55. Труфанова В.Ф. Так поступали советские медики // В боях за Харьковщину: воспоминания участников Великой Отечественной войны. Харьков: Прапор, 1973. С. 172–181.

56. Молодова И.Ю. Организация здравоохранения в условиях нацистской оккупации (по материалам региональных архивов Калужской, Брянской и Смоленской областей) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 195–197.

57. Абраменко М.Е. Здравоохранение Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): учебно-методическое пособие. Гомель, 2010. С. 72.

58. Гичка А.И. Состояние медицинского обслуживания сельского населения Украины в 1943–1945 гг. Science and Education a New Dimension. Humanities and Social Science, I(2). Issue: 12, 2013. С. 43.

59. Из отчета о работе эйнзатцкоманд // Нюрнбергский процесс: сборник материалов. Т. 8. М.: Юридическая литература, 1999. С. 404.

60. Из приговора Международного военного трибунала // Нюрнбергский процесс: сборник материалов. Т. 8. М.: Юридическая литература, 1999. С. 682.

61. Воронкова И.Ю., Кузьменко В.И. Гитлеровская оккупация и начало антифашистской борьбы в Белоруссии в 1941 году // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 111–112.

62. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года). Минск: Госполитиздат, 1947. С. 133–137, 193–195.

63. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве. М., 1944. С. 11–12.

64. Петрюк П.Т., Петрюк А.П. Психиатрия при нацизме: последствия дегуманизации психиатрической практики на временно оккупированных территориях СССР. Сообщение 7 // Психічне здоров'я. 2012. № 2. С. 77–89.

65. Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных

зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Выпуск II. М., 1945. С. 321–324.

66. Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков в городе Николаеве и Николаевской области // Правда. 1946. 16 января. С. 4.

67. Ревегук В.Я. Полтавщина в роки рдянсько-німецької війни (1941–1945). Полтава: Дивосвіт, 2010. С. 44.

68. Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Выпуск I. М., 1943. С. 155–156.

69. Федотов Д.Д. О гибели душевнобольных на территории СССР, временно оккупированной фашистскими захватчиками, в годы Великой Отечественной войны // Вопросы социальной и клинической психоневрологии. 1965. Т. 12. С. 443–459.

70. Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Выпуск I. М., 1943. С. 149–150.

71. В Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков... // Красная звезда. 1943. 25 июня. С. 1.

72. Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. О разрушениях и злодеяниях, произведенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Новгороде и в Новгородском районе Ленинградской области. М., 1944. С. 10.

73. Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Выпуск II. М., 1945. С. 233–234.

74. Филоненко С.И., Филоненко Н.В. Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942 – февраль 1943). Воронеж, 2005. С. 34.

75. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 9. Д. 50. Л. 14.

76. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 40. Д. 844. Л. 29.

77. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1. Л. 214–214об.; Д. 2. Л. 44.

78. РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 26. Л. 47–48.

79. Реброва И.В. Забытые жертвы нацизма? // Уроки Холокоста и оккупации: судьбы медицинских работников и практики выживания на территориях СССР: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь: СтГМУ, 2019. С. 27.

80. Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Выпуск I. М., 1943. С. 156–158.

81. Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Выпуск II. М., 1945. С. 200–204.

82. Воронкова И.Ю., Кузьменко В.И. Гитлеровская оккупация и начало антифашистской борьбы в Белоруссии в 1941 году // Новая и новейшая история. 2011. № 5. С. 112.

83. ГАВО. Ф. Р-6088. Оп. 1. Д. 612. Л. 34–35.

84. ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 2. Л. 9–11.

85. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 7. Л. 3–6; Д. 8. Л. 2–3.

86. Богов В. Материалы о преступной деятельности научных институтов СС во время Второй мировой войны на территории Латвии // Альманах «Русский мир и Латвия». Вып. XIX. 2009. С. 149–153; Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. С. 182.

87. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 93. Д. 21. Л. 2–14.

88. Зильберман Д. «И Ты это видел». М.: Полимед, 2012. С. 212–242.

89. Абраменко М.Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 15.

90. Василенко М. Лучшее лечебное заведение // Нове Українське Слово. 1942. 1 марта. С. 4.

91. Черкасов А.А. Одесса встречала освободителей. URL: <https://mysliwiec.livejournal.com/509154.html> (дата обращения: 22.08.2019).

92. Молодова И.Ю. Организация здравоохранения в условиях нацистской оккупации (по материалам региональных архивов Калужской, Брянской и Смоленской областей) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 196.

93. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 93.

94. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 7. Л. 89об.; Д. 11. Л. 12, 30–31, 36; О платной медицинской помощи // Пятигорское эхо. 1942. 20 ноября. С. 4.

95. Oberstabsarzt Dr. Waegner. Probleme der Gesundheitsführung in den besetzten Ostgebieten // Ostaufgaben der Wissenschaft. Vorträge auf der Osttagung deutscher Wissenschaftler. München: Hoheneichen Verl., 1943. S. 52–64.

96. Боган С.М. Стан медичного та ветеринарного обслуговування населення Півдня України в період німецької окупації в 1941–1944 роках // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер.: Історія. 2011. Т. 147. Вип. 134. С. 35.

97. Абраменко М.Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 15–17.

98. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии. 1941–1944. Минск, 1965. С. 157–160.

99. Кицак Б.В. Медичне забезпечення населення в райхскомісаріаті «Україна» в 1941–1944 рр.: дис. ... канд. ист. наук. Житомир, 2018. С. 114–117.

100. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 97.

101. Абраменко М.Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 17.

102. Боган С.М. Стан медичного та ветеринарного обслуговування населення Півдня України в період німецької окупації в 1941–1944 роках // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер.: Історія. 2011. Т. 147. Вип. 134. С. 35.

103. Там же.

104. Ермак Е.И., Тищенко Е.М. Попытка введения медицинского страхования в Беларуси в 1943 г. // Материалы 10-й Республиканской конференции по истории медицины и здравоохранения. Минск, 2004. С. 13–14.

105. Положение о пособиях трудящимся по временной нетрудоспособности и организации больничной кассы // Прикумский вестник. 1942. 28 ноября. С. 4.

106. При болезни зарплата сохраняется // Ставропольское слово. 1942. 16 октября. С. 4.

107. ГАКК. Ф. Р-505. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
108. Гребень Е.А. Проблема медицинского обслуживания в период нацистской оккупации Беларуси // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». 2012. Т. 14. С. 27.
109. Медицинский справочник гор. Пятигорска // Пятигорское эхо. 1942. 14 октября. С. 4.
110. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 6. Л. 6; Д. 12. Л. 13.
111. Кузьменко Т.В., Шамаков А.П. Зуев Н.Н. Медицинская помощь в оккупированном Витебске в рассказах очевидцев и документах // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2012. Т. 11. № 4. С. 113.
112. Специальное сообщение о положении в гор. Киеве после оккупации его противником. Секретарю ЦК КП(б)У Хрущеву Н.С. // Источник. Документы русской истории. 1995. № 3. С. 138.
113. Боган С.М. Стан медичного та ветеринарного обслуговування населення Півдня України в період німецької окупації в 1941–1944 роках // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер.: Історія. 2011. Т. 147. Вип. 134. С. 35.
114. Молодова И.Ю. Организация здравоохранения в условиях нацистской оккупации (по материалам региональных архивов Калужской, Брянской и Смоленской областей) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 196.
115. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 96.
116. Организовать сбор дикорастущих лекарственных трав // Пятигорское эхо. 1942. 13 сентября. С. 3.
117. Изготовление медикаментов // Кубань. 1942. 30 сентября. С. 2.
118. Кухня витаминов // Ставропольское слово. 1942. 22 ноября. С. 3; Новая лаборатория // Ставропольское слово. 1942. 2 октября. С. 4.
119. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 9. Л. 21; Медикаменты для населения // Ставропольское слово. 1942. 27 декабря. С. 3.
120. Объявления // Пятигорское эхо. 1942. 13 сентября. С. 4; Некоторые итоги сбора лекарственных растений // Пятигорское эхо. 1942. 25 ноября. С. 3.
121. Почему дороги лекарства // Пятигорское эхо. 1942. 21 ноября. С. 4.

122. Пятигорская аптечная база // Кавказский вестник. 1942. 15 декабря. С. 4.
123. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 8. Л. 14.
124. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 6. Л. 6–6об.
125. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 8. Л. 21.
126. Михайлов И.В. Оккупация, или 160 дней по германскому времени. Ставрополь, 2007. С. 82.
127. Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000. С. 108.
128. О гомеопатии // Пятигорское эхо. 1942. 22 ноября. С. 3.
129. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1944) / под ред. Е.А. Болтина. М., 1965. С. 166.
130. Абраменко М.Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944)» // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 14.
131. Кузьменко Т.В., Шмаков А.П. Зуев Н.Н. Медицинская помощь в оккупированном Витебске в рассказах очевидцев и документах // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2012. Т. 11. № 4. С. 113.
132. Тищенко Е.М. Медицина партизанских зон Беларуси // Журнал Гродненского государственного медицинского университета. 2010. № 2. С. 178.
133. Боган С.М. Стан медичного та ветеринарного обслуговування населення Півдня України в період німецької окупації в 1941–1944 роках // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер.: Історія. 2011. Т. 147. Вип. 134. С. 35.
134. Молодова И.Ю. Организация здравоохранения в условиях нацистской оккупации (по материалам региональных архивов Калужской, Брянской и Смоленской областей) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 196–197.
135. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 89–90.
136. Народное хозяйство СССР в 1968 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1969. С. 670.
137. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. Второе издание. Т. 48. М., 1957. С. 672.

138. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. Второе издание. Т. 50. М., 1957. С. 406.

139. Народное хозяйство СССР в 1968 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1969. С. 688.

140. Сперанский А.В. Высшая школа СССР в 1941–1945 гг.: экзамены войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 3. С. 33.

141. Рыблова М.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. и др. Детство и война: культура повседневности, механизмы адаптации и практики выживания детей в условиях Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы). Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБ ВО РАНХиГС, 2015. С. 221.

142. Объявления // Орджоникидзевская правда. 1941. 20 декабря. С. 2.

143. Карташев И.В. Работа эвакуогоспиталей в Ставрополе в период Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2019. № 12. С. 41.

144. Салбиева С.З. Здоровоохранение республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2009. С. 9.

145. ГАСК. Ф. Р-1686. Оп. 1. Д. 8. Л. 13; Ф. Р-1852. Оп. 12. Д. 22. Л. 136–137.

146. Сперанский А.В. Высшая школа СССР в 1941–1945 гг.: экзамены войны // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 3. С. 33.

147. Генеральный план «Ост». Документ № 2. Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей // Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 88–89.

148. Ермолов И.Г. Школьное и профессиональное образование на оккупированных территориях РСФСР // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 44–52.

149. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. С. 399.

150. ГАСК. Ф. Р-2174. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.

151. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И.В. Розанова. Смоленск: Русич, 1993. С. 198–199.

152. Кринко Е.Ф. Советская школа в условиях нацистской ок-

купации (1941–1944 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 41.

153. Там же. С. 42.

154. Туронак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск: Беларусь, 1993. С. 75–76.

155. Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. С. 150.

156. Мирошниченко А.В. Влияние немецкой оккупационной политики на состояние образования в Украине в 1941–1944 гг. // Вісник НТУУ«КПІ». Філософія. Психологія. Педагогіка: збірник наукових праць. 2009. № 3. С. 134.

157. Гінда В.В. Освітня політика нацистів в райхскомісаріаті Україна // Сторінки воєнної історії України: зб. наук. статей. Київ, 2012. № 15. С. 62.

158. Там же. С. 65.

159. О злодеяниях гитлеровцев на советской земле. Записка рейхслейтера М. Бормана рейхслейтеру А. Розенбергу // Военно-исторический журнал. 1965. № 1. С. 82–83.

160. Кринко Е.Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 41.

161. Жизнь в оккупации. Винницкая область, 1941–1944. М., 2010. С. 558–565.

162. Масальский В.І., Савенко А.В. Політика освітняського геноциду в період окупації Донбасу фашистською Німеччиною // Донбасс: прошлое, настоящее, будущее: К 160-летию известного педагога и мыслителя Н.А. Корфа: Тезисы докладов и сообщений III региональной научно-практической конференции (22 декабря 1994 г.). Донецк: Лебедь, 1995. С. 110.

163. Селютин В.Н. О системе образования на оккупированной территории Орловской области // Пространство и время. 2011. № 3. С. 93–94.

164. Черняков Д.И. Состояние школьного образования в оккупированном Брянске (октябрь 1941 – сентябрь 1943 гг.) // Наш край в судьбе Отечества: Материалы научно-практической конференции. Брянск, 2008. С. 71–86.

165. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 83.

166. Кринко Е.Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 42.

167. Открыто восемь школ // Ставропольское слово. 1942. 8 ноября. С. 3.

168. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 84–85, 267.

169. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. С. 405, 408.

170. Нарада окружних шкільних інспекторів у Луцьку // Голос Сарненщини. 1942. 27 вересня. С. 4.

171. ГАСК. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 1. Л. 33–34.

172. Там же. Л. 101–102, 108–110, 119, 121, 143–145.

173. Докладная записка заведующего отделом здравоохранения Ставропольского крайисполкома Л.Я. Варшавского // Ставрополье: правда военных лет. Великая Отечественная война в документах и исследованиях. Ставрополь, 2005. С. 287.

174. Ованесов Б.Т., Судавцов Н.Д. Здравоохранение Ставрополя (1918–2005 гг.). Ставрополь, 2007. С. 236; Шкляр Б.М. Последствия фашистской оккупации в Ставропольском крае в области здравоохранения // Гигиена и санитария. 1944. № 4–5. С. 42.

175. ГАСК. Ф. Р-1059. Оп. 1. Д. 8. Л. 11–11об.

176. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера: Пер. с нем. И.В. Розанова. Смоленск: Русич, 1993. С. 199.

177. Городская жизнь // Ставропольское слово. 1942. 2 октября. С. 4.

178. ГАСК. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 116. Л. 27, 31.

179. Приказ № 71 по Городскому Управлению гор. Пятигорска Об обязательных противодифтерийных прививках. 28 сентября 1942 // Пятигорское эхо. 1942. 3 октября. С. 4.

180. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 82.

181. Кринко Е.Ф. Советская школа в условиях нацистской оккупации (1941–1944 гг.) // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 2. С. 42.

182. Сорокина О.Л. Школы в условиях войны и оккупации // Российские регионы: взгляд в будущее. 2015. № 2. С. 138–162. С. 141.

183. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 81.

184. Из отчета Ставропольского краевого отдела народного образования о состоянии школ в период немецко-фашистской оккупации края // Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): Документы и материалы. Ставрополь, 2000. С. 82–83.

185. Габрилович Е. Кисловодская трагедия // Красная звезда. 1943. 30 января. С. 4.

186. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003. С. 327.

187. Освобожденный Кавказ // Кавказский вестник. 1943. 1 января. С. 2.

188. Из отчета Ставропольского краевого отдела народного образования о состоянии школ в период немецко-фашистской оккупации края // Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): Документы и материалы. Ставрополь, 2000. С. 82–83.

189. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 586. Л. 4.

190. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 672. Л. 76; Оп. 2. Д. 74. Л. 48.

191. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003. С. 323; Доронина Н.В. Культурная политика в контексте нацистской пропаганды на оккупированных территориях Ставрополья и Кубани в 1942–1943 гг. // Манускрипт. 2018. № 7. С. 36.

192. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 83.

193. Там же. С. 72–73.

194. Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь, 1998. С. 104.

195. Вайнштейн С.Г. Образование в оккупированной Украине 1941–1944. URL: <https://proza.ru/2016/10/14/788> (дата обращения: 10.03.2022).

196. Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь, 1998. С. 104.
197. ЦДНИКК. Ф. Р-4372. Оп. 1. Д. 29. Л. 19.
198. Ломагин Н.А. Неизвестная блокада. СПб: Издательский Дом «Нева», М.: Издательство «ОЛМА-ПРЕСС», 2002. С. 434.
199. Равдин Б. Мама мыла пилораму? Стабильный учебник времен оккупации 1941–1945. URL: <https://www.russkije.lv/ru/pub/read/ravdin-pilorama/> (дата обращения: 11.03.2022).
200. Розенберг о будущем Восточных земель // Голос Крыма. 19 марта 1942 года. С. 2.
201. SA-Oberführer Dienstleiter Scheidt, Abteilungsleiter ün Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete. Kulturpolitik in den besetzten Ostgebieten // Ostaufgaben der Wissenschaft. Vorträge auf der Osttagung deutscher Wissenschaftler. München: Hoheneichen Verl., 1943. S. 92–99.
202. Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. С. 151–152.
203. Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями, 1940–1991 / ред. Ю. Эннусте и др.; пер. с эстонск. А. Бабаджана и др. Таллинн, 2005. С. 81–83.
204. Гінда В.В. Освітня політика нацистів в райхскомісаріаті «Україна» // Сторінки військової історії України: зб. наук. статей. Київ, 2012. № 15. С. 64.
205. Верба І.В., Самофалов М.О. Історик Кость Штеппа: людина, вчений, педагог. Київ, 2010. С. 124.
206. XX век: история одной семьи (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. VIII) / под ред. А.В. Попова. М.: Изд-во «РУСАКИ», 2003. С. 4.
207. Новые социальные мероприятия в Николаеве // За Родину. 1942. 1 ноября. С. 3.
208. Гінда В. Освітня політика нацистів в райхскомісаріаті «Україна» // Сторінки військової історії України: зб. наук. статей. Київ, 2012. № 15. С. 69–71.
209. Київський процес. Документи та матеріали. Київ: Либідь, 1995. С. 79.
210. О разрушениях и зверствах, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в городе Киеве // Красная Звезда. 29 февраля 1944. С. 2.

211. Сильсько-господарський інститут // Тиждень Барської округи. 1942. 20 грудня. С. 4.

212. Романько О.В. Органы управления на оккупированной территории Крыма (1941–1944) // Историческое наследие Крыма. 2005. № 11. С. 5–14.

213. К открытию университета в Крыму // Голос Крыма. 15 февраля 1942. С. 4.

214. Кохан А.А. Научные кадры Крыма в период оккупации (1941–1944) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2017. Т. 14. Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-kadry-kryma-v-period-okkupatsii-1941-1944> (дата обращения: 23.03.2022).

215. В Симферополе. О школьной сети. Открыто 35 учебных заведений // Голос Крыма. 30 декабря 1942. С. 4.

216. Вишневский С.А., Гуменюк А.Ю. Функционирование Одесского университета в годы немецко-румынской оккупации Юга УССР (1941–1944 гг.) // Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 21–22.

217. Школи в Тернопільщині // Вісті. 1943. 20 серпня. С. 3.

218. Закінчення курсу суспільної опіки у Львові // Вісті. 1943. 20 серпня. С. 3.

219. За нові мистецькі кадри (з нагоди вистави праць учнів мистецько-промислової школи у Львові) // Краківські вісті. 1942. 28 серпня. С. 3.

220. Кривошей Д.А. Судьбы народов Беларуси под оккупацией (июнь 1941 – июль 1944 г.). М., 2017. С. 118, 157, 228–229.

221. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М., 2010. С. 86–87.

222. Карташев И.В. Курорты Северного Кавказа в планах гитлеровского командования (по материалам оккупационных газет) // Медицина и курорты Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: сборник научных трудов, посвященных 75-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ставрополь, 2020. С. 96.

223. ГАСК. Ф. Р-1075. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

224. Страницы истории – Новочеркасский зооветеринарный институт и Азово-Черноморский сельскохозяйственный институт в годы Великой Отечественной войны. URL: <https://> <https://>

www.dongau.ru/novosti-universiteta/День%20Победы/k-yubileyu-velikoy-pobedy-kniga-pamyati-donskogo-gau.php (дата обращения: 16.03.2022).

225. Журавлев Е.И. Гражданский коллаборационизм в годы немецко-фашистской оккупации (1941–1943 годы): на материалах Юга России // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 16. С. 70.

226. Первый на Кавказе // Ставропольское слово. 1942. 9 октября. С. 3.

227. Карташев А.В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 76.

228. Медицинские кадры // Большая Медицинская Энциклопедия. 3-е издание. Т. 14. М., 1980. С. 427.

229. О подготовке средних медицинских, зубоврачебных и фармацевтических кадров. Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР // Известия. 1936. 9 сентября. С. 3; Постановление СНК СССР от 03.10.1938 г. № 1057 «О Положении и структуре Народного Комиссариата Здравоохранения Союза ССР» // Собрание законов и распоряжений СНК СССР. 1938. № 1057. Ст. 267.

230. Медицинские училища // Большая Медицинская Энциклопедия. 3-е издание. Том 14. М., 1980. С. 435.

231. Медицинские институты // Большая Медицинская Энциклопедия. 3-е издание. Том 14. М., 1980. С. 421.

232. Письмо рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий рейхслайтера А. Розенберга рейхскомиссару Остланда Г. Лозе о направлении инструкции об обращении с населением // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. М.: Русь, 2000. С. 632.

233. Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. С. 192.

234. Письмо рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий рейхслайтера А. Розенберга рейхскомиссару Остланда Г. Лозе о направлении инструкции об обращении с населением // Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. М.: Русь, 2000. С. 633.

235. Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии

оккупациями, 1940–1991 / ред. Ю. Эннусте и др.; пер. с эстонск. А. Бабаджана и др. Таллинн, 2005. С. 50.

236. Liekis Š. 1939: The Year that Changed Everything in Lithuania's History, Amsterdam, 2010. S. 174–175.

237. Sauka L. Mykolas Biržiška ir lietuvių dainos 125-ąsias gimimo metines paminint // Tautosakos darbai. T. XXXIV. 2007. p. 310–317. P. 312.

238. Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. С. 151.

239. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М.: ОГИЗ, 1946. С. 333.

240. Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. С. 165.

241. Каунасский медицинский институт // Большая Медицинская Энциклопедия. 3-е издание. Том 10. М., 1980. 528 с.

242. Berezauskienė A. Iš Amerikos į gimtinę atkeliavo tautiečio biblioteka. URL: <http://mokslolietuva.lt/2018/02/is-amerikos-i-gimtaine-atkeliavo-tautiecio-biblioteka/> (дата обращения: 05.08.2022).

243. Ветеринарная академия. Официальный сайт Литовского университета наук о здоровье. URL: <https://lsmuni.lt/lt/struktura/veterinarijos-akademija/> (дата обращения: 05.08.2022).

244. Универсальная литовская энциклопедия. Юозас Мотеюнас. URL: <https://www.vle.lt/straipsnis/juozas-motiejunas/> (дата обращения: 05.08.2022).

245. Рижский медицинский институт // Большая медицинская энциклопедия. 3-е издание. Том 22. М., 1980. С. 290.

246. Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. С. 181.

247. «Рутения» в Риге и на чужбине / составители Е.А. Осипов, Г.Г. Гроссен, Д.А. Левицкий. Вашингтон-Рига: Латвийское общество русской культуры, 2005. 263 с.

248. Латвийскому государственному университету им. Петра Стучки – 60 лет: Сборник материалов / сост. Я. Пориелис. Рига: Авотс, 1984. С. 10.

249. Латвия под игом нацизма: сборник архивных документов. М.: Европа, 2006. С. 35.

250. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 93. Д. 52. Л. 20–23.

251. Тартуский государственный университет, медицинский

факультет // Большая медицинская энциклопедия. В 30-ти т. / Гл. ред. Б. В. Петровский. Т. 24. М. : Сов. энциклопедия, 1985. С. 511–513.

252. Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями, 1940–1991 / ред. Ю. Эннусте и др.; пер. с эстонск. А. Бабаджана и др. Таллинн, 2005. С. 49–50.

253. Эстония. Кровавый след нацизма: 1941–1944 годы: Сборник архивных документов о преступлениях эстонских коллаборационистов в годы Второй мировой войны. М.: Европа, 2006. С. 220–223.

254. Анастасьин Д., Вознесенский И. Начало трех национальных академий // Память: Исторический сборник. Париж, 1982. Вып.5. С. 162–225.

255. Белая книга о потерях, причиненных народу Эстонии оккупациями, 1940–1991 / ред. Ю. Эннусте и др.; пер. с эстонск. А. Бабаджана и др. Таллинн, 2005. С. 50, 81–83.

256. Кантор Ю.З. Прибалтика: война без правил (1939–1945). СПб.: Журнал «Звезда», 2011. С. 147.

257. Минский медицинский институт // Большая Медицинская Энциклопедия. 3-е издание. Том 15. М., 1980. 576 с.

258. Данилюк М.В. Положение и значение Минского государственного медицинского института в ходе Великой Отечественной войны // Молодой ученый. 2015. № 14. С. 395.

259. Вахрушев В.Н. Солдаты в белых халатах. 1941–1945. Минск, 2001. С. 9.

260. Черная книга / под ред. В. Гроссмана, И. Эренбурга. Иерусалим: Тарбут, 1980. С. 150.

261. Улащик В.С. Максим Львович Выдрин (1870–1951) // Здравоохранение. 2014. № 3. С. 78–81.

262. Ерегина Н.Т. Ярославская медицинская академия: от истоков до наших дней. Ярославль: Индиго, 2013. С. 21.

263. Данилюк М.В. Положение и значение Минского государственного медицинского института в ходе Великой Отечественной войны // Молодой ученый. 2015. № 14. С. 396.

264. Дейкало В.П., Сушков С.А., Глушанко В.С., Петрище Т.Л. К 75-летию учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2009. Т. 8. № 4. С. 178–189.

265. Ерегина Н.Т. Ярославская медицинская академия: от истоков до наших дней. Ярославль: Индиго, 2013. С. 381, 389, 417, 476, 493, 513.

266. Кузьменко Т.В., Шмаков А.П., Зуев Н.Н. Медицинская помощь в оккупированном Витебске в рассказах очевидцев и документах // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2012. Т. 11. № 4. С. 113.

267. Абраменко М.Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 17–18.

268. Новик Н.Е. Профессиональные учебные заведения Могилева во второй половине XIX — начале XX вв. // Гісторыя Могілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуковых прац удзельнікаў IX Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 25–26 чэрвеня 2015 г. Могилев, 2015. С. 401–407.

269. Пушкин И.А. Тыловой район группы армий «Центр»: деятельность медицинских учреждений в условиях гитлеровской оккупации белорусско-российского пограничья (на примере города Могилева) // Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.». Брянск: РИО БГУ, 2015. С. 337–342.

270. Пушкин И.А. Тыловой район группы армий «Центр»: деятельность медицинских учреждений в условиях гитлеровской оккупации белорусско-российского пограничья (на примере города Могилева) // Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.». Брянск: РИО БГУ, 2015. С. 342.

271. Турунак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск: Беларусь, 1993. С. 134.

272. Отчет Восточного отдела пропаганды Айнзатц Штаба рейхслайтера А. Розенберга о посещении А.А. Власовым г. Могилева и его выступлении перед населением 13 марта 1943 г. 16 апреля 1943 г. // Генерал Власов: история предательства: В 2 т., в 3 кн. Т. 1. Нацистский проект «Aktion Wlassow». М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 209–211.

273. Пушкин И.А. Першая вышэйшая навучальная ўстанова на Беларусі падчас гітлераўскай акупацыі // Могілёўская даўніна. Могілёў: Могілёўская друкарня, 2001. С. 123–128.

274. Партизаны Беларуси. Дурихин Василий Иванович. Личный листок по учету кадров. URL: <https://partizany.by/partisans/210612/> (дата обращения: 15.09.2022).

275. Абраменко М.Е. Медицинская помощь населению на оккупированной территории генерального округа Беларусь и охранной зоны тыла группы армий «Центр» (1941–1944) // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 18.

276. Турунак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск: Беларусь, 1993. С. 222.

277. Кіпель Я. Эпізоды. Нью Ёрк: Выдавецтва газеты «Беларус», 1998. С. 250.

278. Пушкин И.А. Тыловой район группы армий «Центр»: деятельность медицинских учреждений в условиях гитлеровской оккупации белорусско-российского пограничья (на примере города Могилева) // Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях XX–XX вв.». Брянск: РИО БГУ, 2015. С. 342.

279. История учреждения здравоохранения «Могилевская городская больница скорой медицинской помощи» год 1941–1945. Официальный сайт УЗ «Могилевская городская больница скорой медицинской помощи». URL: <https://mgbsmp.by/informatsiya/novosti/vse-novosti/638-2022-god-god-istoricheskoy-pamyati-istoriya-uchrezhdeniya-zdravookhraneniya-mogilevskaya-gorodskaya-bolnitsa-skoroy-meditsinskoj-pomoshchi-god-1941-1945> (дата обращения: 21.09.2022).

280. Вахрушев В.Н. Солдаты в белых халатах. 1941–1945. Минск, 2001. С. 17.

281. История Могилева. Оккупация Могилева. URL: <https://mogilev.biz/spravka/history/okup/> (дата обращения: 21.09.2022).

282. Хильмончик Н.Е. Средний медицинский персонал Белоруссии в годы фашистской оккупации // Военно-медицинский журнал. 2014. № 5. С. 73.

283. Гребень Е.А. Проблема медицинского обслуживания в период нацистской оккупации Беларуси // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». 2012. Т. 14. С. 27.

284. Карташев А.В. Становление высшего медицинского образования на Северном Кавказе (1915–1945) / А. В. Карташев и др.; под ред. В. И. Кошель. Ставрополь : Изд-во СтГМУ, 2018. С.116–117.

285. Ганіткевич Я.В. До історії становлення української вищої медичної школи (Медичний інститут в окупованому гітлерівцями Києві у 1941–1943 рр.) // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. 2010. № 3. С. 49–50.

286. Национальный медицинский университет имени А.А. Богомольца. Киевская медицина и медицинский университет во времена немецкой оккупации 1941–1943 г. URL: <https://business.facebook.com/pg/nmu.official/posts/> (дата обращения: 15.07.2021).

287. Адаскевич В.П. Дерматовенерология. М.: Медицинская литература, 2019. С. 10.

288. Варивода К.С. Науково-організаційна робота і педагогічна діяльність академіка Д.С. Воронцова в галузі електрофізіології (перша половина ХХ століття) // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. 2013. Вип. 37. С. 79.

289. Мельник В.В., Широбоков В.П., Яворовський О.П. Кафедра мікробіології Київського медичного інституту у 20-х – 30-х роках ХХ століття: події, факти, документи // Науковий вісник Національного медичного університету імені О.О. Богомольця. 2012. Вип. 4. С. 202–210.

290. Ганіткевич Я.В. Марко Нещадименко – засновник української школи мікробіологів та епідеміологів: До 130-річчя від дня народження // Львівський мед. часопис. 1999. Т. 5. № 2. С. 103–107.

291. Кутя С.А. Юбилейные даты в истории морфологии в 2012 году. Морфология. 2012. Т. 6. № 1. С. 67.

292. Национальный медицинский университет имени А.А. Богомольца. Киевская медицина и медицинский университет во времена немецкой оккупации 1941–1943 г. URL: <https://business.facebook.com/pg/nmu.official/posts/> (дата обращения: 15.07.2021).

293. Ганіткевич Я.В. До історії становлення української вищої медичної школи (Медичний інститут в окупованому гітлерівцями Києві у 1941–1943 рр.) // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. 2010. № 3. С. 51.

294. Там же.

295. Потильчак О. Нацистська політика у сфері підготовки спеціалістів із середньою та вищою спеціальною освітою в Україні (1942–1944 рр.) // Архіви окупації 1941–1944. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2006. С. 786.

296. Гінда В. Освітня політика нацистів в райхскомісаріаті «Україна» // Сторінки воєнної історії України: зб. наук. статей. Київ, 2012. № 15. С. 69.

297. Семейное дело: акушеры. URL: <https://www.buro247.ua/lifestyle/strong/family-doctors.html> (дата обращения: 29.06.2022).

298. Рудюк М.П., Венцовский М.К. Акушерство и гинекология. М.: Медицина, 1964. 280 с.

299. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13. Л. 37.

300. Чабан М.П., Шевцова З.І., Гапонов В.В. Вчений-фізіолог Василь Михайлович Архангельський: від асистента до ректора // Гастроентерология. Vol. 53. № 3. 2019. С. 213–214.

301. Кицак Б.В. Медичне забезпечення населення в райхскомісаріаті «Україна» в 1941–1944 рр. Дис. ...канд. іст. наук. Житомир, 2018. С. 102.

302. Історія Дніпропетровського національного університету / Голова редколегії проф. М. В. Поляков. Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2008. С. 115.

303. Там же. С. 116.

304. Там же. С. 119.

305. Кицак Б.В. Медичне забезпечення населення в райхскомісаріаті «Україна» в 1941–1944 рр. Дис. ...канд. іст. наук. Житомир, 2018. С. 102.

306. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 350. Л. 3.

307. Галембо Мария Борисовна. По закоулкам воспоминаний. URL: <https://proza.ru/avtor/galembomb> (дата обращения: 09.02.2023).

308. Чабан М.П., Шевцова З.І., Гапонов В.В. Вчений-фізіолог Василь Михайлович Архангельський: від асистента до ректора // Гастроентерология. Vol. 53. № 3. 2019. С. 214.

309. Історія Дніпропетровського національного університету / Голова редколегії проф. М. В. Поляков. Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2008. С. 122.

310. Чабан М.П., Шевцова З.І., Гапонов В.В. Вчений-фізіолог Василь Михайлович Архангельський: від асистента до ректора // Гастроентерология. Vol. 53. № 3. 2019. С. 214.

311. Полезное о медицине. Андриевский Борис Юрьевич. URL: https://info-farm.ru/alphabet_index/a/andrievskijj-boris-yurevich.html (дата обращения: 22.06.2022).

312. Львовский медицинский институт // Большая Медицин-

ская Энциклопедия (БМЭ), под редакцией Петровского Б.В., 3-е издание. Т. 13. 552 с.

313. Кицак Б.В. Медичне забезпечення населення в райхскомісаріаті «Україна» в 1941–1944 рр. Дис. ...канд. іст. наук. Житомир, 2018. С. 56.

314. Музей истории СтГМУ. Приказы по Ставропольскому государственному медицинскому институту за 1941 год. Л. 134.

315. Боляновський А.В. Розстріли польських професорів у Львові в липні 1941 року: історичні факти, юридичні звинувачення, політичні інсинуації // Україна-Польща: історична спадщина і суспільна свідомість. 2010–2011. Вип. 3–4. С. 113–115.

316. Різничок С.В. Євген Вертипорох як організатор фармацевтичної освіти у Львові у 40-х роках ХХ ст. // Вісник Львівського університету. Серія «Педагогічна». 2011. Вип. 27. С. 209.

317. Ганіткевич Я.В. Історичні етапи розвитку Львівського національного медичного університету імені Данила Галицького // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. 2012. № 3. С. 110.

318. Різничок С.В. Євген Вертипорох як організатор фармацевтичної освіти у Львові у 40-х роках ХХ ст. // Вісник Львівського університету. Серія «Педагогічна». 2011. Вип. 27. С. 209.

319. Ганіткевич Я.В. Історичні етапи розвитку Львівського національного медичного університету імені Данила Галицького // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. 2012. № 3. С. 110.

320. Різничок С.В. Євген Вертипорох як організатор фармацевтичної освіти у Львові у 40-х роках ХХ ст. // Вісник Львівського університету. Серія «Педагогічна». 2011. Вип. 27. С. 212.

321. Довжик А. Життєвий шлях викладача, вченого Валентини Василівни Радзимовської. Емінак. 2016. № 3. Т. 3. С. 105.

322. Львівський національний медичний університет імені Данила Галицького / редкол.: Зименковский Б.С. (голова), Гжегоцький М.Р., Магльований А.В. Київ: Логос Україна, 2014. С. 124.

323. Ганіткевич Я.В. Історичні етапи розвитку Львівського національного медичного університету імені Данила Галицького // Вісник соціальної гігієни та організації охорони здоров'я України. 2012. № 3. С. 111.

324. Кицак Б.В. Медичне забезпечення населення в райхскомі-

саріаті «Україна» в 1941–1944 рр. Дис. ...канд. іст. наук. Житомир, 2018. С. 101.

325. Музей истории СтГМУ. Ф. 1. Зачетные книжки бывших студентов Винницкого медицинского института.

326. Жизнь в оккупации. Винницкая область, 1941–1944. М., 2010. С. 152.

327. Насильство над цивільним населенням. Вінницька область. Документи органів держбезпеки. 1941–1944. Київ: В. Захаренко, 2020. С. 32.

328. Вайнштейн С.Г. Винницкий медицинский институт. Забытый учебный год. URL: <http://www.proza.ru/2015/02/16/1176> (дата обращения: 08.05.2021).

329. Кицак Б.В. Медичне забезпечення населення в райхскомісаріаті «Україна» в 1941–1944 рр. Дис. ...канд. іст. наук. Житомир, 2018. С. 101.

330. Куликов В.Я. Оккупация Винницы (18.07.1941 – 20.03.1944): свидетельство очевидца. Киев: Парапан, 2012. С. 340.

331. История кафедры хирургии Винницкого национального медицинского университета имени М.И. Пирогова. URL: https://surgery.at.ua/index/pro_sajt/0-5 (дата обращения: 18.06.2022).

332. Музей истории СтГМУ. Приказы по Ставропольскому государственному медицинскому институту за 1941 год. Л. 132, 134, 151

333. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 966. Л. 129.

334. Вайнштейн С.Г. Винницкий медицинский институт. Забытый учебный год. URL: <http://www.proza.ru/2015/02/16/1176> (дата обращения: 08.05.2021).

335. Насильство над цивільним населенням. Вінницька область. Документи органів держбезпеки. 1941–1944. Київ: В. Захаренко, 2020. С. 11.

336. Косик В. Україна і Німеччина у Другій світовій війні. Париж – Нью-Йорк – Львів: Наукове Товариство ім. Т.Шевченка, 1993. С. 313.

337. Жизнь в оккупации. Винницкая область, 1941–1944. М., 2010. С. 788.

338. Вайнштейн С.Г. Винницкий медицинский институт. Забытый учебный год. URL: <http://www.proza.ru/2015/02/16/1176> (дата обращения: 08.05.2021).

339. Кицак Б.В. Медичне забезпечення населення в райхскомі-

саріаті «Україна» в 1941–1944 рр. Дис. ...канд. іст. наук. Житомир, 2018. С. 101–102.

340. Сорокина М.Ю. Меж двух диктатур: советские ученые на оккупированных территориях СССР в годы Второй мировой войны (к постановке проблемы) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2012. С. 188.

341. Там же. С. 171, 175, 203.

342. Насильство над цивільним населенням. Вінницька область. Документи органів держбезпеки. 1941–1944. Київ: В. Захаренко, 2020. С. 32.

343. Цуприкова О. Эпидемии прошлого // Жизнь Луганска. 2009. № 49. С.10.

344. Кто есть кто в патологической анатомии в России. Биографический справочник / ред.-сост. А.Н. Зубрицкий. М.: Астрель-Центр, 2015. С. 103–104.

345. Васильев К.К., Васильев Ю.К. Участник Великой Отечественной войны Михаил Александрович Ясиновский (1899–1972) // Материалы X Всероссийской конференции с международным участием «Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» М.: МГМСУ, 2014. С. 42.

346. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 26. Л. 8.

347. Музей истории СтГМУ. Ф. 1. Мемориальное дело С.Я. Шварцмана.

348. Музей истории СтГМУ. Приказы по Ставропольскому государственному медицинскому институту за 1941 год. Л. 131, 133, 134, 148, 151об.

349. Смирнов В.А. Реквием XX века: в 5-ти ч. Ч. 1. Одесса: Астропринт, 2009. С. 148.

350. Интересная лекция. Университетская типография. В судебно-медицинской экспертизе // Молва. 1942. 2 декабря. С. 3.

351. Вишневский С.А., Гуменюк А.Ю. Функционирование Одесского университета в годы немецко-румынской оккупации Юга УССР (1941–1944 гг.) // Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 22.

352. Циделко Т.А. Праведники народов мира: семья Шевалевых // Вестник морской медицины. 2019. № 3. С. 107.

353. История развития детской хирургии в Одессе. URL: <https://dropdoc.ru/doc/561117/istoriya-razvitiya-detskoj-hirurgii-v-odesse> (дата обращения: 21.06.2021).

354. Вишневский С.А., Гуменюк А.Ю. Функционирование

Одесского университета в годы немецко-румынской оккупации Юга УССР (1941–1944 гг.) // Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 20–23.

355. Мемуары Юдифь Альтшулер. URL: http://bernshtam.name/?page_id=596 (дата обращения: 22.07.2019).

356. Донецкий национальный медицинский университет имени М. Горького (краткая история). URL: <https://dnkmu.com/home/istoriia-donnmu> (дата обращения: 07.05.2021).

357. О разрушениях, причиненных немецко-фашистскими захватчиками промышленности, городскому хозяйству, культурно-просветительным учреждениям Сталинской области. Разрушения по городу Сталино. Сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР // Известия. 1943. 13 ноября. С. 2.

358. Потильчак О. Нацистська політика у сфері підготовки спеціалістів із середньою та вищою спеціальною освітою в Україні (1942–1944 рр.) // Архіви окупації 1941–1944. К.: Вид. дім «Києво-Могилянська академія», 2006. С. 786.

359. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 169. Л. 64об.; Оп. 690155. Д. 4378. Л. 5; Шк. 98. Ящ. 2. Док. 424.

360. Большая Советская Энциклопедия / гл. ред. Б.А. Введенский. Второе издание. Т. 28. М., 1954. С. 22.

361. Кицак Б.В. Медичне забезпечення населення в райхскомісаріаті «Україна» в 1941–1944 рр. Дис. ...канд. іст. наук. Житомир, 2018. С. 96–113.

362. Варава Г.Н., Косенко К.Н. История института стоматологии АМН Украины за 80 лет // Вестник стоматологии. 2010. № 2. С. 130.

363. Боган С.М. Стан медичного та ветеринарного обслуговування населення Півдня України в період німецької окупації в 1941–1944 роках // Наукові праці [Чорноморського державного університету імені Петра Могили]. Сер.: Історія. 2011. Т. 147. Вип. 134. С. 36.

364. Теремов Д.Д., Нагорная С.В., Остапенко В.М., Пашков К.А., Паренькова О.Р. Из истории Смоленского государственного стоматологического института (1936–1941 гг.) // Вестник

Смоленской государственной медицинской академии. 2018. Т. 17. № 4. С. 174.

365. Архив СтГМУ. Личное дело Петряевой А.Т.

366. Сорокин А. На направлении главного удара // Родина. 2013. № 9. С. 128.

367. Отвагин И.В., Козырев О.А. Смоленская государственная медицинская академия – прошлое и настоящее // Вестник Смоленской государственной медицинской академии. 2015. Т. 14. № 1. С. 8–9.

368. Лазарев А.М., Друговская А.Ю. Курский мединститут в годы войны // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 68.

369. Лазаренко В.А. Курский государственный медицинский университет: прошлое и настоящее // Высшее образование в России. 2015. № 1. С. 98.

370. Лазарев А.М., Друговская А.Ю. Курский мединститут в годы войны // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 73.

371. Об ускоренных выпусках врачей ВГМИ в 1941–1942 гг. Официальный сайт ФГБОУ ВО «Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко». URL: <https://vrgngu.ru/membook/20951/> (дата обращения: 22.09.2022).

372. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2. Д. 8. Л. 149.

373. Есауленко И.Э., Попов В.И. Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко – от истоков до сегодняшнего дня // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2015. № 4. С. 244.

374. Официальный сайт ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет». Сталинградский медицинский институт в Великой Отечественной войне и в послевоенные годы. URL: <https://old.volgmed.ru/ru/news/content/2015/05/12/4311/> (дата обращения: 22.09.2022).

375. Очерки истории / под ред. академика РАМН В.И. Петрова. Волгоград: изд-во ВолГМУ, 2005. С. 3.

376. Ерегина Н.Т. Высшая медицинская школа России, 1917–1953. Ярославль: Индиго, 2010. С. 217.

377. Улица Первой Пятилетки. Бессмертный Сталинград. URL: <https://бессмертныйсталинград.рф/kraevedcheskaya-progulka-po-stalingradu-1943-goda/> (дата обращения: 23.09.2022).

378. Мурзова О.А., Сагитова Г.Р., Ищенко Е.М., Гарянин Р.В., Отто А.И., Фараджова Д.М. Герои-астраханцы, спасавшие от смер-

ти // Медицина и организация здравоохранения. 2020. Т. 5. № 3. С. 64.

379. Каширская Е.И., Озорнина У.А. Трудный путь Астраханского медицинского института в годы Великой Отечественной войны. Памяти уникальных, грамотных и сильных духом медицинских специалистов // StatusPraesens. Педиатрия и неонатология. 2020. № 3–4. 40–42.

380. Инамова С.Т., Абдуллаева М.Э., Ганиева М.Ш., Арзыбеков А.Г., Синица Д.А. Высшее медицинское образование в Крыму: опыт ретроспективного анализа // Sciences of Europe. 2019. № 40. С. 22.

381. Непомнящий А.А., Ломакин Д.А. «Преодолевая нечеловеческие трудности»: Крымский государственный медицинский институт имени И.В. Сталина в годы Великой Отечественной войны (по документам из Государственного архива Российской Федерации) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 109.

382. Крымский медицинский и медики-подпольщики // Медицинский вестник. 2008. № 14. URL: <http://www.ma.cfuv.ru/site/page/show/docid/5967> (дата обращения: 10.05.2021).

383. К открытию университета в Крыму // Голос Крыма. 15 февраля 1942. С. 4.

384. Кохан А.А. Научные кадры Крыма в период оккупации (1941–1944) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2017. Т. 14. Вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-kadry-kryma-v-period-okkupatsii-1941-1944> (дата обращения: 10.05.2021).

385. Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации (1941–1944). Органы управления, их структуры и функции // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 4. С. 56.

386. Кохан А.А. Научные кадры Крыма в период оккупации (1941–1944) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2017. Т. 14. Вып. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-kadry-kryma-v-period-okkupatsii-1941-1944> (дата обращения: 10.05.2021).

387. Галимова Ю.Ш. Офтальмолог А. А. Бельский: жизнь и деятельность // Ученые записки Крымского федерального универ-

ситета имени В. И. Вернадского. Исторические науки. 2019. № 3. С. 32.

388. Мирошник Т. Крымский лекарь. Литературный очерк // Место встречи. 2017. С. 1–5.

389. Завадский А.В. 80 лет кафедре оториноларингологии Крымского университета им. В.И. Вернадского. Вестник оториноларингологии. 2016. Т. 81. № 3. С. 82.

390. Непомнящий А.А., Ломакин Д.А. «Преодолевая нечеловеческие трудности»: Крымский государственный медицинский институт имени И.В. Сталина в годы Великой Отечественной войны (по документам из Государственного архива Российской Федерации) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 112.

391. Складорова Е.К., Гутиева М.А., Карташев А.В., Камалова О.Н. Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 2016. С. 19.

392. Карташев А.В., Карташев И.В. Госпитали ВЦСПС на Кавказских Минеральных Водах в первый год Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 4. С. 47–54.

393. Ерегина Н.Т. Высшая медицинская школа России, 1917–1953. Ярославль: Индиго, 2010. С. 219.

394. Возрождение научной мысли // Голос Ростова. 1942. 17 декабря. С. 2.

395. Маркевич А.В., Каплунова О.А. 140 лет кафедре нормальной анатомии Ростовского государственного медицинского университета // Медицинский вестник Юга России. 2010. № 1. С. 69–79.

396. История РостГМУ. Официальный сайт ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет». URL: <http://rostgmu.ru/об-университете/ростгму-85-лет/юр-адрес-и-схема-проезда> (дата обращения: 08.04.2022).

397. Мацук А.М. Медицинские училища Министерства здравоохранения РСФСР в начале 1950-х годов. География расположения // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2019. № 1. С. 7–32.

398. Официальный сайт ГАПОУ «Брянский медико-социальный техникум имени академика Н.М. Амосова». История и дости-

жения. URL: <https://amosov32.ru/o-tehnikume/istoriya-dostijeniya/> (дата обращения: 30.09.2022).

399. Официальный сайт ОБПОУ «Курский базовый медицинский колледж». История Курского базового медицинского колледжа. URL: <http://kurskmk.ru/grazhdanam/istorija-kurskogo-br-bazovogo-medicinskogo-kolledzha/> (дата обращения: 30.09.2022).

400. Огневщиков В.В. Средние специальные учебные заведения Курской области в послевоенный период // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2012. № 4. Т. 1. С. 30.

401. История колледжа. Официальный сайт Львовского филиала ОБПОУ «Курский базовый медицинский колледж». URL: <https://львовский-медколледж.рф/svedeniya-ob-obrazovatelnoj-organizatsii/osnovnye-svedeniya/istoriya-medkolledzha> (дата обращения: 30.09.2022).

402. Справка о массовом истреблении немецко-фашистскими захватчиками пленных бойцов и командиров Красной Армии, а также советских граждан в Смоленском госпитале для военнопленных. 20 октября 1943 г. // ...Все судьбы в единую слиты...: По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков. Смоленск: Маджента, 2003. С. 108–110.

403. В Болхове. «Орловская правда» 1943 г., 11 августа // Книга памяти. Российская Федерация, Орловская область. Т. 12. Орел: Орелиздат, 1998. С. 27–28.

404. Официальный сайт ГБПОУ Ростовской области «Шахтинский медицинский колледж имени Г.В. Кузнецовой». И это все о нас... URL: <http://www.shamedcol.ru/aboute-colledge> (дата обращения: 27.09.2022); Окно в историю. Шахтинский краеведческий музей. URL: <https://культура-шахты.рф/map/museum/okno-v-istoriyu.php> (дата обращения: 27.09.2022).

405. В Симферополе. О школьной сети. Открыто 35 учебных заведений // Голос Крыма. 30 декабря 1942. С. 4.

406. Медицинские институты // Большая Медицинская Энциклопедия. 3-е издание. Том 14. М., 1980. С. 423–424.

407. Городская жизнь // Русская правда. 1942. 11 августа. С. 2.

408. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13. Л. 37.

409. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

410. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13. Л. 37.

411. Карташев А.В., Пахомов В.Н. Ставропольский медицинский институт в годы войны // На рубежах Кавказа: сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СтГМА, 2010. С. 72.
412. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 1. Д. 47. Л. 154–155.
413. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13. Л. 37.
414. Склярова Е.К., Гутиева М.А., Карташев А.В., Камалова О.Н. Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов н /Д, 2016. С. 58.
415. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 862. Л. 6.
416. Тюленев И.В. Через три войны. Воспоминания командующего Южным и Закавказским фронтами. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2007. С. 307.
417. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 6. Л. 11.
418. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 858. Л. 53.
419. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13. Л. 37.
420. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 858. Л. 18.
421. Карташев А.В., Пахомов В.Н. Ставропольский медицинский институт в годы войны // На рубежах Кавказа: сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СтГМА, 2010. С. 75.
422. Ключникова Л.Г. Академия в воспоминаниях первого выпускника // На рубежах Кавказа: сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СтГМА, 2010. С. 87.
423. Ставропольский медицинский: дорогами войны: Биографический справочник / сост.: А.В. Карташев [и др.]. Ставрополь, СтГМУ, 2015. С. 8–17.
424. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 858. Л. 60.
425. Приказы и распоряжения // Русская правда. 1942. 7 авг. С. 2.
426. Объявления // Русская правда. 1942. 16 авг. С. 2.
427. ГАНИСК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1069. Л. 143–144.
428. Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь, 1998. С. 64, 68.

429. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 858. Л. 17–20.
430. Карташев А.В., Спевак Р.С. [и др.]. Становление высшего медицинского образования на Северном Кавказе (1915–1945). Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2018. С. 124.
431. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 1. Л. 86, 114.
432. Музей истории СтГМУ. Ф. 1. Мемориальное дело Т.М. Виленского.
433. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 1. Л. 98.
434. Ставропольский медицинский: дорогами войны: Биографический справочник / сост.: А.В. Карташев [и др.]. Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2015. С. 186.
435. Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь, 1998. С. 35.
436. Профессор Д.Ф. Окунев. Некролог // Ставропольское слово. 1942. 9 сентября. С. 4.
437. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13. Л. 37.
438. Музей истории СтГМУ. Ф. 1. Воспоминания В.Г. Кучмаевой.
439. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 163. Л. 12.
440. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 858. Л. 17.
441. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 70. Л. 4–4об., 27.
442. УФСБ России по Ставропольскому краю. Архивно-следственное дело № 29665-пф.
443. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 1. Д. 243. Л. 6.
444. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13. Л. 42.
445. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 980. Л. 14.
446. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 123. Л. 1.
447. Беликов Г.А. Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. Ставрополь, 1998. С. 73.
448. Ценное предложение // Ставропольское слово. 1942. 2 сентября. С. 4.; Новая поликлиника // Ставропольское слово. 1942. 4 сентября. С. 4.
449. Новая лаборатория // Ставропольское слово. 1942. 2 октября. С. 4.
450. Музей истории СтГМУ. Ф. 1. Воспоминания Н.М. Бегларянц.
451. Музей истории СтГМУ. Ф. 1. Мемориальное дело А.Н. Полонского. Список сотрудников института, работающих по инвентаризации, и служащих медико-аналитической лаборатории на по-

лучение карточек по 4-й категории, XI-1942.

452. Музей истории СтГМУ. Архив семьи Б.А. Полонского, проживающего в г. Волгограде. Фотокопия.

453. Музей истории СтГМУ. Ф. 1. Воспоминания В.Г. Кучмаевой.

454. ГАСК. Ф. Р-5859. Оп. 2. Д. 26. Л. 102–103.

455. Привести город в образцовое санитарное состояние // Ставропольская правда. 1943. 16 февраля. С. 2.

456. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 170. Л. 19.

457. Справка // Известия СОИГСИ. 2014. № 11 (50). С. 133–138.

458. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 1680. Л. 59.

459. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 516. Л. 6.

460. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 3553. Л. 18.

461. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 350. Л. 3.

462. Открытие медицинского института // Утро Кавказа. 1942. 11 дек. С. 4.

463. Объявление // Утро Кавказа. 1942. 16 декабря, 18 декабря. С. 4.

464. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 74. Л. 1.

465. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 134. Л. 8.

466. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 92. Л. 7.

467. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 123. Л. 1.

468. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 500. Л. 6.

469. Карташев А.В., Пахомов В.Н. Ставропольский медицинский институт в годы войны // На рубежах Кавказа: сборник докладов, выступлений, научных статей по материалам научно-практических конференций СтГМА, посвященных 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: СтГМА, 2010. С. 78.

470. ГАСК. Ф. Р-2431. Оп. 4. Д. 13. Л. 37–38.

471. Открытый список. Захаров М.И. URL: <https://ru.openlist.wiki> (дата обращения: 25.12.2019).

472. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 350. Л. 4–7.

473. ЦАМО. Ф. 33. Оп. 690306. Д. 2426. Л. 379.

474. Первый Ленинградский медицинский институт: Городу и фронту. URL: <http://goroduifrontu.tilda.ws/> (дата обращения: 02.11.2022).

475. Шабров А.В., Романюк В.П. 2-ой Ленинградский медицинский институт (ныне – Санкт-Петербургская государствен-

ная медицинская академия им. И.И. Мечникова) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова. 2005. Т. 1. № 6. С. 218.

476. Павлова Н.В. Героическая страница жизни 1 ЛМИ во время эвакуации (1942–1945) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И.П. Павлова в годы Первой и Второй мировых войн: сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2015. С. 62.

477. Шабров А.В., Романюк В.П. 2-ой Ленинградский медицинский институт (ныне – Санкт-Петербургская государственная медицинская академия им. И.И. Мечникова) в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Вестник Санкт-Петербургской государственной медицинской академии им. И.И. Мечникова. 2005. Т. 1. № 6. С. 217.

478. Иванов Д.О., Микиртичан Г.Л., Савина И.А., Ляхов И.Д., Петренко Ю.В., Победимова И.А., Титова Л.А. Объект 708: подвиг ленинградских педиатров. СПб.: СПбГПМУ, 2021. С. 93.

479. Бякина В.П., Зимин И.В. 1-й ЛМИ в годы блокады: «Цель № 89» // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова. 2008. № 4. С. 9.

480. Карташев А.В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. №2. С. 75.

481. Штакельберг Г. Положение в Терской области по состоянию на сентябрь 1942 года // Под немцами: Воспоминания, свидетельства, документы. СПб, 2011. С. 467.

482. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003. С. 104–106.

483. Бякина В.П., Зимин И.В. 1-й ЛМИ в годы блокады: «Цель № 89» // Ученые записки СПбГМУ им. акад. И.П. Павлова. 2008. № 4. С. 9–10.

484. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 5. Л. 29, 34, 63.

485. Яд Вашем – Мемориальный комплекс истории Холокоста. Из показаний Александры (Ляли) Кытмановой (урожденной Скобло), 4 апреля, 1996. URL: <https://www.yadvashem.org/ru/righteous/stories/tsvileneva/skoblo-testimony.html> (дата обращения: 04.07.2019).

486. МИ ПСПбГМУ. НВФ-2. Ш.Д. Галустян. Докладная записка об организации филиала 1 ЛМИ.

487. Сизых Т.П. Истоки Красноярского медицинского института – академии – университета (к 67-летию КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого) // Сибирское медицинское обозрение. 2009. № 1. С. 101.

488. Холокост в Ставропольском крае. URL: <https://www.holocaust.su/holocaust-stavropolskiy-kray> (дата обращения: 04.11.2022).

489. ГАСК. Ф. Р-1368. Оп. 1. Д. 84. Л. 16.

490. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 5. Л. 19, 63.

491. РГАСПИ. Ф. 269. Оп. 1. Д. 26. Л. 98.

492. Письмо художника Л.Н. Тарабукина и его жены Д.Р. Гольдштейн писателю Ю. Калугину // Неизвестная «Черная книга». Материалы к «Черной книге» под редакцией Василия Гроссмана и Ильи Эренбурга / сост. Илья Альтман. Москва: АСТ: CORPUS, 2015. С. 237–238.

493. Эльконин Д.Б. «...Нет меры, могущей измерить чувство дружбы моей» (фронтовые письма А.Н. Леонтьеву) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1989. № 4. С. 10–20.

494. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 4. Л. 4.

495. Открытый список. URL: <https://ru.openlist.wiki/> (дата обращения: 22.07.2019).

496. Карташев И.В., Карташев А.В. К вопросу о судьбах преподавателей и студентов 1-го Ленинградского медицинского института в годы Великой Отечественной войны // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова. 2021. Т. 28. № 1. С. 12.

497. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 5. Л. 22.

498. Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе. Автореф. дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. С. 20.

499. Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 - октябрь 1943 гг.). Дис. ... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003. С. 327.

500. Евангелическо-Лютеранская Церковь Святого Михаила (г. Санкт-Петербург). Медики и аптекари прихода Св. Михаила.

Вильгельм Адольфович Шаак. URL: <https://spbstmihail.jimdo.com/музей/прихожане/медики/> (дата обращения: 06.07.2019).

501. О злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Ставропольском крае. М.: Госполитиздат, 1943. С. 15.

502. Кузнецов И.С., Платонов Д.Д. Первый Ленинградский медицинский институт в оккупированном Кисловодске // Уроки Холокоста и оккупации: судьбы медицинских работников и практики выживания на территориях СССР: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь: СтГМУ, 2019. С. 118.

503. Павлова Н.В. Героическая страница жизни 1 ЛМИ во время эвакуации (1942–1945) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И.П. Павлова в годы Первой и Второй мировых войн: сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2015. С. 67.

504. Блокада Ленинграда. Эвакуация. Ленинг Гильда Андреевна. URL: <https://evacuation.spbarchives.ru> (дата обращения: 18.11.2022).

505. Личный архив авторов. Переписка с Ж. Шевалье, сыном Г.А. Лепинг.

506. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 17. Д. 3. Л. 45.

507. МИ ПСПбГМУ. НВФ-2. Ш.Д. Галустян. Докладная записка об организации филиала 1 ЛМИ.

508. Объявление // Утро Кавказа. 1942. 16 декабря, 18 декабря. С. 4.

509. МИ ПСПбГМУ. НВФ-2. Ш.Д. Галустян. Докладная записка об организации филиала 1 ЛМИ.

510. Зимин И.В. Разные дни войны... Профессор В.А. Шаак: Ленинград – Кисловодск – Берлин – Ленинград (1941–1974) // Женский медицинский институт – 1 Ленинградский медицинский институт им. акад. И.П. Павлова в годы Первой и Второй мировых войн: сборник статей. СПб.: Изд-во СПбГМУ, 2015. С. 56.

511. МИ ПСПбГМУ. НВФ-2. Ш.Д. Галустян. Докладная записка об организации филиала 1 ЛМИ.

512. Яд Вашем – Мемориальный комплекс истории Холокоста. Праведники. Варвара Цвиленева (Россия). Многие знали, но не выдали. URL: https://netzulim.org/R/Const/Yad/75righteous/content/stories_tsvileneva.htm (дата обращения: 11.07.2019).

513. Амбарцумян А.А. Ленинград – Кисловодск – Кишинев:

эпизод из жизни Кисловодского медицинского института // Медицина и курорты Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Ставрополь: СтГМУ, 2015. С. 201.

514. Восстанавливаются лечебные учреждения // Ставропольская правда. 1943. 20 февраля. С. 2.

515. Рюмина Т.О. В.А. Шаак – немец, лютеранин и врач. Незнакомый праведник народов мира // Уроки Холокоста и оккупации: судьбы медицинских работников и практики выживания на территориях СССР: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ставрополь: СтГМУ, 2019. С. 128.

516. МИ ПСПбГМУ. НВФ-2. Ш.Д. Галустян. Докладная записка об организации филиала 1 ЛМИ.

517. Амбарцумян А.А. Ленинград – Кисловодск – Кишинев: эпизод из жизни Кисловодского медицинского института // Медицина и курорты Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции. Ставрополь: СтГМУ, 2015. С. 201.

518. Акты ЧГК, ф. Ставропольский край // Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Выпуск II. М.: Госполитиздат, 1945. С. 140–151.

519. Нюрнбергский процесс: сборник материалов / под ред. К. П. Горшенина (гл. ред.) и др. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. М.: Госюриздат, 1954. С. 70, 850–851.

520. Судавцов Н.Д. Бой без выстрелов: кисловодские медицинские учреждения в период немецкой оккупации // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 23–27; Бехтерев Л.И. Бой без выстрелов: Быль военных лет. М.: Воениздат, 1968. 157 с.

521. Карташев А.В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. 2016. № 2. С. 78.

522. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 2а. Д. 3803. Л. 2–45.

523. ГАСК. Ф. Р-5161. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

524. Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал ВолгГМУ. История вуза. URL: https://www.pmedpharm.ru/info_inst/history_inst/ (дата обращения: 08.12.2022).

525. ГАСК. Ф. Р-5161. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

526. Складорова Е.К., Гутиева М.А., Карташев А.В., Камалова О.Н. Вузы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Ростов н/Д, 2016. С. 43.

527. Кабакова Т.И. 70 лет высшему фармацевтическому образованию в Пятигорске // Фармация. 2013. № 3. С. 4.

528. ГАСК. Ф. Р-5161. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–13об.

529. Карташев А.В. Работа высших учебных заведений на Ставрополье в период Великой Отечественной войны // Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал. 2016. № 2. С. 76–77.

530. ГАСК. Ф. Р-5161. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

531. Хроника // Пятигорское эхо. 1942. 6 декабря. С. 3.

532. Открытие химико-фармацевтического института // Пятигорское эхо. 1942. 1 декабря. С. 4.

533. Объявления // Пятигорское эхо. 1942. 5 декабря. С. 4.

534. Здравоохранение. Городская хроника // Пятигорское эхо. 1942. 6 декабря. С. 4.

535. ГАСК. Ф. Р-5161. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–13об.

536. Мобилизуем витаминные богатства края // Орджоникидзевская правда. 1942. 24 июня. С. 3.

537. Открытие химико-фармацевтического института // Кавказский вестник. 1942. 13 декабря. С. 3.

538. О старой и новой высшей школе // Кавказский вестник. 1942. 13 декабря. С. 1.

539. ГАСК. Ф. Р-5161. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 13; Д. 3. Л. 114.

540. Медицинские вузы России. Пятигорская государственная фармацевтическая академия. URL: http://medvuz.info/publ/medicinskie_vuzy_rossii/4-1-0-75 (дата обращения: 11.12.2022).

541. ГАСК. Ф. Р-5161. Оп. 1. Д. 1. Л. 13об., 30; Кабакова Т.И. 70 лет высшему фармацевтическому образованию в Пятигорске // Фармация. 2013. № 3. С. 4.

542. ГАСК. НСБ. Инв. № 6633. Л. 27.

543. Новости Пятигорска и Ставропольского края. Всю жизнь посвятил медицине и детям. URL: <https://pyatigorsk.bezformata.com/listnews/zhizn-posvyatil-meditsine-i-detyam/69395014/> (дата обращения: 11.12.2022).

544. Чегутаева Л.Ф. Летопись города-курорта Пятигорска. Раздел 8. Ставрополь: Печатный Двор, 2021. С. 62–63.

545. ГАСК. Ф. Р-5161. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

546. Кабакова Т.И. 70 лет высшему фармацевтическому образованию в Пятигорске // Фармация. 2013. № 3. С. 4–5.
547. ГАКК. Ф. Р-5161. Оп. 1. Л. 1.
548. Карташев А.В., Спевак Р.С. [и др.]. Становление высшего медицинского образования на Северном Кавказе (1915–1945). Ставрополь: Изд-во СтГМУ, 2018. С. 158.
549. Никулина Е.Л. Кубанский медицинский институт, его сотрудники и выпускники в годы Великой Отечественной войны // Кубанский научный медицинский вестник. 2016. №2. С. 166–167.
550. Алексеенко С.Н., Ковальская А.Г. Кубанский государственный медицинский университет в годы Великой Отечественной войны // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 3–4. С. 492–495.
551. Сорокина М.Ю. Меж двух диктатур: советские ученые на оккупированных территориях СССР в годы Второй мировой войны (к постановке проблемы) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2012. С. 174–175.
552. Медицинский музей // Кубань. 1942. 6 октября. С. 2.
553. Научная медицинская библиотека // Кубань. 1943. 12 января. С. 2.
554. Мазурицкий А.М. Как спасали книги в годы Великой Отечественной войны: рассказы о забытых героях // Научные и технические библиотеки. 2017. № 12. С. 113–114.
555. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.
556. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 1. Л. 10; Д. 15. Л. 35.
557. Документы обвиняют: сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. Выпуск II. М., 1945. С. 101.
558. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 26. Л. 8.
559. Крыкляс Г.Г., Варава Г.Н. 120 лет со дня рождения проф. Николая Николаевича Соколова // Вестник стоматологии. 2010. № 4. С. 110–111.
560. Ионов Ю.В. Оккупация: до и после (записки старого краснодарского врача). Краснодар: Экоинвест, 2014. 213 с.
561. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Д. 14. Л. 2–4.
562. Официальный сайт издательства Кембриджского университета. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/parasitology/listing?q=J.A.+Dinnik> (дата обращения: 28.12.2019).
563. ГАКК. Ф. Р-418. Оп. 1. Д. 7. Л. 120, 123.

564. Ионов А.Ю., Ковальская А.Г. Военная эпопея Кубанского вуза // Медицинский вестник. 2010. № 12. URL: <https://lib.medvestnik.ru/articles/Voennaya-epopeya-kubanskogo-vuza.html> (дата обращения: 25.07.2019).

565. Смерть гитлеровским палачам и их гнусным пособникам! // Правда. 1943. 19 июля. С. 1.

566. Крыкляс Г.Г., Варава Г.Н. 120 лет со дня рождения проф. Николая Николаевича Соколова // Вестник стоматологии. 2010. № 4. С. 111–112.

567. Алексеенко С.Н., Ковальская А.Г. Кубанский государственный медицинский университет в годы Великой Отечественной войны // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 3–4. С. 492–495.

568. Никулина Е.Л. Кубанский медицинский институт, его сотрудники и выпускники в годы Великой Отечественной войны // Кубанский научный медицинский вестник. 2016. №2. С. 165–166.

569. Линченко С.Н., Щимаева И.В., Горина И.И., Колодкин А.А. Военная кафедра Кубанского медицинского института им. Красной Армии: вместе с народом к Великой Победе // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Славный юбилей Великой Победы». Ростов-на-Дону, 2015. С. 26–28.

570. Мазурицкий А.М. Как спасали книги в годы Великой Отечественной войны: рассказы о забытых героях // Научные и технические библиотеки. 2017. № 12. С. 113–114.

571. Пятигорские фельдшерско-акушерская и зубоврачебная школы объявляют набор учащихся // Орджоникидзевская правда. 1942. 2 июля. С. 4.

572. Часнык Г.А. Краснодарская фельдшерско-акушерская школа: война и судьбы // Великая Отечественная война: история, документы и факты: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 60-летию окончания Великой Отечественной войны (23–27 мая 2005 г.). Краснодар, 2005. С. 163–168.

573. Подготовка медицинских кадров // Орджоникидзевская правда. 1942. 25 января. С. 2.

574. Михайлов И.В. Оккупация, или 160 дней по германскому времени. Ставрополь, 2007. С. 70.

575. Ессентукская фельдшерская школа // Заря. 1942. 10 сентября. С. 2.

576. ГАСК. Ф. Р-4063. Оп. 1. Л. 1.
577. Пятигорская медицинская школа // Пятигорское эхо. 1942. 6 ноября. С. 4.
578. Линец С.И. Город во мгле... (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации: Август 1942 г. – Январь 1943 г.). Пятигорск: ПГЛУ, 2010. С. 67.
579. По Георгиевску. Медицинская школа // Кавказский вестник. 1942. 15 декабря. С. 3.
580. ГАСК. Ф. Р-4120. Оп. 1. Л. 1–3.
581. Архив СтГМУ. Ф. Р-2431. Оп. 3. Д. 33. Л. 1–4.
582. ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 16. Д. 144. Л. 31.
583. Официальный сайт ГБПОУ «Армавирский медицинский колледж». Музей. URL: <http://www.mkarm.ru/muzej> (дата обращения: 16.07.2019).
584. Официальный сайт ГБПОУ «Ейский медицинский колледж». История. URL: <http://www.goukkemk.ru/main/history> (дата обращения: 08.07.2019).
585. ГАНИСК. Ф. 4339. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
586. Официальный сайт ГБПОУ «Армавирский медицинский колледж». Музей. URL: <http://www.mkarm.ru/muzej> (дата обращения: 16.07.2019).
587. Мемуары Юдифь Альтшулер. URL: http://bernshtam.name/?page_id=596 (дата обращения: 22.07.2019).
588. Жизнь и творчество профессора М.С. Макарова в документах и воспоминаниях: сборник исторических материалов. Ставрополь, 2016. С. 17, 69.
589. Музей истории СтГМУ. Ф. 1. Воспоминания В.Г. Кучмаевой.

Карташев Игорь Владимирович
Карташев Андрей Владимирович

МЕДИЦИНСКИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ
НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941–1945 гг.

Компьютерная верстка *С.М. Огнещиковой*

Подписано в печать 12.09.2023 г.
Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Усл. п. л. 14,65.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 379.

Отпечатано в типографии
Ставропольского государственного медицинского университета,
355017, г. Ставрополь, ул. Мира, 310